ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 26 ИЮНЬ 1981

В зале заседаний Верховного Совета СССР. На трибуне Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного

ПЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

26 (2815)

27 ИЮНЯ 1981

Совета СССР Л. И. Брежнев.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

Энергию кипучего созидания, которой живет Страна Советов, принесли с собой народные избранники в Большой Кремлевский дворец, где 23 июня начала работу пятая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

Сессия Верховного Совета СССР открылась в 11 часов утра совместным заседанием Совета Союза и Совета Национальностей.

Бурными, продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей **Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, Т. Я. Киселева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, В. И. Долгих, К. В. Русакова.**

Депутаты единодушно утвердили повестку дня сессии и порядок ее работы.

В повестке дня сессии вопросы:

1. Об Обращении Верховного Совета СССР к парламентам и народам мира .
2. Об избрании заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР от Киргизской ССР и члена Президиума Верховного Совета СССР.
3. О развитии жилищного хозяйства, улучшении использования и сохранности жилищного фонда.
4. О проекте Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик.
5. О проекте Закона СССР о правовом положении иностранных граждан в СССР.
6. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Председательствующий — Председатель Совета Национальностей **В. П. Рубен** предложил приступить к рассмотрению первого пункта повестки дня.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР **Л. И. Брежневу.** Депутаты и гости встают и приветствуют его бурными, продолжительными аплодисментами.

* * *

Далее товарищ Л. И. Брежнев зачитал проект обращения Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира».

Выступление товарища Л. И. Брежнева было выслушано с огромным вниманием и встречено бурными, продолжительными аплодисментами.

Депутаты единогласно принимают обращение Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира». В зале гремят аплодисменты, выражающие горячее одобрение этого важного документа, призывающего к активным действиям во имя мира и международной безопасности, к тому, чтобы высокий авторитет и возможности парламентов были использованы на благо мира и международного сотрудничества.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА

Уважаемые товарищи депутаты!

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза констатировал: «Сегодня положение дел в мире требует новых, дополнительных усилий, чтобы устранить угрозу войны, укрепить международную безопасность... Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты».

Учитывая серьезность международной ситуации, съезд выдвинул конкретную программу укрепления мира, которая сегодня находится в центре внимания мировой общественности. Над ее претворением в жизнь продолжают упорно работать и наша партия, и Советское правительство.

Ход международных событий за три месяца после съезда КПСС с новой убедительностью подтвердил правоту сделанных нашей партией выводов.

Воинственно настроенные милитаристские круги во главе с американским империализмом развернули небывалую по масштабам гонку вооружений. Они уклоняются от переговоров о сдерживании процесса вооружения, об устранении очагов конфликтов и мирном решении спорных международных проблем. Они беззастенчиво поощряют акты открытой агрессии и международного бандитизма со стороны своих ставленников. Накал обстановки в мире становится все более опасным. Растет и понимание этой опасности в широких массах, крепнут голоса протеста против активности милитаристов.

В этих условиях исключительно велика ответственность всех миролюбивых стран и народов за то, чтобы сорвать авантюристические планы, не допустить, чтобы совершилось непоправимое, сохранить мир.

Мы, советские люди, с особой остротой сознаем меру этой ответственности. У нас за плечами тяжкий опыт войны по разгрому немецко-фашистских агрессоров, которая началась ровно сорок лет тому назад злодейским нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Это была самая тяжелая война из всех, которые когда-либо выпадали на долю нашего народа, да и вообще какого-либо народа на земле. Этот священный бой против агрессора мы вели не ради славы — ради жизни на земле.

О миллионах советских людей, павших в этом бою, наш народ не забудет никогда. Никогда!

Почтим память павших героев вставанием. (Все встают. Наступает минута молчания).

Все мы хорошо знаем: сегодня мощь сил мира, противостоящих потенциальному агрессору, велика, как никогда ранее.

Но мы знаем и другое: сам характер современного оружия стал таким, что, будь оно пущено в ход, на карту оказалось бы поставлено будущее всего человечества.

Вывод из этого один: надо сейчас, сегодня сделать все, чтобы преградить путь любителям безграничных вооружений и военных авантюр. Надо сделать все, чтобы обеспечить право людей на жизнь. И в этом деле не может быть посторонних и равнодушных: оно касается всех и каждого. Оно касается правительств и политических партий, общественных организаций — и, конечно, парламентов, избранных народами и действующих от их имени.

Вот почему Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР вносят на ваше рассмотрение проект обращения Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира». В этом проекте содержится призыв к активным действиям во имя мира и международной безопасности, к тому, чтобы высокий авторитет и возможности парламентов были использованы на благо мира и международного сотрудничества.

К ПАРЛАМЕНТАМ И НАРОДАМ МИРА

ОБРАЩЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, обеспокоенный возросшей военной опасностью, небывалым размахом гонки вооружений, обращается к парламентам и народам мира.

Верховный Совет СССР выступает с этим обращением, когда исполнилось 40 лет со дня нападения гитлеровского фашизма на нашу Родину. Советский народ склоняет головы перед светлой памятью двадцати миллионов соотечественников, павших в войне. Вторая мировая война принесла неисчислимые бедствия и страдания всему человечеству. Мы глубоко чтим память всех, кто отдал жизнь в борьбе с агрессией, ради мира на земле.

История преподала суровый урок. Слишком дорогую цену заплатили народы за то, что не удалось предотвратить войну, вовремя отвести нависавшую угрозу. Нельзя допустить, чтобы трагедия повторилась. Нужно и возможно сделать все, чтобы не допустить новой мировой войны.

Планета и так уже перенасыщена оружием массового уничтожения. Но его наращивание продолжается, создается оружие все более изощренное и губительное. Готовятся площадки для сотен новых ядерных ракет в Западной Европе. Людей хотят приучить к преступной мысли о допустимости применения ядерного оружия.

Нагнетается политическая напряженность. Снова делается ставка на достижение военного превосходства, пущен в ход язык угроз. Открыто выдвигаются претензии на вмешательство в дела других стран и народов. И все это прикрывается грубым вымыслом о «советской военной угрозе».

Верховный Совет СССР торжественно заявляет: Советский Союз никому не угрожает, не стремится к конфронтации ни с одним государством на Западе или на Востоке. Советский Союз не добивался и не добивается военного превосходства. Он не был и не будет инициатором новых витков гонки вооружений. Нет такого вида вооружений, который он не согласился бы ограничить, запретить на взаимной основе, по договоренности с другими государствами.

Обеспечение мира было, есть и остается высшей целью внешней политики Советского государства. На это направлена Программа мира для 80-х годов, принятая XXVI съездом Коммунистической партии Советского Союза. Она охватывает меры по сокращению как ракетно-ядерного, так и обычного оружия, содержит предложения по урегулированию существующих и предотвращению новых конфликтов и кризисных ситуаций, проникнута стремлением к углублению разрядки и развитию мирного сотрудничества стран всех континентов. Она выражает готовность Советского Союза вести переговоры по всем актуальным вопросам мира и безопасности, с вниманием отнестись к любым конструктивным идеям других государств.

В наш ядерный век диалог, переговоры в одинаковой степени нужны всем, как всем нужны мир, безопасность, уверенность в будущем. Нет сейчас иного разумного способа решать спорные проблемы, как бы остры и сложны они ни были, кроме переговоров. Ни одна имеющаяся возможность не должна быть упущена. Время не ждет!

С каждым потерянным для переговоров днем возрастает риск ядерного конфликта. Откладывается в сторону решение насущных проблем, стоящих перед каждым народом и перед всеми народами. Время не ждет!

В наши дни все те, кто поощряет своими действиями гонку вооружений, дальнейшее накопление в мире средств массового уничтожения людей, ратует за применение силы при решении спорных вопросов между государствами или же просто закрывает глаза на опасности, подстерегающие сегодня мир, фактически подталкивают человечество к бездне.

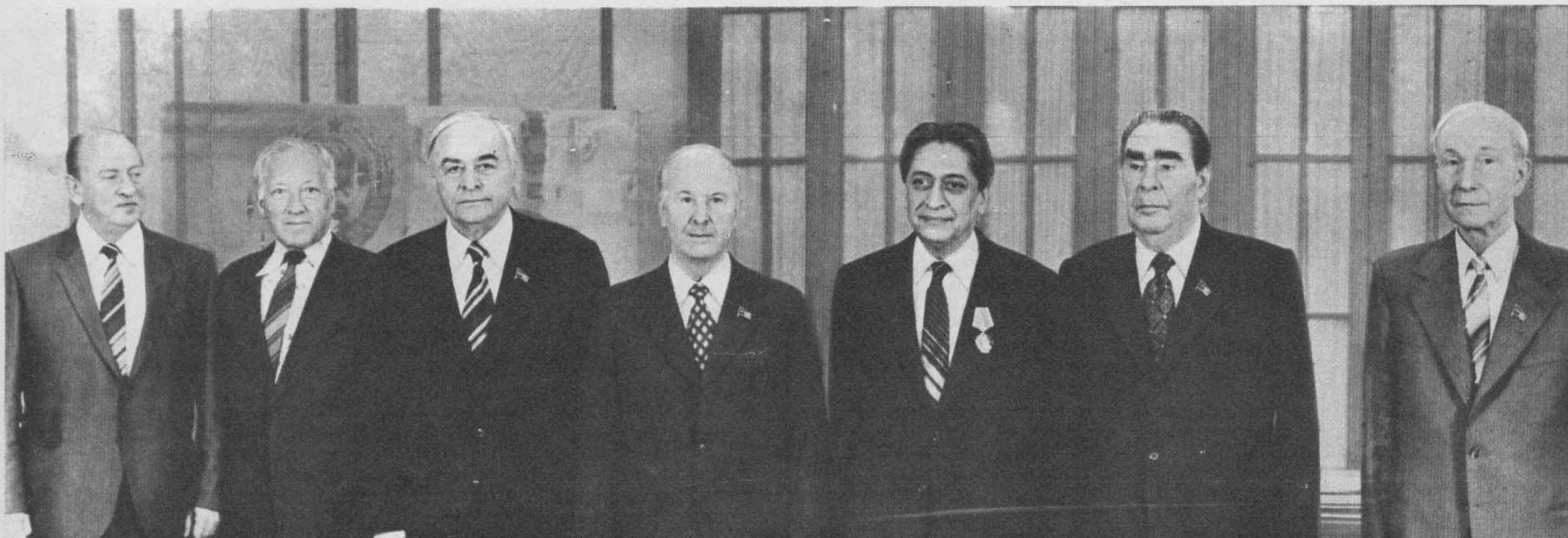
Верховный Совет СССР обращается к законодательным органам всех стран с призывом решительно высказаться за переговоры, которые имели бы своим результатом недопущение нового тура гонки ракетно-ядерных вооружений, — переговоры честные, равноправные, без каких бы то ни было предварительных условий или попыток диктата.

Верховный Совет СССР рассчитывает на то, что его обращение будет рассмотрено со всем вниманием, какого заслуживает этот самый важный, самый жгучий вопрос современности. Он убежден, что парламенты располагают необходимыми прерогативами и авторитетом, чтобы эффективно добиваться обуздания гонки вооружений и разоружения на путях переговоров. Со своей стороны Верховный Совет СССР будет и впредь вносить свой вклад в создание такой атмосферы, которая способствовала бы достижению в итоге переговоров положительных результатов.

Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования. Только совместными усилиями он может и должен быть сохранен и надежно обеспечен.

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик

Москва, Кремль. 23 июня 1981 г.

Во время вручения награды. Фото Э. Песова и А. Стужина (ТАСС).

ВРУЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НАГРАДЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 18 июня в Кремле орден Ленина президенту Всемирного Совета Мира Ромешу Чандре, который удостоен советской награды за большие заслуги в борьбе за дело мира и безопасности народов.

При вручении ордена товарищ Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

— Мы ясно и открыто изложили свою позицию по вопросам войны и мира на XXVI съезде КПСС. И радует, что выдвинутая нами Программа мира для 80-х годов встречает полное понимание со стороны столь авторитетного движения общественности, как движение сторонников мира.

Вручая Вам, товарищ Ромеш Чандра, высокую награду, от всей души хочу пожелать доброго здоровья и новых успехов в Вашей ответственной деятельности.

При вручении награды присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместители заведующих отделами ЦК КПСС В. Н. Игнатенко, В. С. Шапошников, другие официальные лица.

Присутствовавшие тепло поздравили товарища Р. Чандру с высокой советской наградой.

В ДЕЛОВОЙ И ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

22 июня в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с членом Политисполкома ЦК РКП, премьер-министром правительства СРР И. Вердецем, прибывшим в Москву с кратковременным рабочим визитом.

Переговоры глав правительств СССР и СРР подтвердили обоюдное стремление к дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества между Советским Союзом и Социалистической Республикой Румынией.

Во время беседы были затронуты также некоторые актуальные международные проблемы, связанные с задачами укрепления безопасности и сотрудничества в Европе, разоружения и ограничения вооружений, упрочения разрядки и мира.

Во встрече приняли участие: с советской стороны — секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, другие официальные лица; с румынской стороны — член Политисполкома ЦК РКП, заместитель премьер-министра правительства СРР, министр внешней торговли и международного экономического кооперирования К. Буртикэ, кандидат в члены Политисполкома, секретарь ЦК РКП П. Энаке, кандидат в члены Политисполкома ЦК РКП, заместитель премьер-министра правительства СРР, председатель государственного планового комитета СРР Э. Добреску, другие официальные лица.

Во время встречи. Фото Дм. Бальтерманца

Наш Взгляд

КТО СЕЕТ ВЕТЕР...

Юрий КОРНИЛОВ

Гнев и возмущение — так реагирует мир на агрессивные акции Израиля. Видные государственные и общественные деятели разных стран, печать с тревогой отмечают, что расширяющиеся масштабы атак Тель-Авива против арабских государств создают на Ближнем Востоке, этой горячей точке планеты, все более накаленную обстановку.

Для возмущения и тревоги есть все основания. Угрозы и провокации в отношении Сирии, варварские удары по Ливану, бандитские налеты с моря и воздуха на лагеря палестинских беженцев и, наконец, беспрецедентная по цинизму и наглости гангстерская акция против Ирака, в ходе которой был подвергнут бомбардировке атомный исследовательский центр близ Багдада, — вот ступени эскалации преступной войны, которую Израиль ведет против арабских народов. Опасность этого милитаристского курса более чем очевидна — ведь он чреват пожаром, который может охватить весь Ближний Восток, причем неизвестно, как далеко полетят искры этого пожара. Чем же объяснить растущую агрессивность тель-авивских правителей?

Ответ очевиден: политика Тель-Авива, ориентированная на США, в полной мере отражает сегодня те гегемонистские, экспансионистские тенденции, которые все больше берут верх в Вашингтоне. Соединенные Штаты всегда стояли — и стоят сейчас — за спиной Израиля, являясь не только вдохновителями, но, по существу, и прямыми соучастниками преступлений израильской военщины.

Именно Вашингтон, рассматривающий Израиль как американского жандарма на Ближнем Востоке, из года в год наращивает агрессивную военно-экономическую машину Тель-Авива, направляя в Израиль и миллиарды долларов и арсеналы оружия, которое несет смерть и разрушения жителям арабских городов и деревень. Только в нынешнем финансовом году Израиль получит от США различных видов «помощи» почти на 3 миллиарда долларов, причем две трети этой суммы предназначены на военные цели. В мире нет другой страны, которая являлась бы объектом подобной щедрости американского империализма!

Именно Вашингтон, стремящийся любой ценой утвердить свое господство в «нефтяной кладовой» мира, на Ближнем Востоке, шаг за шагом создает в регионе такую обстановку, которая в наибольшей мере способствовала бы росту безудержных гегемонистских вожделений Тель-Авива, разгулу его авантюристических страстей. Наглядным тому примером может служить заключенная под эгидой США сепаратная кэмп-дэвидская сделка, рассчитанная на то, чтобы расколоть арабский мир, вынудить его к капитуляции перед империализмом.

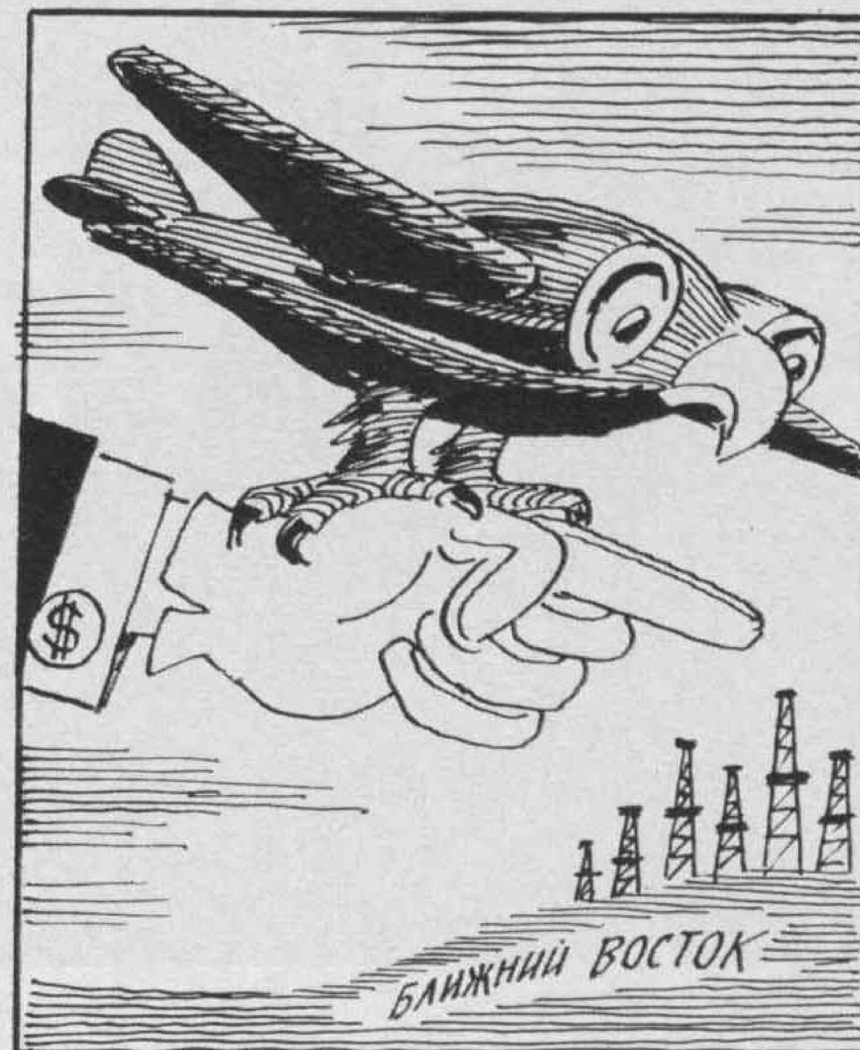
Именно Вашингтон, поощряя и материально обеспечивая разбойничьи акции Израиля, одновременно взял на себя функции адвоката агрессора и, не стесняясь в средствах и методах, пытается обелить его преступные действия, сбить нарастающую в мире волну возмущения и протестов. За примерами ходить недалеко: вспомним хотя бы те неблаговидные политические маневры и беспардонные демагогические пируэты, которые использовали США, дабы вопреки требованиям многих стран не допустить принятия санкций против Израиля на чрезвычайном заседании Совета Безопасности ООН, созванном после пиратского рейда на Багдад. Вспомним недавнее выступление президента США Р. Рейгана — выступление, в ходе которого сей «борец против международного терроризма», касаясь террористических действий Тель-Авива, договорился до утверждений, что Израиль-де «имел основания испытывать озабоченность» политикой Ирака, а вина за напряженность на Ближнем Востоке лежит не на Тель-Авиве, а на тех, кто стал жертвой его агрессии! Ханжество и фарисейство — иначе подобные заявления не назовешь.

Американские ревнители международной справедливости явно считают, что они выше любого права, любых международных норм, они все более откровенно делают ставку на силу, на «большую дубинку» — эта линия определяет сегодня всю американскую внешнюю политику, в том числе и на Ближнем и Среднем Востоке, где США бряцают оружием у берегов суверенных государств зоны Персидского залива, наращивают военное присутствие в Индийском океане и, опираясь на своих израильских протеже, пытаются поставить на колени арабские страны и народы. «Последний аргумент короля» — гравировал некогда на своих пушках воинственный германский кайзер Вильгельм II. Не знаем, есть ли на пушках и бомбах современных претендентов на господство над независимыми странами и народами иные надписи, кроме как «Сделано в США», но они явно считают эти пушки и бомбы чем-то вроде «последнего аргумента» империализма.

Однако народы не допустят, чтобы этот «аргумент» был применен! Свидетельство тому — буря негодования и протестов против бандитских действий Израиля и его заокеанских покровителей, которые возвели международный терроризм в ранг государственной политики. Свидетельство тому — нарастающая решимость арабских народов противодействовать капитулянтскому кэмп-дэвидскому сговору, усиливать борьбу за освобождение оккупированных Израилем земель, за предоставление законных прав арабскому народу Палестины.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

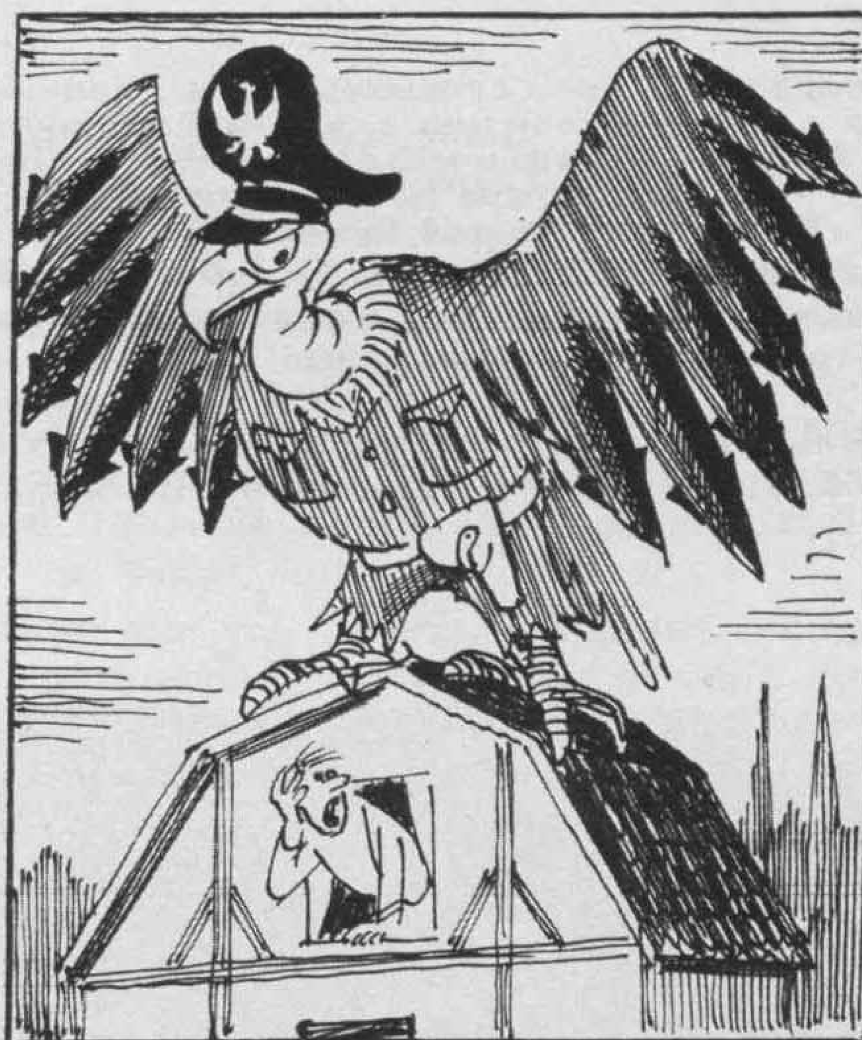
ОТРЯД ПЕРНАТЫХ (НЕ ПО БРЕМУ)

Израильский ястреб со своим хозяином.

Алчный выводок.

Заокеанский стервятник в Западной Европе.

Заводной попугай.

Рисунки Ю. Черепанова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Беседа с Председателем партии ФРЕЛИМО, Президентом Народной Республики Мозамбик товарищем Самора Мойзес МАШЕЛОМ.

25 июня для мозамбикцев особый день. В летопись национально-освободительной борьбы он вписан дважды. 25 июня 1962 года был создан Фронт освобождения Мозамбика—ФРЕЛИМО. Спустя тринадцать лет в тот же день была провозглашена Народная Республика Мозамбик. И оба эти события неотделимы от судьбы человека, о встрече с которым я хочу рассказать.

Недавно в Мапуту открылся музей истории революции. Большеглазая девушка по имени Агида подвела нас к одному из стендов и торжественно произнесла: «Посмотрите, вот так началась вооруженная борьба нашего народа против португальских колонизаторов. Перед вами — самые первые боевые отряды ФРЕЛИМО».

На фотографии шеренги бойцов с винтовками. Многие босы, в заплатанной одежде, но сколько восторга, сколько решимости в их лицах! «В 1964 году в первых отрядах было всего 250 бойцов. А против них стояла 35-тысячная португальская армия,—продолжала Агида.— Но число тех, кто сражался за свободу, стало быстро расти, и в том же году группа партизан, которую возглавлял товарищ Самора Машел, развернула военные действия против колонизаторов, это было началом национально-освободительной борьбы!»

Неизвестный фоторепортер, запечатлевший жизнь боевых партизан в походе, во время обучения и на отдыхе, конечно, не предполагал, что эти фотокадры станут достоянием Истории. Всматриваясь в снимки, я нахожу среди бойцов товарища Машела. В маскодежде и кепи, сдвинутом на затылок, член Центрального Комитета ФРЕЛИМО и секретарь департамента обороны ЦК кажется совсем юным, хотя ему тогда уже исполнилось тридцать три года...

Вернувшись из музея, я с еще большим нетерпением ожидала обещанную встречу с товарищем Машелом, хотя меня предупредили, что он в эти дни особенно занят.

«Клянусь моей честью члена ФРЕЛИМО отдать всю мою энергию делу защиты дальнейшего развития и укрепления завоеваний революции, делу процветания мозамбикского народа...». Слова этой клятвы, записанной в конституции, произнес шесть лет назад первый Президент Народной Республики Мозамбик Самора Мойзес Машел. Все, кто встречался с этим человеком, кто знает его близко, единодушно признают — он работает очень много, вдохновенно, не щадя себя и подчас забывая об отдыхе.

Подходила к концу моя командировка в эту далекую страну, и я уже потеряла надежду на встречу, но в канун вылета в Москву стало известно, что завтра в десять утра товарищ Машел ожидает корреспондента «Огонька».

В назначенное время вместе с послом нашей страны в Мозамбике Валентином Петровичем Вдовиным мы были в резиденции главы государства. Нас приглашают в просторную, залитую солнцем комнату. Нам навстречу улыбаясь идет товарищ Машел, Главнокомандующий Народными силами освобождения в маршальской форме. Пожимая мою руку и весело заглядывая в глаза, он спрашивает: «Ну как настроение?» «Отличное!» — «Значит, понравилось у нас?» — «Очень понравилось!» — «А что именно? Где вы побывали?»

Он расспрашивает о моей поездке в провинцию Нампуло, живо интересуется впечатлением о «коллективной деревне». Мельком глянув на часы, он произносит: «К сожалению, у меня ограничено время! Я познакомился с вашими вопросами и буду отвечать быстро. Успеете записать? Учтите, я говорю очень быстро!» В его манере беседы угадывался человек эмоциональный, любящий шутку, острое словцо.

Семнадцать лет назад ему, молодому парню из крестьянской семьи, было поручено создать боевые отряды ФРЕЛИМО. Позднее он принимал деятельное участие в формировании Народных сил освобождения Мозамбика и не расставался с боевым оружием до дня освобождения. Интересно, какой же из дней минувших сражений остался для него самым дорогим, самым памятным?

Товарищ Машел лукаво прищурился.

— А какой самый памятный день для девушки, которая собирается замуж?

— День свадьбы!

— Конечно, день свадьбы! — смеется он и, вмиг посерьезнев, продолжает: — Для меня таким важным днем стал день начала вооруженной борьбы за национальное освобождение 25 сентября 1964 года — день великого перелома. Да, великого перелома! Ведь принять такое решение значило перейти Рубикон. В тот день мы взяли на себя великую ответственность — приняли самое важное решение. После создания Фронта освобождения Мозамбика это был самый важный день. Мы были вынуждены взяться за оружие, чтобы покончить с властью португальских колонизаторов, чтобы вернуть мозамбикскому народу человеческое достоинство! Вооруженная борьба, и я подчеркиваю это, имела огромное значение и для создания условий возрождения нашей культуры. Вместе с тем она носила политический, экономический, социальный характер. Это был период наивысшего подъема национального духа. Наивысшее проявление самопожертвования народа.

Пружинисто поднявшись с кресла, товарищ Машел делает несколько шагов по комнате.

— Лучше жить свободным только один час, чем тысячу лет оставаться рабом! — с силой произносит он.— Мы обрели свободу в тот самый день, когда взялись за оружие. Потому что именно начиная с этого дня мы осознали себя не рабами, а людьми свободными. «Раба не спрашивают, хочет ли он быть свободным. Бессмысленно хозяину спрашивать раба об этом, тем более тогда, когда раб уже восстал!» — вот что сказал я в Могадишо в 1974 году, поднявшись на трибуну одиннадцатой Ассамблеи ОАЕ! Мы начали освобождение нашей земли, нашего народа. Вооруженная борьба стала кульминацией процесса политического освобождения, формирования нашего национального единства, осознания того, что мы — мозамбикцы, а не португальцы! В ходе освободительной борьбы были важные исторические вехи,— продолжал Машел.—Внутри Фронта освобождения Мозамбика развертывалась идеологическая, политическая борьба, которая определила перерастание национально-освободительной борьбы в национально-демократическую революцию. Памятны пленумы ЦК ФРЕЛИМО. Тяжелые и тревожные дни внутренних кризисов, особенно после злодейского убийства основателя ФРЕЛИМО, первого его председателя — Эдуардо Мондлане... Памятны дни военных неудач, кровопролитные битвы... Особенно запомнился переход реки Замбези. Колонизаторы пытались сделать ее границей между «черной» и «белой» Африкой. Против нас с португальскими колонизаторами объединились Родезия и ЮАР. И что же? Не удалось нас поставить на колени!

В 1972 году вооруженная борьба уже охватила центральные провинции Маника и Софала, где располагались главные силы нашего врага. Там проживали колоны — переселенцы из Португалии, и когда мы перешли Замбези, колонизаторы уже не могли больше раздавать им мозамбикскую землю.

Помолчав, он продолжал:

— И еще одно волнующее, памятное событие — полное прекращение вооруженной борьбы со стороны армии колонизаторов. 7 сентября 1974 года в Замбии, в Лусаке ФРЕЛИМО и представители португальского правительства подписали соглашение о прекращении огня и предоставлении независимости Мозамбику. Это было прекрасное время! Борцы за независимость нашей страны братались с солдатами португальской армии, той самой армии, которая участвовала в свержении фашистского режима в Португалии.

И, наконец, 25 июня 1975 года — день провозглашения Народной Республики Мозамбик! Нельзя без волнения вспоминать минуты, когда над столичным стадионом взвился наш национальный

флаг, под которым объединился весь народ! Этот день я навсегда сохраню в своей памяти.

...У него, у этого флага, пять цветов, пять символов. Зеленый — богатства земли Мозамбика. Красный — вековое сопротивление колониализму, вооруженная борьба за национальное освобождение, революция. Черный — африканский континент. Желтый говорит о богатстве недр страны, а белый выражает справедливость борьбы за свободу и мир, установленный на этой земле.

Пять веков колониального ига и всего только шесть лет новой, свободной жизни! Прошлое оставило страшное наследие — из 12 миллионов жителей страны только три процента могли читать и писать!

Голод, нищета, болезни были уделом жизни мозамбикцев, и, получив независимость, страна столкнулась с серьезными экономическими проблемами. Массовый отъезд португальцев (их было 200 тысяч, а осталось меньше 20 тысяч), которые составляли основную часть квалифицированных кадров, привел к резкому спаду промышленного и сельскохозяйственного производства. Закрылись заводы и фабрики, пришли в запустение плантации сельскохозяйственных культур. Но сегодня каждый, кто приезжает в эту страну с добрыми чувствами и желанием понять ее заботы, не может остаться равнодушным к тому, с каким воодушевлением, энтузиазмом и самоотверженностью люди взялись за осуществление десятилетнего плана развития народного хозяйства, который, по словам главы государства, призван поставить к концу десятилетия Мозамбик в ряды развитых государств, обеспечить ему индустриальную базу, сравнительно хорошо развитое сельское хозяйство, решить такие проблемы, как обеспечение населения продовольствием, одеждой, обувью, ликвидировать безработицу, неграмотность, эпидемические болезни.

— Конечно, шесть минувших лет в многовековой истории страны — срок совсем небольшой. И все-таки, какие самые главные достижения республики вы назвали бы в первую очередь?

— Это прежде всего возвращение земли народу! Национализация системы образования, здравоохранения, адвокатской практики, коммунальных служб. Национализация доходных домов, банков, страховых компаний, крупнейших промышленных предприятий, доходного домовладения.

Рождение системы органов народной власти — народных ассамблей. Наконец, создание в стране на всех уровнях — снизу доверху — партийных организаций. Появление денежной национальной единицы — метикала, — энергично перечисляет товарищ Машел, сопровождая каждое слово взмахом руки.

— Теперь о задачах, которые стоят перед нами. Во-первых, укрепить и улучшить работу наших партийных органов и государственного аппарата. Надо, чтобы они стали более деятельными, сплоченными, дисциплинированными. Организационное укрепление нашей партии и народных ассамблей — вот, на мой взгляд, два рычага, действуя которыми мы можем и должны обеспечить успешное решение наших задач в социалистическом строительстве.

Во-вторых, проведение социалистических преобразований в сельском хозяйстве. Как этого добиться? Расширять создание «коллективных деревень». Только это даст возможность покончить с разобщенностью сельского населения. Кроме того, деревня дает начало городу. Речь идет о внедрении новых обычаев, новой культуры, новых моральных ценностей, о распространении по всей стране новых коллективных форм труда. Вот это, я думаю, и есть наши самые главные задачи!

Вслушиваясь в эти слова, я невольно вспомнила, как год назад один западный журналист, беседуя с товарищем Машелом, заметил: «У ваших гостей часто создается впечатление, что вы настроены очень оптимистично, несмотря на трудности и испытания, с которыми вам приходится сталкиваться».— «Моя позиция, позиция нашей партии — это не только оптимизм! — ответил ему товарищ Машел.— Оптимист — это человек, который независимо от обстоятельств и не давая себе труда проанализировать проблемы, с которыми он сталкивается, считает, что все всегда устроится к лучшему. Между тем одна из главных черт марксизма-ленинизма — это научное знание проблем, трудностей, опасностей, риска, сопряженных с революционным процессом. Это знание служит источником вдохновения для того, чтобы довести борьбу до конца... Это не оптимизм, а революционный реализм! Условия благоприятны для нас. Ибо мозамбикские трудящиеся классы участвуют в революционном процессе, они хотят революции, они хотят социализма. Такова наша главная сила, наша решающая сила!»

Завершая беседу, Председатель партии ФРЕЛИМО, Президент республики говорит:

— Что же касается нашего интернационализма, то он общеизвестен. Мы солидарны со всеми народами, борющимися за свободу и социальный прогресс, — с народами Сальвадора, Никарагуа, Палестины, Западной Сахары, Намибии, ЮАР. Наш народ оказывал большую помощь в борьбе за освобождение Зимбабве, считая борьбу за свободу Зимбабве своей собственной борьбой. Вот почему наши бойцы сражались на поле боя бок о бок с зимбабвийцами. Наш интернационализм носит не теоретический, а конкретный, практический характер! Мы солидарны со всеми прогрессивными, миролюбивыми, демократическими силами всех стран мира — вот как мы понимаем интернационализм.

Я хотел бы сказать о сотрудничестве с СССР и социалистическими странами. Это сотрудничество развивается позитивно, плодотворно и таким образом, что оно содействует успешному строительству социализма в нашей стране. Свидетельство тому — подписанная недавно в Москве долгосрочная программа экономического и торгового сотрудничества между СССР и НРМ на период 1981—1990 годов.

Беседу вела специальный корреспондент «Огонька» Н. ИВАНОВА.

Мапуту — Москва.

круглый стол «огонька»

Умеем ли мы разумно распоряжаться своим свободным временем, этим драгоценным нашим богатством, способствующим гармоничному развитию личности? Что для этого нужно? Чего нам не хватает?

Обсуждение этих вопросов состоялось на традиционной встрече победителей социалистического соревнования по итогам 1980 года на призы журнала «Огонек» — рабочих и строителей «Атоммаша», БАМа, КамАЗа, Оренбургского газоперерабатывающего комплекса. Редакцией были предварительно разосланы в Набережные Челны, Волгодонск, Оренбург и Тынду анкеты с вопросами по использованию свободного времени, отдыху и досугу...

Итак, слово нашим гостям.

СВОБОДНОЕ БОГАТСТВО

УВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ!

Александр ЕРЕМЕНКО, бригадир плотников-бетонщиков Западного участка БАМа

— У меня такая сейчас радость, что весь мир обнять хочется: пока я тут, в Москве, 19 мая сын родился, первенец! И надо же, всего на сутки разошлись мы с ним — сам я появился на свет 20 мая, тридцать один год назад. Жалко, что не смогла жена подождать чуть-чуть, был бы у нас с сынишкой праздник в один день!

Появился ребенок в доме — вся жизнь пойдет по-иному. А жить у нас интересно, но ой как нелегко! Об этом и разговор. Свободного времени и так было у меня мало. Есть в анкете такой вопрос: сколько примерно в сутки часов остается у вас от работы и домашних дел? Прикинул я, получилось не больше трех часов. И брата своего, Сергея, сюда переманил... Но вернемся к моим столярным делам. В наших условиях это ремесло не только развлечение, но и необходимость: с мебелью тут неважно. Купить-то ее можно, пожалуйста, хоть импортные гарнитуры. Но, во-первых, как их в вагончике разместишь? Во-вторых, хранятся они в магазине кое-как, зачастую на улице, и качество уже не то. Купил недавно мой знакомый немецкий гарнитур, и через неделю полированный шкаф повело. Вот и решил я всю мебель сам смастерить. Кровать сделал, шифоньер, буфет. Жена довольна.

Веранду к вагончику пристроил. Вот вам ответ еще на один вопрос анкеты: чем занимался в течение последней недели? Всю неделю на веранду потратил. Красивая получилась, из наборных реек, радостно блестит стеклами. Одно плохо: столярный инструмент у нас не достанешь. И в Усть-Кут за всем не наездишься:

Сейчас мы базируемся в поселке Бирюсинка, в двенадцати километрах от Усть-Кута. Живем в вагончиках. Удобства сами понимаете какие — извините, даже теплого туалета нет. Это при наших-то морозах, когда бывает за пятьдесят! К кому по этому поводу обращаться — не совсем ясно: начальники по коммунальным услугам меняются, как перчатки, начисто забывая о своих обещаниях... Все житейские заботы теперь осложнятся еще больше: сын того потребует. И свободного времени, пожалуй, не будет, не постолярничаешь...

Сам-то я степняк, из Поволжья. Леса там нет, а тут вон его сколько: деревья, как колонны, дремучая тайга. Полюбил я эту красоту на всю жизнь! автобус до Бирюсинки ходит нерегулярно, иногда часа два ждешь... Чтоб покончить с бытовыми вопросами, съедающими время, скажу о наших детях: непременно надо открыть в Бирюсинке хотя бы начальную школу, сердце болит глядеть на ребятишек — далеконько им приходится топать по лютому морозу. Понимаете, все, что говорю сейчас, невольно прикидываю на своего сына.

А теперь по части культурного времяпрепровождения. Осенью фестивали искусств проходят — «Огни магистрали». Это очень хорошо. Но клуб у нас маленький. А ведь здесь базируются три строительно-монтажных поезда и мехколонна. Сейчас нужно срочно сделать пристройку к нашему

ВРЕМЯ — НАШЕ

красному уголку для кинопроектора. Начальник поезда Руслан Андреевич Климас уже три года обещает, но дальше обещаний дело не идет. И еще плохо, что нет у нас ни одного молодежного кафе. Конечно, мы знаем, что бытовые и прочие трудности, мешающие нашему отдыху,— дело временное — переселимся и мы в отдельные квартиры в больших домах. Это не за горами при наших темпах строительства. Но только хочется нам, накрепко связавшим свою судьбу с БАМом, чтобы произошло это поскорее. Квартиры же в благоустроенных домах предоставляются в первую очередь эксплуатационникам и, чего греха таить, чаще всего начальникам разного ранга, даже тем, кто приехал позднее.

ЗАРЯДКА НА НЕДЕЛЮ

Владимир СИГАЕВ, бригадир комплексной бригады Центрального участка БАМа

— Свободного времени у меня примерно столько же, сколько у Саши Еременко. Живу я в поселке Комсомольский, рядом с Тындой, столицей БАМа. А работаю в Восточном — красивый такой поселок, весь в зелени, наша бригада начинала его строить, нам и заканчивать. Хоть моя семья занимает отдельную квартиру, но бытовые заботы, наверно, такие же, как у Саши — живем в щитовом доме, без удобств, да еще уходит время на дорогу до места работы и обратно. Только у нас свободные часы, пожалуй, лучше организованы. В Комсомольском хорошие условия для проведения досуга. Клуб? Пожалуйста, отличный. Кино каждый день по три сеанса, кружки всякие — и для детей и для взрослых. Моя дочь, Галя, ей уже десять лет, там в хоре занимается, и очень ей нравится. Библиотека? Наверное, не хуже любой центральной. Даже музыкальная школа есть. В нашем поезде каждый месяц проходят вечера, на которых подводят итоги социалистического соревнования — сначала, как положено, торжественная часть, награды победителям, а потом музыка, танцы, кафе работает при клубе. Лекции? Прямо к нам, в поезд, приезжают лекторы из Благовещенска, из Иркутска. Словом, и молодежь и люди постарше могут выбрать кому что по душе.

Вот я и выбрал. Моя страсть — спорт. Имеется в Комсомольском спортзал с секциями борьбы, волейбола, баскетбола, тенниса. Я увлекаюсь футболом, играю нападающим. У нас в каждом поезде своя футбольная команда. Встречаемся на первенстве поездов, трестов, даже области. Сейчас наша команда хочет поехать в Сковородино, сыграть с тамошней городской командой. Поглядим — кто кого.

Во время беседы за «круглым столом» выступает бригадир «Атоммаша» Александр Савранский. Фото И. Гаврилова

Только лично для меня главное даже не соревнования, хотя, конечно, спортивный азарт — вещь хорошая, а сами тренировки. Представляете, каждый день после работы — получасовая разминка, погоняешь мяч, потом в речку окунешься, и вся усталость долой. Сейчас собираемся всей командой душ делать, чтоб зимой было где освежиться.

В нашем доме живет восемь семей. Мы вместе на БАМ из Казахстана приехали. Зимой всем домом в лыжный поход отправляемся. Иногда на целый день в сопки уходим. Наберем припасов, костерок на снегу разведем... Зарядка на всю неделю!

Мечтается вот о чем: хорошо бы у нас в Тынде, столице БАМа, театр открыть. Ну, допустим, пока что не профессиональный, а студийный... Еще нужен музей. Есть уже, правда, при Центральной библиотеке, но маленький. А надо, чтоб было у него собственное здание. Разве БАМ этого не заслужил?

И КНИГА И ИГОЛКА

Анатолий КУКУРУДЗА, водитель самосвала. БАМ

— Как вы думаете, легкий труд у водителей самосвала на такой магистрали? Нет, конечно. Сейчас наша бригада отсыпает земляное полотно на 340-м километре к востоку от Тынды. Метод вахтовый. Несколько дней дома, десять — в тайге. Добираться на вахту непросто, иногда нас забрасывают вертолетами. А за баранкой, сами понимаете, все время в напряжении. Поэтому люблю тихий отдых — читать или разбирать фонотеку, книг и магнитофонных записей у меня порядочно. Читать предпочитаю капитально: не отдельные книги, а собрания сочинений. И не отложу, пока все тома не одолею. Только вот беда — мало до нас доходит подписных изданий. Нельзя ли изыскать возможность получше снабжать БАМ книгами?

Еще, представьте себе, вышивку уважаю. Вышиваю гладью салфетки, подушки. Скажете, не мужское дело? Потому-то я и начал рассказ об отдыхе с рассказа о работе: после дня за баранкой «Магируса» ничто не дает такого успокоения нервам, как мерное мелькание иголки в руках... Кстати, о чисто мужских занятиях. Нет на БАМе человека, который не увлекался бы охотой или рыбалкой — сама природа к тому располагает. Я выбрал рыбалку: до чего же отрадно посидеть в свободный денек над лункой!

А У МЕНЯ ТРОЕ...

Валентина ВЕРБИЦКАЯ, бригадир маляров-штукатуров «Волгодонскэнергостроя»

— Прежде всего разрешите от имени всех нас, кто тут есть, кто прибыл в Москву с разных строек, поздравить Александра Еременко с сыном. Доброго здоровья его малышу, здоровья и счастья! Я очень хорошо представляю, что значит такое событие. У Саши сын, у меня первой дочка была, теперь ей уже пятнадцать лет. Потом сын, ему десять лет, а меньшенькой девочке всего пять годочков. Дети в центре внимания нашей семьи: наша радость, наша забота. И на досуге вместе с ними. Не верите, что удается отдыхать? Могу. И не только отдыхать: кроме того, что я бригадир,— на курсы хожу, общественную работу веду. Как успеваю? Не только потому, что ловкая, быстрая, нет. Давно убедилась: чем меньше времени на досуг, тем дороже оно. Домашние хлопоты не пускаешь на самотек, а планируешь, распределяешь каждому.

Любимое мое занятие? Да все и не перечислишь! Шить, разводить цветы, ходить в кино, читать... Но, пожалуй, больше всего люблю вязать. Девчат из нашей бригады обучила, даже самых молодых и непосед. «Пригодится в будущем, девочки,— говорю.— Умение на плечи не давит». В обеденный перерыв, а он у нас ровно час длится, мелькают спицы. Пуховые платки, варежки, кофточки всех цветов. А если у кого новорожденный появился, то ему вывяжем полный гардероб: шапочки, носочки, башмачки на будущее, одеяльце даже. Подарок от бригады привилегированному сословию. Так уж у нас заведено.

Но вот наступает суббота, любимый мой день. Семья вся в сборе. Теплый пирог — я люблю печь курник, закрытый пирог с мясом,— как бы объединяет нас за общим столом. Для меня он не только еда, но и символ семьи, уюта, тепла. А если хотите, то и мое пристрастие. Я занимаюсь этим с удовольствием, с вдохновением. Разве это труд — испечь пирог? Самый настоящий отдых! И я не устаю при этом.

Девчата из бригады на пироги заглядывают. И не только на пироги. В выходные дни вместе едем на дачу. Копаем, пропалываем грядки, осенью вместе урожай собираем. Тридцать девять деревьев — целый сад.

Скажете: это работа, а не отдых. Еще какой отдых! Я со школы запомнила: перемена занятий и есть отдых. Вот и живу по этому принципу. А как запоем песню!.. Сама я только недавно ушла из художественной самодеятельности, так дочка поет в вокальном ансамбле. В бригаде девушки восьми национальностей, каждая принесла свою мелодию, свои частушки. Работаем и поем, вяжем и тоже поем. Особенно старинные песни, протяжные. Новенькие, те, которые только что из деревни, их приносят. Голоса у девчат чистые, звонкие.

Одно только плохо: в сутках всего двадцать четыре часа. Сплю маловато... Но все равно не усну, если не почитаю. Люблю фантастику.

С КИНОКАМЕРОЙ НА «ЖИГУЛЯХ»...

Александр САВРАНСКИЙ, бригадир токарей-расточников «Атоммаша»

— Я тоже из Волгодонска. Хорошо у нас на берегу Цимлянского моря. Но я все же предпочитаю проводить отпуск в путешествии. Колеса свои — «Жигули». Выбирай маршрут и отправляйся. Хочется в этом году поехать на Север, привлекает и Молдавия. Столько замечательных мест. Стараюсь красоту эту заснять на пленку. Кинокамера «Кварц» — мое главное занятие на отдыхе. Вот уже десять лет, как снимаю фильмы о друзьях, семье, о нашей бригаде, особенно коллективные поездки на Дон. Такой рыбалки, как на Дону, пожалуй, нигде нет. Сазаны, лещи, судаки. Зимой прокрутим фильм — приятно вспоминать... Людей это сближает да и воспитывает.

Вообще-то к отдыху я отношусь серьезно. Молодежь не всегда понимает, что силы и здоровье на всю жизнь распределить надо. Поэтому стараюсь быть наставником не только на производстве. Работать мы умеем. А вот отдыхать — не всегда. Бестолковый отдых утомляет хуже работы. Мы в бригаде решили, что свободное время надо планировать по-умному, с учетом интересов каждого. Избрали культорга, создали денежный фонд, наладили отношения с кинотеатром «Восток». У нас ведь не всегда в кинотеатр попадешь: за билетами очереди большие, кинотеатров не хватает...

В анкете есть такой вопрос: бывают ли в клубе вечера, лекции, встречи? Нам грех на это жаловаться. Бывают довольно часто и очень интересные. Дорожим дружбой с артистами кино, Ленинградского театра имени Пушкина, с коллективами редакций журналов «Знамя», «Дон» и, конечно, с огоньковцами. Но нерешенных проблем, связанных с проведением досуга, хватает. Город наш молодежный, растет быстро. Гораздо быстрее, чем строятся дома культуры, кинотеатры, стадионы. С нетерпением ждем, когда откроет двери ДК «Комсомолец». Все эти проблемы не новые. Повторяющиеся.

За тридцать четыре года работы на производстве наблюдений накопилось у меня немало. Есть что вспомнить и сказать людям. Хочется осмыслить, оценить прожитое. Вот и записываю в дневник свои размышления, впечатления, а иногда и воспоминания. Журнал «Аврора» опубликовал как-то мои заметки про юность, о том, как мальчишкой пришел на завод... Вот и такая статья расхода времени появилась у меня.

МЫ, ПАНОВЫ, УЧИМСЯ

Валерий ПАНОВ, бригадир плотников-бетонщиков «Камгэсэнергостроя»

— Когда наш товарищ с БАМа рассказывал, что занимается рукоделием, кое-кто удивленно покачивал головой. Ничего нет в этом, однако, необыкновенного. Я знаю ребят из Набережных Челнов —

экскаваторщики, между прочим, и наладчики, — вяжут, конечно, не так красиво, как женщины в Волгодонске, которых мы слушали сегодня, но со спицами они тоже в дружбе. Все нормально. Иной собирает значки, другой играет на каком-нибудь музыкальном инструменте. Третий не расстается с шахматами. Лишь бы это человеку нравилось, развивало бы его творческие задатки, расширяло его кругозор. О себе же скажу — пока все силы и время нацелены на учебу.

В 1976 году поступил в филиал Казанского инженерно-строительного института на вечернее отделение. А незадолго до того стал бригадиром. Вскоре понял, как трудно совмещать работу и учебу. Четыре раза в неделю занятия, да еще по средам консультации и зачеты. С работы вовремя не уйдешь, надо о второй смене позаботиться, а в последнему уже лекция. Чертить, готовиться к семинарам можно только в воскресенье. Субботы редко были выходными — вторую очередь КамАЗа строили.

Особенно мучили меня чертежи. Бывало, пристроишь в кухне, чтоб своих не будить, чертежную доску и рейсшину и чертишь до утра. В общем, доставалось. Порывался несколько раз бросать учебу. Если б не Валентина, жена моя, может, так бы и произошло. Уговаривала, поддерживала. Она ведь тоже «неосвобожденная студентка»! Работает воспитателем детского сада и занимается заочно на факультете дошкольного воспитания Казанского педагогического института. На четвертом курсе уже. С нее все и началось.

Сейчас у нас экзамены, весенняя сессия. Я снова пыхчу. Какой самый трудный предмет? Сопромат, естественно. Одолею — легче будет. Садыков из нашей бригады тоже учится в вузе. Только вот взял академический отпуск. Теперь я ему говорю: «Держись, не отступай!»

В Челнах уже не филиал, а свой Политехнический институт. Говорят, что и педагогический будет.

Да, я не сказал, что есть в нашей семье еще один учащийся — Анджела, наша третьеклассница. В общем, все мы, Пановы, учимся.

ОДИННАДЦАТЬ ПОРТФЕЛЕЙ!

Анатолий АНДРЕЕВ, бригадир прессово-рамного завода КамАЗа

— А я, заполняя анкету, дошел до шестого вопроса и задумался: правильно ли будет, если на вопрос об общественной работе отвечу — «секретарь партбюро цеха; три часа занимает эта работа» — и поставлю точку на этом? Дело в том, что я еще и член городского комитета партии, член цехкома, заместитель председателя совета бригадиров завода, заместитель председателя заводского комитета по наставничеству... Перечислять все мои общественные обязанности долго, да сразу и не вспомнишь, еще состою в нескольких комиссиях, обществах и советах. Подсчитал както, одиннадцать портфелей, если так можно выразиться, набралось. Как так получилось? Дело в том, что еще раньше, девять лет назад, я был председателем цехкома, многие советы и комиссии тогда создавались, с тех пор только и числюсь в них, потому что нельзя все охватить. Бывают дни, когда в один и тот же час несколько заседаний, хоть разорвись.

Много времени отнимают еще разные отчеты и составление справок. Сидишь с ними другой раз до глубокой ночи, а встаешь, как всегда, в четыре тридцать. В цех прихожу пораньше, ведь я же бригадир наладчиков линии тяжелых прессов и уникальных автоматов. Поставляем 116 деталей кабины грузовика. Ни одна бригада столько не делает. Ответственная работа!

А после смены работа с людьми. Тут решить, там проверить, здесь разобраться, поговорить. Мне интересно. Я общественную работу очень люблю. Обогащает, растешь вместе с людьми. Но, честно говоря, тяжело. Забыл, когда в кино ходил. Другой раз так хочется на Каму, да всё дела...

Говорю Василию Кузьмичу Савкину, секретарю парткома нашего завода: «Освобождайте меня от нагрузок, не успеваю». Но меня все избирают: «Если не вы, то кто?» А я уверен: Ваймера, наладчика из нашей бригады, можно вполне в совет бригадиров, — справится; Харламова, другого наладчика, — в ВОИР, он сам изобретатель; Сережу Егикяна, нашего легкоатлета, — в спорткомиссию, Машу Коломиец — в детскую комиссию... Спрашиваете, как со здоровьем? В прошлом году прихватило меня прямо в цехе. Сорок дней пролежал с инфарктом... После такого выступления на «круглом столе», может быть, меня поймут и разгрузят?

ЕСЛИ Б Я БЫЛА АРХИТЕКТОРОМ...

Альбина ЯКУПОВА, старший воспитатель общежитий в Набережных Челнах

— Чем мы стремимся в своем общежитии занять девушек, какими интересами увлечь их? В клубе «Березка» обсуждалась, например, такая тема: «Романтика. Где ее искать?». Очень интересно, активно прошла встреча. В другой раз пошел разговор о профессии. И тогда выяснилось: девушки любят свое дело, так увлечены им, что их рассказы прозвучали как гимны труду. Острая дискуссия разгорелась по поводу того, что значит быть членом коллектива. Ее участницы от общих слов перешли к разбору отдельных поступков своих подруг. Кпд такой дискуссии вне сомнения. Устраиваем мы и конкурсы вроде «А нука, девушки!», диспуты и просто музыкальные вечера. Но, пожалуй, интереснее всего прошел у нас вечер под таким названием: «Если б ты была архитектором, то каким бы представила свое общежитие?». Разгорелись споры. Работницы, многие из них заочницы вузов, излагали свои проекты-предложения, и надо было видеть, как они темпераментно защищали их!

Дело в том, что в Новом городе, так по привычке называем Автозаводский район Челнов, строятся общежития квартирного или гостиничного типа. Они наиболее удобны для молодоженов. Оказалось, что девушки хотят жить в типовых общежитиях, но каких! Жилая комната должна быть уютной, как дома, с добротной мебелью, не с теми железными кроватями, которые сейчас, а деревянными, с картинами на стенах, а не картинками, вырезанными из журналов. Чтоб прекрасно была оборудована кухня, чтоб в каждом корпусе были помещения для спортивных секций, буфет, клуб. Предложений набралось много, мы их горячо поддержали, но дальше дело не двигается, администрацию эти идеи, к сожалению, не взволновали.

Так возникают проблемы. Их в нашем городе, как в любом молодом, предостаточно. Нужны общежития для малосемейных, но таких общежитий почти что нет. Камазовцы все-таки как-то стали решать эти проблемы, камгэсовцы молчат. В тяжелом положении оказались матери-одиночки: они вынуждены жить в общежитиях, что, конечно, неудобно для всех.

Далее. Для проведения танцевальных вечеров необходимы музыкальные инструменты, есть деньги, но купить негде, в малооптовых магазинах инструментов просто не бывает. Да что говорить! У нас даже телевизоров не хватает! Недавно открыли четыре новых общежития, а телевизоров получили только два. А там, где они есть, — старых моделей, не цветные. А наши скучно оформленные уголки-близнецы, похожие друг на друга как две капли воды! Большую популярность среди молодежи получили дискотеки. Но в Челнах только одна — у камазовцев, строители с огромным трудом достают туда билеты. Так что есть о чем подумать местным Советам, да и постройкому, комитету комсомола!

А ДК ВСЕ СТРОИТСЯ!..

Василий ЛИПАТОВ, буровой мастер «Оренбурггазпрома»

— Мы, буровики, трудимся под открытым небом и круглосуточно, вдали от дома. У нас вахта: двое суток в поле, двое — в городе. Чем же заполняется свободное время на вахте, которое хотя и редко, но бывает? Расскажу о себе. Я люблю почитать хорошую книгу, посмотреть телевизор. Знаю, что у добытчиков газа на установках есть свои библиотеки. У нас нет даже книжных полок. Когда заходит об этом речь в управлении, нам говорят: «Вы сегодня здесь — завтра переедете на другую буровую. Вы кочевники. Зачем вам обарахляться? Лишний груз — обуза». Не разделяю такой точки зрения. В конце концов можно для буровиков организовать передвижные библиотеки.

О телевизоре... У нас-то он есть, но красный уголок в жилом вагончике и отгорожен только тонкой перегородкой. Понятно, что тут не засидишься: только настроишься, как уже стучат: «Закругляйтесь, мы не доспали, скоро на вахту». Вот какая история! Телевизор вроде есть, но практически им не попользуешься. А отдельный вагончик под красный уголок нам не дают.

Что можно сказать об отдыхе дома, в городе? В первый день отсыпаешься и занимаешься хозяйственными делами по дому. На другой день летом на речку с удочкой, зимой — лыжи. Вечером — кино, можно пойти в театр или на концерт. Однако так получается не всегда. Есть дела в профкоме, управлении. Посмотрел на часы — опаздываю. Бегу на курсы, мечтаю получить водительские права. Если останется часокдругой — проявляю пленки. Еще в армии увлекся фотографированием. Опять же дома для этого условий нет. Вот если бы у нас был свой Дворец культуры, то в нем нашлось бы, конечно, местечко и для фотолаборатории. Тогда вообще многое бы изменилось в нашей жизни. У нас есть желающие заниматься в хореографическом кружке, хоровом, драматическом, есть любители шахмат. Но, увы! Дворец этот стал притчей во языцех: строится почти пять лет!..

Хотел бы еще ответить на вопрос по поводу профессиональных праздников. Как они проводятся? У нас хорошо. Мы выезжали в прошлый раз на свою турбазу. Было очень весело. Затеяли игры, шутливые соревнования. Но слыхал, что в других коллективах нашего объединения товарищи остались недовольны: по стандарту прошел день, без выдумки, скучно.

БЕЗ ВИНА!

Василий СОЛОВЕЙ, начальник оперативно - производственной службы № 15 «Оренбурггазпрома»

— Установка, на которой я работаю, в семидесяти километрах от города. На дорогу в оба конца около трех часов уходит. После работы занимаюсь с детьми, помогаю по дому.

Три года назад мы начали работать по методу коллективной ответственности. Это я к тому, что в наших обязательствах есть такой пункт: коллектив отвечает за каждого человека не только на работе, но и дома, в быту. Что это значит? На выходные все вместе выезжаем, как говорят, на природу. Знаем, где грибы растут, где ягоды, где родничок бьет. Берем с собой мячи, шашки... «Стол» на траве, конечно, общий, и трижды вкуснее уха, когда она с дымком.

В анкете есть такой пункт: «Обязательно ли встречи с друзьями должны быть с вином?». Вот уже сколько времени мы отдыхаем вместе за городом, и не было случая, чтобы кто-то из нас захватил с собой спиртное. В нашей компании это исключается еще и потому, что у многих наутро вахта и любое нарушение ставит в невыгодное положение всю смену. Да и вообще и в другой, домашней, обстановке вовсе не обязательно, чтоб при встрече с друзьями было вино. Нам интересно и без выпивки. Поговорим, послушаем музыку, потанцуем, если захочется...

СПОРТСМЕНЫ ЕСТЬ, НЕТ БОЛЕЛЬЩИКОВ!

Владислав ПЕТРОВ, секретарь комсомольской организации ОПС № 9 «Оренбурггазпрома»

— В свободное время занимаюсь преимущественно спортом, очень люблю спорт. Легкую атлетику, многоборье. И особенно лыжи, но это зимой. Сдавал нормы ГТО. Участвовал в соревнованиях на первенство обкома профсоюза работников нефтяной и газовой промышленности, на первенство областного совета «Труд».

Спортивной базы Всесоюзное промышленное объединение «Оренбурггазпром» практически не имеет. По-видимому, администрация не заинтересована в решении этого вопроса. Обращался в профсоюзный комитет. Там прекрасно обо всем знают, но мер не принимают. Говорят, что строится ДК, там будет плавательный бассейн. Но этого же мало для спортсменов. У нас нет спортивного комплекса, стадиона, нет даже обыкновенных спортплощадок в наших микрорайонах. Плохо со спортинвентарем. А желающих всерьез заниматься спортом много. Спортсмены есть, нет только болельщиков среди руководителей.

* * *

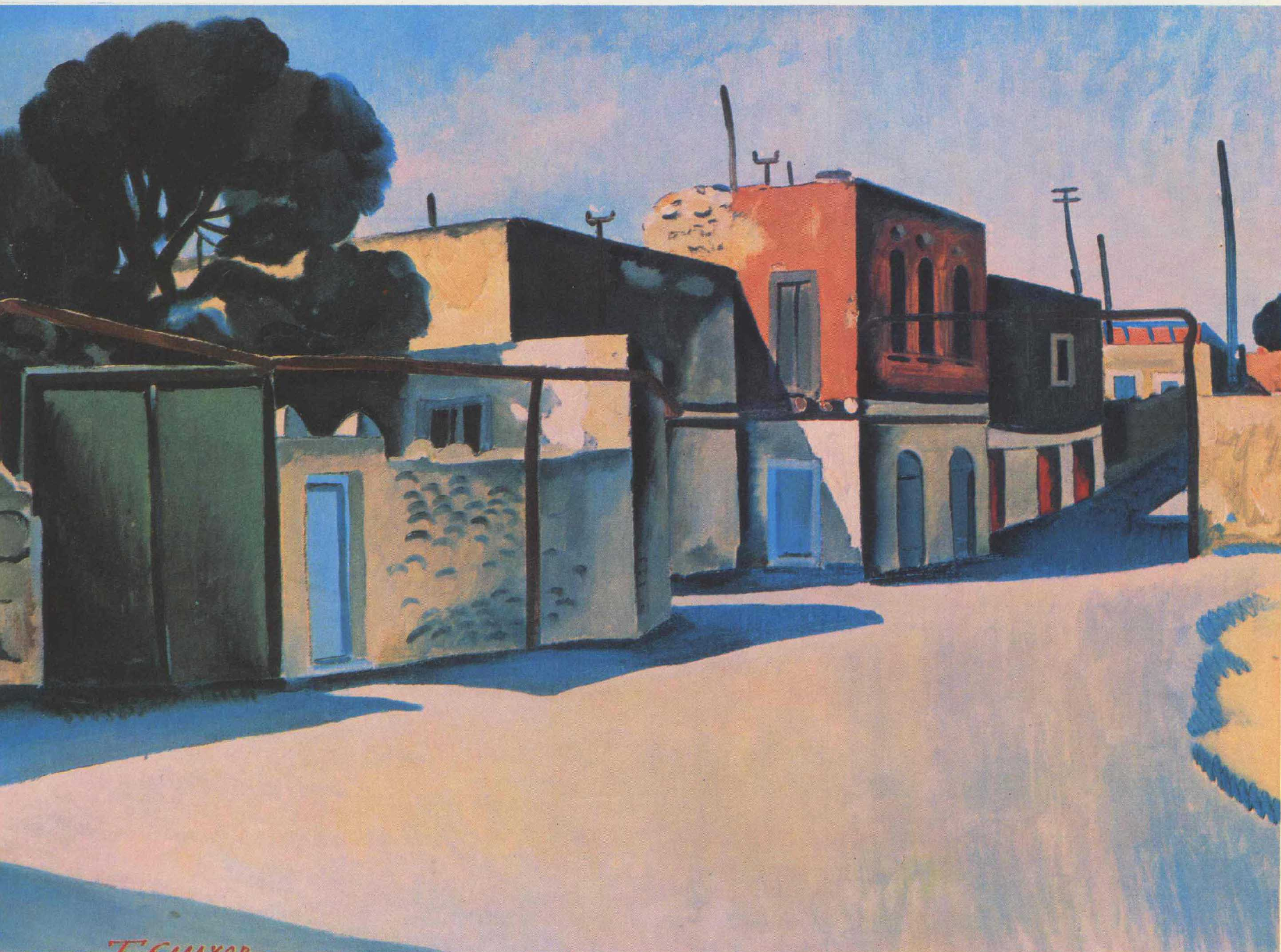
С небольшого как будто начался за нашим «круглым столом» разговор о свободном времени и отдыхе, а привел к стадионам и дворцам, которых еще нет, но они очень нужны людям. Даже беглое знакомство с анкетами показывает, как много у каждого человека в его свободных часах украденных минут. Украденных нередко и по вине тех людей, которые потеряли остроту зрения на недостатки, чуткость и внимательность к запросам окружающих. Редакция ждет писем, в которых будет сообщаться о принятых мерах. Мы надеемся, что поставленные здесь вопросы будут рассмотрены в Волгодонске, Набережных Челнах, Оренбурге, Тынде. Жизнь камазовцев, строителей, газовиков, атоммашевцев должна стать полнокровнее и насыщеннее.

Свободное время — наше общее богатство.

Рассказы выступавших записали Г. АНУРИНА, Н. ВЕРИНА, З. ЗОЛОТОВА, А. ПОПОВ.

Ю. Подляский. Род. 1923. ТРУДНЫЕ КИЛОМЕТРЫ. 1980.

Т. Салахов. Род. 1928. УЛИЦА В НАРДАРАНЕ. 1978.

Михаил **АЛЕКСЕЕВ**

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ГРАЧУНЫ

XI

На поле, помимо прополки проса, было чем заняться и нашим глазам, и ногам, и рукам, потому что оно, поле, к этой поре успевало наполниться удивительно разнообразной жизнью. Мы могли бы, например, погоняться за сусликами, которые хоть и не все разом, но все-таки покидали свои норы, чтобы посмотреть вокруг, нет ли где поблизости зеленеющих хлебов, чтобы потом можно было сделать припасы на зиму или просто постоять над своим подземным жилищем столбиком, посвистать, сообщить соседям, что, мол, жив и здоров, а как вы? А разве нельзя было попытаться отыскать во ржах, начинавших выходить в трубку, гнездо того же дудака, поставить рядом вёшку с тем, чтобы прийти сюда позже и прихватить одного птенца, пока он не встал на крыло? Можно было бы наведаться и к прошлогодней лисьей норе и удостовериться, что она, лиса то есть, по-прежнему живет в ней и скоро оттудова будут выныривать озорные лисята. Над Правиковым оврагом уже вились стрижи, а это означало, что они приступили к кладке яиц в его расщелинах: не худо было бы пошарить и там. А горохи? Они, верно, уже посеяны, а может, уже и взошли. Но где? Этот вопрос занимал Ваньку более всего. Он и с вышки оглядывал поля, чтобы обнаружить этот приманчивый злак, но безуспешно: горохи прятались от наших глаз так же тщательно, как и дудаки со своими гнездами. Надобно избегать все поля, чтобы в конце концов отыскать то, что нужно. Но мы откладывали разведывательную вылазку до другого раза, а теперь спешили покинуть степь из опасения, что наши матери передумают и покличут нас вновь к проклятущему осоту. Интересного же было предостаточно и в других местах.

От Большого мара мы мчались под гору, в сторону села, вприпрыжку, будто за нами и в самом деле кто-то гнался. И чувствовал бы я себя совсем хорошо, если б меня не теребила потихоньку совесть: сорняки, предназначавшиеся моим рукам, перекладывались мною на мамины руки, которые и без того были похожи на головешки от множества тяжких дел.

На первую после размолвки с Ванькой прополку проса я ехал с особенною неохотой, дергал осот, молочай и просянку механически, как попало, по привычке то и дело взглядывая на маячившую неподалеку землемерную вышку. Вместо Ваньки, которому по времени полагалось бы находиться уже там, я видел только древнего ворона, сидевшего на самой верхней перекладине и о чем-то задумавшегося. Ворон, по-видимому, никуда не спешил, потому что позади у него простиралось полстолетия, и еще больше — впереди: куда ему, старому и мудрому, торопиться?! Мне же, как всегда, не терпелось. Мать это знала, но виду не показывала: пускай, мол, потрудится еще маленько, не то разленится вконец, паршивец. Санька, видя, как я «прохлаждаюсь» на работе, пробовал подогреть меня горячими подзатыльниками. Я не вскрикивал, не жаловался, только ощетинивался клочком жестких волос на макушке. Жулик, который вертелся возле моих ног, сердито взлаивал, готовый укусить Саньку, но тот и ему давал ядреного пинка под брюхо. Злые и обиженные, мы «уходили в себя», я и Жулик, покорно отдавшись на попечение судьбы, надеясь все-таки, что в какой-то час она сжалится над нами и мы обретем желанную свободу. Судьба, похоже, догадывалась, чего мы ждем от нее, и подавала нам с Жуликом свою милосердную руку. Мать в тайном сговоре с нею придумывала для меня подходящий предлог, чтобы я смог, не вызывая нареканий старших братьев и сестры, покинуть наконец поле. В какую-то минуту приказала:

— Своди-ка, сыночка, Карюху к Правикову пруду и попои ее. Видишь, она уже перестала пастись — поглядывает на тебя.

Это было освобождение!

В один миг я подбежал к Карюхе, распутал ее, завел в ложбинку и вскочил на острую хребтину, ухватившись за куценькую гриву. Карюху, которая через две недели должна была ожеребиться, не впрягали ни в соху, ни в борону. Но телегу она потихоньку влекла, а потому и находилась сейчас вместе с нами на поле. Завидя меня, она поджала было уши, наморщила верхнюю губу, чтобы показать мне желтые свои зубы, но быстро сообразила, что я поведу ее поить, и приветливо тряхнула головой, поставив уши в прежнее, нормальное положение. Сидел я на ней в раскорячку, доставая голыми пятками лишь до ее раздувшихся в разные стороны боков. Пятками же временами чувствовал упругие, неземные толчки изнутри лошадиной утробы и инстинктивно поджимал ноги. Войдя в пруд по самое свое толстое брюхо, старая кобыла осторожно опустила морду к воде и, раздувая красные ноздри, долго пила, отчего бока ее раздавались все шире и шире, отодвигая и мои ноги еще дальше в стороны. Жулик — за компанию — тоже лакал воду, но ему ее требовалось немного, и он вернулся на берег, чтобы уж там подождать нас с Карюхой. Наконец оторвалась от воды и Карюха, но не вышла из пруда, а постояла в нем еще, почмокала губами, постонала от удовольствия, всхрапнула и только уж потом, не понукаемая мною, добровольно вышла из воды. Отведя лошадь на прежнее место и спутав ее там, я взглянул в сторону матери и подхватил глазом чуть заметный взмах ее руки, означавший: «Беги уж, что с тобой поделаешь!»

В компании Жулика я пустился с горы и в полчаса оказался в ближнем к селу грачельнике, надеясь найти там если не своих сверстников, то хотя бы Микарая Земскова и Паню Камышова, двух блаженных, сохранивших к тридцати годам и детскую наивную непосредственность и детское восприятие мира, постоянных участников всех наших мальчишеских похождений. Земскова звали вообще-то Николай, но поскольку он так и не успел научиться произносить свое имя правильно, то и остался навсегда Микараем. Мать моя сказывала, что народился он вполне нормальным ребенком, рос кудрявеньким, чернявым, похожим на цыганенка, и все, кому попадался на глаза, не могли оторвать их от мальчугана. Погубил его знаменитый на всю округу мясник Василий Ступкин, которого родители Микарая пригласили заколоть и разделать кабана. В тот жуткий миг, когда Василий вытаскивал из кабаньего сердца длинный нож, ребенок заглянул в хлев. Чтобы отпугнуть его от себя, мясник «в шутку» направил на мальчонку окровавленное лезвие. Микарай завизжал в смертельном страхе и навсегда помутился разумом, остановившимся в своем развитии на рубеже пяти или шести лет. Рос, как все люди, вымахал чуть ли не в сажень, обзавелся густой, иссиня-черной курчавой бородой, а принимал окружающее глазами малыша. Многие слова, как и в детстве, выговаривал плохо и нисколько не тяготился этим. Из сказанного понятно, почему Микарай компанию ребятишек предпочитал всем остальным. А вот отчего поглупел и онемел Паня Камышов, никто не знал, хотя Паня среди нас находился чаще, чем Микарай. Он был добрый малый и покорный, выполнял все наши приказания беспрекословно, и мы, надо признаться, нередко злоупотребляли этим. В особенности Гринька Музыкин. Подозвав Паню Камышова к себе, он укладывал его «спать», подложив под белокурую, смиренную голову блаженного кирпич, уверив при этом Паню, что это не кирпич, а подушка. Рост Пани Камышова был тоже нормальный, а вот бороды не было. Лишь несколько длинных светлых волосинок торчали на клинышке острого подбородка, да и те были выдергиваемы все тем же негодяем Гринькой Музыкиным.

Страстью обоих дурачков, как и нашею, были грачи, потому-то я и надеялся увидеть их в грачельнике. И действительно увидел и очень обрадовался им, потому что лазить по деревьям в одиночестве не очень-то весело. Увидал Микарая и Паню на вершинах двух ветел, росших по соседству, очевидно, сестер, поскольку они имели единый комель у подножия.

— Микарай, есть там что-нибудь?— первым долгом прокричал я.

— Есть, есть! В кажным гнезде!— ответил он радостно.

Паня, поскольку был глухонемым, орудовал молча.

Через минуту я уже и сам по-кошачьи карабкался на дерево. С вершин ветел перекликались с Микараем, осведомляясь, в каком гнезде и сколько отложено грачиных яиц. К полудню насчитали до нескольких сотен и, удовлетворившись таким результатом, отправились в село. По пути встретили еще одного любопытного его жителя. То был дед по прозвищу Ничей. Кличку эту он получил тоже в раннем детстве, когда на вопрос кого-то из взрослых «Чей ты, малец, будешь?» ответил: «Ничей!» С того и пошло: Ничей и Ничей. Я поздоровался с ним приветливо, потому что все мы, ребятишки, очень

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—25.

любили дедушку Ничея за его бескорыстие и за совершенную незлобивость. Прихватив нас в своем саду или в огороде, он не пускал в дело крапиву, не сек ею наши голые зады, а пособлял нам даже набить пазухи огурцами либо яблоками, заключив при этом: «Лопайте на здоровье, шкоденята!» Взрослое население Монастырского посмеивалось над Ничеем, считало его придурком и, сжалившись, иной раз советовало: «Да что ты на них глядишь! Высек бы за милую душу! Ить они, проклятые, все у тебя постащут!» Дед Ничей только усмехался на это и говорил: «Пущай тащут, лишь бы не воровали!» Странная эта формула была на его устах постоянной, а потому ее и повторяли озорные мужики, когда нужно было утешить кого-либо из обокраденных.

На мое приветствие дед Ничей дотронулся до кроличьего малахая, носимого им во все времена года, но не улыбнулся, как обыкновенно, а произнес осуждающе:

— А когда же вы, паршивцы, перестанете драться, а? Нехорошо это. Слышь, хохленок? Не-хо-ро-шо!

И пошел дальше, насупившись. Микарай и Паня молчали. Молчал и я, встревоженный чем-то неясным, но тяжко давящим на сердце. В ушах еще долго звучало это расставленное по слогам «не-хо-ро-шо».

XII

Слова деда Ничея я мог оценить в полной мере, едва ступив в самое село. Из крайнего к Малым лугам двора вышла мне навстречу старая Калиниха, будто давно выглядывала меня тут. Не раздумывая долго, ошарашила, точно кувалдой, новостью:

— Все за грачами гоняешься, рассукин ты сын?.. А дядю твово Петруху Гришка Жучкин до смерти прибил!.. Эх, вы-ы-ы!— провыла по-волчьи и, видимо, посчитав свой долг исполненным, сердитою глыбой уплыла туда, откуда только что выползла.

Не расслышав или не поняв, что она мне сообщила, мои дурачки проследовали дальше, а я стоял на месте, пригвожденный страшным известием. Жулик, жалостливо повизгивая, опершись передними лапами о мою грудь, заглядывал своими умными собачье-человеческими глазами в мои глаза, стараясь угадать, что же там случилось такое, отчего я сразу же помертвел, помутнел лицом. Я механически теребил его между ушей трясущимися пальцами и сам трясся, как в лихоманке, по-прежнему не в силах стронуться с места. И, наверное, стоял бы так долго, ежели б та же суровая старуха Калиниха не вывела меня из шокового состояния своим грозным окриком:

— Чего стоишь, как пенек! Беги к ним! Туда, мотри, полсела сбежалось!.. И отец твой там, и все...

Уже не думая, что могу быть в Хуторе перехвачен Ванькой или его друзьями, я со всех ног помчался к дяди-Петрухину дому, и, если бы соображал хоть немного, то, конечно же, удивился бы тому, что никто меня по дороге не задержал в опасных, запретных местах и не отколотил. Больше того. У палисадника и возле открытых ворот, у двора и в самом дворе я увидел, кроме взрослых, много своих одногодков как из дружественного мне лагеря, так и противного. Они окружили плотною, сочувственною толпой моих двоюродных братьев, стараясь как-то утешить. Егорка поспешил в свою очередь успокоить и меня:

— Живой... живой тятька наш! Толичко ребра поломатые!

Ничего себе «толичко»! И все-таки я не мог не обрадоваться поправке, какую внес Егор в сообщение древней Калинихи. Старухе этой свойственно искажать до неузнаваемости все, чего бы ни коснулось ее тупеющее ухо, но там, на Малых лугах, у ее подворья, я как-то позабыл про это.

Уже в избе кто-то подтолкнул меня к кровати, на которой лежал пострадавший. Подтянув левой, выпростанной из-под одеяла рукой мою голову поближе к своей, болезненно улыбнувшись, дядя Петруха сказал:

— Вот, паря, как нас с тобой проучили!

Я не вдруг сообразил, почему «тятя» включил и меня в свою компанию, но встревожился от его слов еще больше, чем от слов дедушки Ничея. Покопавшись в моих волосах горячими заскорузлыми пальцами, дядя Петруха легонько отстранил меня, сказав более чем ласково:

— Ну, ступай, ступай поиграй во дворе с ребятишками. Ничего со мной не случится. Заживет все, как на твоем Жулике. Ступай...

Я направился к двери и там, у самого порога, повстречался с совсем уж неласковой рукой отца. Дав мне по шее, он счел все-таки необходимым пояснить, чем я заслужил такое «вознаграждение», бросив мне вдогонку:

— А все из-за тебя, поганца!

Истинная подкладка, на которой основывалось сказанное отцом, была так далека, что я никак не мог связать ее ни с одним из моих поступков ни в тот день, ни во все предшествующие. Еще меньше мог бы сделать это Самонька, который тоже толкался на подворье моих родственников, нудясь оттого, что не мог найти тут ничего такого, чем можно было бы поразвлечься. Попытался отогнать от себя скуку тем, что поддал ногою под брюхо оказавшемуся рядом Жулику, но тот, взвизгнув, убежал от него подальше, лишив тем самым глупого верзилу возможности позабавиться еще.

Что же, однако, случилось с дядей Петрухой?

Отведя Егора в сторону от начавшей редеть толпы, я попросил его рассказать мне все по порядку. И вот что услышал.

Покончив с весенне-полевыми работами, мужики по просьбе Муратова и Ивана Павловича, а также по нарядам, полученным от сельского Совета, возили из-за деревни Панциревки и от Дрофева и Правикова оврагов камни для фундамента под новую школу. По наряду, полученному дядей Петрухой, он должен был возить этот строительный материал из-за Панциревки, соединенной с нашим селом узеньким деревянным мостом без перил, перекинутым через старицу реки Баланды. Воды в старице кот наплакал, но она точилась по дну глубокого с обрывистыми боками оврага, так что никому не хотелось бы сверзиться с моста в момент переезда через него. По случайному совпадению Григорий Жуков имел точно такой же наряд, а потому и повстречался с дядей Петрухой в тот момент, когда он, направляясь за камнями, уже въехал на мост.

— Попридержи своего меринка, Григорий! Я щас! А то не разъедемся!..— окликнул он Жукова.

— А ты што, хохол, не мог подождать, когда я проеду?.. Аль ослеп!— С этими словами Григорий Яковлевич огрел Серого витым под змейку кнутом, и тот, озверев, ринулся на мост.

Порожняя телега дяди Петрухи легко поддалась под напором тяжело груженной и, треща, ломаясь, загремела под мост вместе с седоком. Буланка, старшая дочь нашей Карюхи, повисла на хомуте вместе с оглоблями и передней осью и висела так до тех пор, пока прибежавшие к месту происшествия панциревские и наши мужики не подняли ее опять на мост, через который давно проехал Григорий Яковлевич Жуков. Буланка не пострадала, и это было лучшим лекарством для покалеченного ее хозяина (его мужики отыскали под обломками телеги и вытащили на зеленую лужайку возле моста).

Григорий Яковлевич тем временем разгрузил телегу, аккуратно сложил камни, не чувствуя их страшной тяжести, в указанном для него месте и, отряхнув руки от каменных крошек, добровольно явился в сельсовет.

— Вызывай, Миколай Михалыч, Завгороднева. Пущай заарестует меня. Я ить твово старшего брательника убил, кажись...

— Да ты что... ты... ты смеешься?.. Ты чего это... чего сморозил?..

— Ничего не сморозил... Говорю тебе, как оно есть. Вызывай Завгороднева аль там его начальника... Шадрина. Тебе видней!

— Гы... гы... где ты его?— только и мог выговорить папанька.

— У моста панциревского. Вызывай, говорю, Завгороднева!

— Да пошел ты... пошел к черту со своим Завгородневым!— взревел отец и, оставив Жукова в конторе, выскочил на улицу. И страшно удивился, когда часом спустя, убедившись, что раны, полученные братом, не смертельны, вернулся в сельсовет и увидал там Григория Яковлевича одного, понуро сидевшего на длинной лавке, поставленной отцом для посетителей.

— А ты все тут?— вырвалось у папаньки.

— А игде ж мне ищо?

— Ну и ну!— вздохнул секретарь.

— Ты, Миколай, не нукай, а вызывай...

— Пошел ты... Сам вызывай, коли хочешь!

— А ты б помене матерился. Властям не полагается.

— Ты ж сам сказал, что не власть я, а дерьмо собачье. Так ведь?

— Ну, так.

— Ну, и катись, Гришка, отсюда ко всем чертям. Будем считать, что мы с тобою квиты,— проговорил отец уже поспокойнее, готовый подвести черту под их ссорой.

— Ишь ты какой бойкий!— неожиданно ощетинился Жуков.— Больно скоро ты отквитался! Нет, друг, с тобою-то мы еще не расквитались. Аль забыл про квитанцию, какую ты мне не выдал на уплаченный налог?

— Выдам я тебе эту бумажку. Хоть сейчас.

— Теперь она мне за ненадобностью. Не нужна она мне, слышь?!— заорал Григорий Яковлевич, злобно вращая белками глаз.— Другое я от тебя, хохленок, востребую. Погоди!

Он ушел, бабахнув дверью, повергнув бедного моего папаньку в состояние крайней душевной сумятицы. В самом скверном расположении духа он подошел к окну, сунув по старой привычке ротного писаря карандаш за ухо, и уткнулся вспотевшим горячим лбом в стекло. «Может, и вправду вызвать Завгороднева?— подумалось вдруг ему.— Ведь от Жучкиных жди любой напасти... Ну, хорошо. Посажу я Гришку, и что тогда?.. Его щенки будут мстить за отца. Их-то не упрячешь за решетку — несовершеннолетние. Ну, а как же быть?»— Поставив перед собой этот вопрос и не найдя ответа на него, Николай Михайлович вышел из конторы и сейчас же присоединился к компании мужиков, о чем-то горячо спорящих на строительной площадке. Быстро сориентировавшись, по какую сторону баррикад ему следует стать, отец тотчас же подал и свой голос и увлекся перебранкой настолько, что на какое-то время позабыл про Григория Жукова.

Спорили, как и прежде, о том, в какую сторону должна смотреть будущая школа основными своими классами. Муратов, Иван Павлович, Марья Ивановна, почти все строители из бригады «вэлыкого прарапа», Петр Ксенофонтович Одиноков настаивали на том, чтобы бо́льшая часть окон была повернута туда, где долее всего в короткий зимний день задерживается солнце. Но с ними не соглашались заведующий районо, председатель сельсовета Михаил Спиридонович Сорокин, примкнувший к нему немедленно мой отец, руководители комсомольской ячейки (ими были мой старший двоюродный брат Иван и его верный помощник и приятель Митька Крутяков). Свое возражение эти последние основывали на том, что на солнечной стороне стоит церковь, она будет «заражать религиозным дурманом» детей, которые, конечно же, начнут глазеть на нее из своих классов. «Чепуха! Вздор! Дичь!»— Учителю хотелось крикнуть прямо в лицо ярым атеистам, но Иван Павлович, едва ли не самый разумный из спорящих, употребил над собою власть и не дал вырваться наружу словам, которые рвались из груди. Он никогда не забывал, что в свое время состоял в партии эсеров и только всегдашняя осторожность остановила его перед роковым решением: в двадцать первом году в

здешних краях орудовала одна из антоновских банд, предводительствуемая неким Поповым, и сельский учитель Иван Павлович Наумов вполне мог оказаться в ней. Время от времени ему давали знать, чтобы он помнил о своем прошлом и не очень-то витийствовал на родительских собраниях в школе. Да он и не витийствовал — держался ровно и подчеркнуто лояльно в отношении Советской власти. Из-за боязни, что его могут обвинить в пособничестве служителям культа, он первым уступил атеистам, сильно огорчив этим Муратова и тех, кто был с ним заодно, и справедливость, которая, по пословице, должна была бы восторжествовать, на этот раз потерпела поражение. Следствием же было то, что шесть классных комнат из семи к началу занятий и до их окончания погружались в сумерки и глядели на мир множеством бельмоватых, покрытых мохнатой снежной опушиной глазокон. Свет в них чуть просачивался, но холод легко проникал в классы, и дров не хватало, чтобы успешно противоборствовать ему. В особенно холодные дни занятия вообще не проводились: это была плата за страх. Опережая события, скажу, что церковь вскоре порушили, а школа и поныне стоит так, как ее поставили,— спиною к солнцу.

— А мы, Михаил, кажется, дурака сваляли. Не скажут нам спасибо ни ученики, ни учителя,— заметил отец председателю, когда оба вернулись в контору.

— Почему же?

— Потому... померзнут они там!

— Так какого же ты черта поддерживал нас, дураков?!

— Попробуй не поддержи! Ты первый за шкирку возьмешь.

— А ты и испужался?

— Испугаешься. Уж больно хорошо знаю тебя, Михаил.

— Плохо ты меня знаешь. Может, переиграем это дело, а? Как ты думаешь, секретарь?

— Думай сам. Тебе виднее. Ты у нас тут верховная власть.

— Боишься ответственности?— ухмыльнулся Сорокин.

— А кто ж ее не боится? Разве что господь бог, да и то потому, что отвечать ему не перед кем. Перед ним все мы в ответе.

— Ну, а все-таки. Может, перерешим?.. Помалкиваешь?.. Ну ж и плут ты, хохлenок!.. Ладно, пускай уж будет так, как сказано. Посмотришь, нас еще похвалят в районе за такое решение! С религиозным опиумом-то кто-нибудь должен бороться, как ты думаешь?

— Должен, но не так глупо.

— Борись умней, кто тебе мешает!— осерчал наконец Михаил Спиридонович и поспешил перевести стрелку разговора на иной путь.— Что с брательником? Может, в Баланду, в больницу его?

— Ничего. Отлежится и дома.

— Ну, смотри. А то отвезу. Мне завтра в райисполком. Заодно бы...

— Спасибо, Спиридоныч. Обойдется.

— Ну, а с Гришкой что будем делать? В милицию Шадрину сообщил?

— Нет, не сообщал. Ни Шадрину, ни Завгородневу.

— Эт еще почему?!— удивился председатель.— Ведь он чуть не убил человека!

— Чуть не считается. Не убил же!

— Что же, оставим без последствия?

— Зачем же! Припугнуть малость следовало бы. Вызови его в сельсовет и поговори так, как ты можешь. Можешь ведь?

— Хитер, хитер!— вымолвив это, Сорокин самодовольно улыбнулся.— Хорошо, вызову и поговорю. Я с ним так по-го-во-рю-у-у!

— Вот, вот.

— Только ты скажи, Николай, с чего это вы, Хохловы и Жуковы, взъелись друг на дружку? Где собака зарыта?

— А черт ее душу знает! Сперва-то ребятишки наши чего-то не поделили, повздорили, подрались. А потом и на нас, старых болванов, искра от того малого пожара перекинулась. Ну и занялось! — Отец горько усмехнулся.— Ведь мы только в длину вытянулись, выросли, а умом недалеко ушли от своих детей.

— Это верно. А пора бы уж и поумнеть. Разве революция и гражданская война мало нас учили?.. Вот что, Николай Михалыч, вы мне эту драчку бросьте. Доведет она вас до большой беды. Поберегите кулаки свои до другой драки. Судя по всему, будет она погорячей этой вашей потасовки...

— О чем ты, Михаил?

— Все о том же. Списки, какие мы с тобой в район отправили, думаешь, для чего?.. Через год-другой, а может, и того раньше, начнется у нас, брат, коллективизация. Та-

кое решение вынес партийный съезд. Вот, хохленок, какие дела! — Сказав это, Сорокин, по своему обыкновению, сейчас же перекинулся на другое: — А почему ты не возишь камни под школу, а? Братья твои возят, а ты, что, устраняешься от общественного долгу, хитришь?

— А на чем бы это я возил? Может, на жене?

— Не о ней речь. Жену ты давно до смерти заездил. А куда подевал свою Карюху? Берегешь? Боишься, что потеряет в теле?

— Карюха не ныне завтра ожеребится. Не поставлю же я ее в оглобли!

— Рысака, поди, от нее ждешь?

— Жду. Рысачку, — с тихой гордостью признался отец.

— Ну, ну. Дай тебе бог. Только ведь в колхоз придется отвесть. И рысачку и ее мамашу.

— Отведу, коли надо будет, — вслух проговорил отец, а про себя подумал: «Может, это только слухи — про колхозы-то. Поговорят, поговорят и позабудут о них. А может, с ними, как с ТОЗами [1]. Попробовали — обожглись, и назад от них поскорее, к старому, единоличному».

— Отцу своему, дедушке Михайле, посоветуй, чтобы он оставил эту свою должность...

— Какую? — встревожился папанька.

— Церковного старосты — вот какую! — сердито выпалил Сорокин. — На кой черт она ему сдалась? Приспеет пора раскулачивания — припомнят ему и отруба и ктиторство и окулачат за милую душу. Сидит он в своем саду и пускай сидит, не высовывает носа. Так-то будет лучше. Скажи ему про то. И Пашке, брату своему, накажи, чтоб отнял у отца и поднос, и сундучок, и все другие церковные причиндалы. Неровен час...

Михаил Спиридонович заговорил о моем дедушке потому, что увидел в окно, как тот, одетый в светлую свою поддевку, поспешал с сундучком в правой руке к церковной ограде.

— Оставил бы ты, товарищ председатель, хоть стариков в покое. Ходят они в церковь и пускай ходят. Чего с них возьмешь. Молодые — в нардом, своему богу молиться. А эти, древние, в церковь — к господу. Вымрут — и делу конец. Так что...

— Ну, ты это мне брось. На самотек хошь все пустить? А кто же за нас будет это... это самое... бороться... — Михаил Спиридонович не договорил, потому что заверещал на стене телефонный аппарат, по внешнему своему виду сильно напоминавший саратовскую гармонь с колокольчиками, и председатель кинулся к нему.

Зная, что теперь он не скоро оторвется от трубки, отец вздохнул и выдвинул ящик письменного стола, чтобы извлечь оттуда забытые на время конторские бумаги. Рылся в них долго, но бездумно, не вникая ни в смысл слов, ни в значение цифр. Душевное смятение, овладевшее им после разговора с Григорием Яковлевичем Жуковым, усилилось от всего, что наговорил ему тут председатель. Может быть, в тот предвечерний сумеречный час и выплавилось в голове отца изречение, которое мы часто слышали от него двумя годами позже. Вернувшись из сельсовета злее самого черта, он, как всегда, искал, к чему бы придраться, чтобы полезть с кулаками на жену. Загородив мать живой стеною, мы, три ее сына, сжимали кулаки и встречали папаньку глазами, в которых он не смог бы прочесть ничего хорошего для себя. И как бы оправдываясь, он с великим сокрушением произносил:

Ну, что ощетинились, волчата? Попробовали бы стать на мое место и послужить одновременно и богу и черту!

Мы слышали это, но нам не совсем было ясно, кого разумел отец под именем бога, а кого — черта.

Продолжение следует.

[1] ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли.

24 ИЮНЯ — СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. И. КОТОВСКОГО

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Григорий Иванович Котовский родился 12 (24) июня 1881 года в местечке Ганчешты Кишиневского уезда. С детства он рос сильным, смелым и любознательным мальчиком. Потеряв рано мать, он всей душой привязался к отцу, который, как и старшая сестра Соня, был для него олицетворением доброты, честности и трудолюбия. С ранних лет он тянулся к романтике, с интересом слушал рассказы о походах русских войск, о штурме Бендер, Измаила и других крепостей. В своих мечтах Гриша страстно хотел быть похожим на чудо-богатырей, которых водил в бой сам Суворов.

Иван Николаевич Котовский привил сыну дисциплинированность и организованность, учил его быть предупредительным к старшим, защищать младших, проявлять всегда и во всем инициативу. После школы Котовский поступил в Кокорозенское сельскохозяйственное училище, которое окончил в 1900 году. В училище у него проявилась и другая важная черта характера — нетерпимость к угнетателям. Сперва были стихийные, неорганизованные протесты в реальном училище. Затем — чтение запрещенных прокламаций, тайные сходки, организатором которых во многих случаях был Котовский.

Значительное влияние на окончательное формирование Григория Ивановича Котовского как непримиримого борца против царизма оказали революционные события 1905—1907 годов. Об этом периоде своей жизни он писал: «1905 год и потом последующие годы и все имевшие место исторические моменты ясно предопределяют мою работу и создают из меня смертельного, беспощадного мстителя за рабочих и крестьян. Мстителя активного».

Имя Котовского приводило в панический ужас молдавских помещиков и купцов. За ним начинается настоящая охота. Аресты, тюрьмы, побеги следовали один за другим. В 1916 году его приговаривают к смертной казни, которую заменили пожизненной каторгой. Февральская революция освободила Котовского из тюрьмы, и в августе 1917 года он отправляется на фронт.

Отныне вся его жизнь будет неразрывно связана с армией. В окопах первой мировой войны он под влиянием большевиков приходит к выводу о необходимости кончать кровавую и бессмысленную империалистическую бойню. Г. И. Котовский становится активным помощником большевиков. Об этом бурном времени он писал: «Еще не осознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я по интуиции присоединяюсь к ним как к партии, которая мне наиболее близка... Я, не зная партии, уже был большевиком».

После Октябрьской революции он вступает в ряды Красной Армии и во главе отряда борется с интервентами на юге Бессарабии, а затем — на юге Украины. В мае 1918 года по заданию партии он пробирается в Одессу, связывается с подпольщиками и выполняет самые ответственные и рискованные задания. Например, в марте 1919 года Котовский организовал смелый налет на деникинскую контрразведку, где были захвачены секретные документы, фотографии осведомителей и списки людей, подлежащих аресту. Деникинцы перевернули весь город, но подпольщиков найти не смогли.

После освобождения Одессы частями Красной Армии Г. И. Котовский назначается командиром стрелковой бригады 45-й стрелковой дивизии, а в начале 1920 года начальником кавалерии этой же дивизии и через некоторое время командиром Отдельной кавалерийской бригады. С июля 1919 года по сентябрь 1921 года Котовский находится непрерывно в боях. Командуя бригадой, а впоследствии дивизией, он громит деникинцев, белополяков, петлюровцев, махновцев и антоновцев. В этот период наиболее полно раскрылся его командирский талант: Котовский действует решительно, смело, стремясь навязать противнику свою волю, и успешно громит любого врага. За мужество и смелость, проявленные в этих боях, он был награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

«Комбриг т. Котовский Григорий Иванович — бессарабец, человек незаурядный, с большим революционным стажем, обладающий колоссально сильным характером и железной волей, без всякого военного образования, но интересующийся военным делом и в этом отношении достигает хороших положительных результатов. Среди подчиненных пользуется большим авторитетом и любовью. Бригаду держит в образцовом порядке. Коммунист». Эти слова из акта по инспектированию в июле 1921 года кавалерийской бригады Г. И. Котовского, пожалуй, наиболее полно характеризуют его как прекрасного командира и замечательного человека, верного сына ленинской партии.

Отгремели бои, и Котовский с головой окунается в повседневную боевую жизнь 2-го кавалерийского корпуса, командиром которого был назначен в октябре 1922 года. Вскоре корпус под его руководством стал одним из лучших кавалерийских соединений Красной Армии. Много времени у него отнимает и государственная деятельность: Г. И. Котовский был членом Молдавского обкома КП(б) Украины, кандидатом в члены ЦИК СССР, членом Всеукраинского ЦИК и Центрального Исполнительного Комитета Молдавии. На всех постах он проявлял величайшую работоспособность, организованность, непримиримость к недостаткам.

До конца своей жизни Г. И. Котовский все силы и энергию отдавал служению партии и народу. Память о славном сыне ленинской партии, выдающемся командире Красной Армии, герое гражданской войны Григории Ивановиче Котовском навсегда останется в сердцах советских людей.

В. ДАЙНЕС,
кандидат исторических наук

Александр ГОВОРОВ

Голубое свеченье

●

Как я люблю зеленый май —
Веселой весны волненье.
И плещется плавно
В плавнях Дунай —
Дунай,
Дунай —
Дуновенье.
Мне дышится чисто и так легко
Долгим
Дунай-дуновеньем.
Отдохновенье на душу легло
Маминым
Благословеньем.
Ты слышишь ли?
Снова к себе зову
В зеленом волненье мая.
И чудится мне —
Свой век я живу,
Чужого не заедая.
И все зову зеленый май —
Веселого мая волненье...
И плещется плавно
В плавнях Дунай —
Дунай,
Дунай,
Дуновенье.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Настроение — ниже, ниже,
Ах, послушай,
Да посмотри же —
В заполошном,
С надрывом плаче
Затуманились небеса.
Жизнь моя
На заезженной кляче
Въедет ли опять в чудеса?
Стонет горлинка
И вздыхает,
Слезы в горле комом стоят,
Не поет,
А навзрыд рыдает,
Как оплакивает голубят.
Куликово поле над Русью
Наклонило печальный лик.
И к душе
Липнет горькою грустью
Черным дегтем горлинки клик.

●

Вечером синим...
С. Есенин

В шелесте листьев,
В шелесте листьев,
Слышится столько
В шелесте листьев.
Шепот и шорох,
Шалость и свежесть.
Прелесть ли в спорах?
Шелест ли? Шелест!
Что еще выйду
Вечером лунным?
Я еще выйду
К нежным и юным.
Буду еще я
И чист и неистов.
— В шелесте листьев?
— В шелесте листьев.

●

А. Ф. Кривчене

Уже закат почти потух,
А с ним —
Все украшенья.
Мне вспомнился сегодня вдруг
Старинный друг —
Кривченя.
Легко баритональный бас
Вливался в плеск прибоя.
И ширился
Весь поздний час,
Волнуя,
беспокоя.
Скользит усмешка по лицу.
Он говорит,
Как рубит:
— Нельзя без имени певцу —
Поклонник
Имя любит...
И я шагал
Да по стопам
Недюжинных,
не хуже.
Не разменял по пустякам
Я свое имя, друже...
Уже закат совсем потух,
А с ним —
Все украшенья.
Мне вспомнился сегодня вдруг
Старинный друг —
Кривченя.
Как будто передал привет.
Совет —
Со мной пребудет:
— Нельзя без имени, поэт,
Народ наш имя любит...

●

Чутких душ голубое свеченье
Четко вижу в ночной тишине,
И невысказанное волненье
Все ловлю на высокой волне.
Улетаю?
Иль таю?
Летаю?
Удивителен тот легкий лет.
Может, ночью душою оттаю.
Может быть...
Ах, все лед... этот лед.
И душевное оледененье
Все волненье сковало во мне.
...Чутких душ
Голубое свеченье
Четко вижу в ночной тишине.
Погодите!
Судите-рядите.
Что сказать о судьбе, как судье?
Люди!
Славьтесь всегда и светите...
...Меньше думайте о себе.

НЕГРОМКИЙ СОНЕТ

И вот наконец отдыхаю
От горя и тягостных бед.
И тихо и робко вздыхаю:
— Погожие дни, вам привет.

Скажу и опять замираю —
Подслушал ли кто, или нет?
Нежданному, тихому раю
Свиваю негромкий сонет.

А было... Совсем уж недавно.
Да, ладно... Не назову.
С мольбою и явно и тайно
Я тихо воскликну: «Живу!»
О, как бы не сглазить случайно
Погожие дни наяву.

СОВРЕМЕННАЯ ЗОЛУШКА

Так хороша, хоть падай ниц
И ласками обвей.
И ей к лицу лишь только принц
Тех, сказочных кровей.
— А если не полюбит принц? —
Я обратился к ней.
Стрельнула так из-под ресниц,
Из-под таких бровей,
Что до сих пор о том — молчок,
И от нее — бочком.
Тот взгляд, как по носу щелчок,
И слышу со щелчком:
— Сниму хрустальный башмачок
Да принца — каблучком.

КАК ЖЕ ТЕБЕ ПОВЕЗЛО

Спи, мама, спи...
Ты за день июньский так
уходилась.
Встала до солнышка,
Печь затопила.
И чугунок на загнетку —
Кашу томить,
Чтоб внуков попотчевать утром...
Спи, мама, спи.
Старая,
Сон воробьиного шага короче.
Впрочем,
И он сократился намного —
Внуки гостят.
И все думаешь,
думаешь,
Как бы получше попотчевать
внуков.
А чем?
И улыбаешься грустно:
Экая кроха:
— Ты, бабушка, здесь родилась?
— Ну, конечно.
— Как же тебе повезло!
— Повезло ли? А что?
— Так интересно тут жить,
понимаешь?
А печку
Будешь топить,
Я на печке,
Знаешь ли, бабушка,
Спал бы всегда,
А еще
Вовсе ни разу не спал...

— Что ж,
Затопила.
На печь отправляйся,
Внучек...
Спи, мама, спи
И улыбайся почаще...

●

С севера — дождь-дождь,
С вечера — дрожь-дрожь,
Дождь-дождь с дрожью.
Что же ты ждешь-ждешь?
Дальше бы — дождь-дождь.
Ах, да куда же пойдешь
По бездорожью?
Светла ли судьба-судьба?
Судьба ли все же судья?
Словно плачет земля,
С нею, землею, природа.
Ах, да куда ж от себя,
Если к себе нет хода.
С севера — дождь-дождь.
С вечера — дрожь-дрожь.
Дождь-дождь с дрожью.
Что же ты ждешь-ждешь?
Ах, да докуда дойдешь
По бездорожью?

КАРАДАГ

Один костер, а сколько дыму,
Как бы луну кто приземлил
И словно вспыхнувшую дыню
На чертов палец насадил.
И неземным и лунным пахнет.
Земля и космос тут слились.
И кажется,
Луна вдруг ахнет,
Когда щелчком отправлю ввысь.
И, на мгновенье огорошен,
Я жадно пью подлунный дым.
Вернусь к тебе таким хорошим —
Ну, прямо-таки неземным.
И вот уже весь в лунном зное
К тебе я, радостный, лечу.
Я чувствую,
Что все земное
И неземное по плечу.

●

О, как легко! Как бы не весят
И долу не гнетут года.
Вон — на антенне полумесяц,
Над ним —
вечерняя звезда.
О, как же неразлучен с нею.
О, как же хорошо кругом.
И даже мысленно не смею
Я больше думать о плохом.
А вечер движется неспешно,
И полумесяц —
Весь в свету,
Он ретранслирует прилежно
Вон ту
вечернюю звезду.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады в Угорах, делегат XXVI съезда КПСС — Галина Ивановская.

Часто всей бригадой девушки гуляют по берегу живописной реки Унжи.

ДОМ НА ГОРЕ

Летом 1976 года вся страна узнала об инициативе выпускников сельских средних школ Костромской области — остаться с аттестатом зрелости в родных колхозах и совхозах. Сотни юношей и девушек пришли тогда работать на поля и фермы. Инициаторов приветствовал Леонид Ильич Брежнев.

В тот год в Мантуровском районе группа выпускниц Спасской средней школы единой комсомольско-молодежной бригадой приняла ферму. Прошло пять лет. Что произошло за это время в жизни коллектива? Как сейчас живут и трудятся девушки? Какие у них трудности и удачи?

А. ПОПОВ,
фото А. КОЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

...Тот, кто первым облюбовал эти места себе на жительство и выстроил у подошвы высокой горы на берегу лесной реки Унжи дом, был человеком со вкусом, сметливым и дальновидным. За рекой красовался звонкий строевой лес, непуганый зверь ходил в его чащах, в теплых заводях жировала рыба. Хотелось здесь жить — долго, всегда.

Скоро привилась у горы деревенька. Угóры — не случайно так назвали ее. Она разрасталась, избы поднимались по крутому берегу все выше вверх, вытягиваясь разноцветной ниткой по гребню прибрежных холмов. Только макушка высокой горы долго продолжала пустовать.

А пять лет назад и до нее дошли руки. В один день завезли сюда белый кирпич, цемент, песок. Через год здесь появился красивый двухэтажный дом. Белым парусом поднялся он над рекой. Потом было новоселье. Его хозяйками стали девушки с местной комсомольско-молодежной фермы.

Далеко смотрел человек, построивший общежитие для комсомольско-молодежной бригады на самом красивом месте в округе.

Его звали Николай Федорович Сперанский. Много лет проработал он председателем местного колхоза имени Ленина. В прошлом году, в апреле, у него сдало сердце. Тяжела председательская ноша.

Девчата на всю жизнь запомнили, как обычно приходил Николай Федорович и говорил: «Ну что, красавицы, пойдем послушаем природу! Полюбуемся на наше приволье!» И они шли все вместе на кручу. Слушали, смотрели... А утром на дойку подъем был оживленным и радостным.

...Галина Ивановская, Зинаида Цветкова, Елена Лисицына, Галина Ситникова — они пришли на угорскую ферму летом памятного 1976-го. И до сих пор работают вместе.

Девушки учились в Спасской средней школе, что находится примерно в пятидесяти километрах от Угор. И кто знает, как бы после десятилетки сложились их судьбы, если бы не приехал однажды к ним в школу Николай Федорович Сперанский. Он сказал тогда десятиклассницам: «Не хватает в Угорах вас. Ферму, образцовую молодежную ферму, хотим организовать. Она уже построена и оборудование завезено. За одним загвоздка — нужны люди...» И добавил тепло, словно к дочерям обращался: «Очень надеемся на вас».

Первой вызвалась Галина Ивановская. Она всегда была заводилой. «Кто со мной? — спросила

она одноклассниц. — Не бойтесь, вместе не заскучаем. А дело, мне кажется, нам предлагают интересное».

Пять лет назад теплым летним днем у правления колхоза имени Ленина разгружалась крытая машина — приехало пополнение из Спасской школы. Прибывших девчат встречал сам председатель, жал каждой руку: «Заждались, заждались... Милости просим».

На следующий день девушки знакомились с селом, его людьми, со своим будущим хозяйством. Двести коров должны были обслуживать отныне вчерашние школьницы. Боязно было. Ободряло, что ферма оборудована молокопроводом, кормораздатчиком, транспортерами. Все новое, отлаженное. Правда, с жильем пришлось немного подождать.

А когда дом построили, бригаде отвели комнаты на солнечной стороне — рассвет для доярки лучший будильник.

...Можно подумать, что работа доярки на такой ферме, как угорская, где высок уровень механизации, сводится к одной простой операции — дойке. Может показаться, что здесь и устать-то всерьез нельзя — успевай только подключать доильные аппараты. Тут не надо таскать тяжелые бидоны с молоком, корзины с силосом или посыпкой. Да, все это так. Но только не надо забывать, что машина никогда корову не приласкает и не выходит новорожденного теленка, за которым нужен уход, как за малым дитятей.

И, конечно, первое время, когда не было еще навыков и сноровки, приходилось добровольцам нелегко. Были и слезы, если не получалось на работе. Опускались руки, когда сильно уставали. Галя — скоро она стала заведующей фермой — обычно держалась до последнего. Знала, если и она ударится в панику, тогда быть беде — распадется бригада. Как можно тверже и спокойнее говорила обычно подругам: «Только без эмоций! Давайте вместе все спокойно обдумаем. За нас никто нашу работу не сделает». Успокаивались подруги, и как-то само собой дела поправлялись. Брали старательностью, взаимовыручкой.

Никогда не забыть Зине Цветковой ту ночь, когда в ее группе заболело сразу несколько телят. Бригада пришла помогать подруге в полном составе. До полудня следующего дня грели молоко и микстуру, отпаивали животных. Спали урывками, поочередно, на стульях в красном уголке. Зато сколько было потом радости, когда отступила беда. Вспоминают, даже кинулись было качать Зину.

— Но одним только старанием молока не прибавишь. А ферма долго шла с «минусом» — надои падали, — рассказывала Галина Ивановская. — Кормов не хватало.

Мысль, что получается не так, как задумывается, что показатели у нас пока невысокие, — угнетала, — признается сейчас Галина. — А как хотелось, чтобы нас похвалили! Ведь изо всех сил старались девочки.

А однажды зимой совсем стало плохо с сеном. С трудом перебивались на полуголодном рационе. Что делать? В правлении разводят руками: было бы... дали. Тогда девчата решились действовать самостоятельно. Сели как-то вечером и написали письмо в Министерство сельского хозяйства республики. Все объяснили, рассказали о себе, попросили помощи. В Москве пошли навстречу, выделили специально для угорской комсомольско-молодежной фермы вагон с комбикормом. А там колхоз прикупил у соседей соломы, стали ее запаривать с отрубями и понемногу выправили положение.

Вот так... Приходилось иногда и таким образом выходить из прорыва. Но только хорошо понимают девушки, что каждый раз, когда бывает туго, за помощью в Москву обращаться не станешь. Надеяться в итоге приходится на самого себя. И сила, чтобы жить безбедно во всех отношениях, у хозяйства уже появилась. Прошлый год, очень трудный для костромского села, колхоз имени Ленина завершил с чистой прибылью в 150 тысяч рублей. Общий доход составил более миллиона. Крепнут Угоры. И во многом благодаря тем парням и девушкам, кто остался за последнее время в родных краях. В колхозе сейчас более трети работающих в возрасте до тридцати лет. Молодеют Угоры.

А раз есть люди, значит, можно браться за большие и серьезные дела. Конкретно, решить раз и навсегда кормовую проблему. Об этом говорила Галина Ивановская на правлении колхоза.

Немало заливных лугов, где вырастает трава по пояс, по руслу Унжи. Но вот беда, технику на них не пустишь, изрядно заросли они кустарником. А «литовкой» много не накосишь. Выход один: необходимо всерьез заняться лугами. И работы уже начались на левом отлогом берегу реки. Одновременно в хозяйстве почти в полтора раза увеличили поле под сеяные травы.

Известно, тяжело набирать высоту. И как бы ни приходилось иногда бригаде трудно, у нее уже есть своя покоренная высота. Судите сами, за последнее время молока от коровы на ферме стали получать на 300 килограммов больше. В Угорах сейчас не случайно говорят: «Девчата настоящими доярками стали. Умеют работать».

Отмечаешь и другое: где бы и с кем ни заходила речь о Галине Ивановской и ее подругах, все неизменно подчеркивали: «наши девчата», «наши труженицы». Девушек с комсомольско-молодежной фермы признали в Угорах своими. И становилось понятным, почему Галина Ивановская была выбрана делегатом на XXVI съезд партии, почему в прошлом году в бригаду после десятилетки пришли Зоя Иванова и Оля Рыжова. Доверяют в Угорах хозяйкам дома на горе.

...Недавно к девчатам в общежитие зашли соседи. Заглянули не просто на огонек, а по делу. Принесли пару пушистых крольчат — белого и черного.

— Это вам на развод. Примите... — сказали. — Пора хозяйством обзаводиться. Жить вам здесь долго.

Девушки намек поняли. Подарок приняли. Они приехали в Угоры навсегда.

СЕМЕЙНЫЕ АЛЬБОМЫ ДВОРЦОВЫХ

Нынче семейные альбомы стали, пожалуй, неким анахронизмом: вышли из моды. Но вот в Ялте, в гостеприимном доме Лидии Георгиевны и Аркадия Федоровича Дворцовых, мне посчастливилось увидеть нечто редкое: не в одном, а во многих альбомах хранит эта семья целое собрание фотодокументов...

Удивительную жизнь, словно в капле воды отразившую бытие народа, прожили эти люди, наделенные сердцами, открытыми добру и труду.

Важнейшие главы их общей биографии начинались на фронтах Великой Отечественной. До того, как пришла война, они жили далеко друг от друга, оба учились. Кончая школу, сталинградка Лида Белкова еще не знала, кем она станет, Аркадий же Дворцов избрал профессию прочно: он был слушателем Военно-медицинской академии в Куйбышеве. Вверенный Дворцову хирургический госпиталь 3-й гвардейской армии стоял под Сталинградом на станции Серебряково, когда в 1942 году пришла туда добровольцем шестнадцатилетняя Лида, чтобы делать все, что прикажут: мыть полы, ухаживать за ранеными... Дом, где она жила, и школа, где она училась, были разрушены; отец умер...

Девушка оказалась трудолюбивым и способным медицинским работником: училась быть полезной на операциях. Стала постоянным донором... Но, будучи уже не санитаркой, а опытной медсестрой, она по виду-то все еще оставалась да и на самом деле была восемнадцатилетней девчонкой, худенькой и скромной.

Однажды, уже на Украине, в июне сорок четвертого, Лида, усталая, нахохлившаяся, стояла на посту возле госпиталя. Начальник госпиталя, проверявший посты, отнесся к часовому сурово: «Что вы тут делаете?» «Охраняю госпиталь!» «А как вы охраняете?..» «С часовым не разговаривают!» — рассердилась Лида. Резкость, уверенность девушки удивили Дворцова. И обеспокоили. Уж очень хрупкая, молодая. Такого часового враг тотчас снимет с поста...

— Отстранить Лиду от несения службы в то время я, конечно, не мог. Но беспокойство за нее меня не покидало. Тогда я решил, что буду дежурить вместе с ней, — вспоминает, улыбаясь, Аркадий Федорович. — А в июле мы пошли в наступление, караульная служба прекратилась...

В польском городе Краснике Дворцов подал начальству рапорт о женитьбе. А через год, в те майские дни, когда советский народ праздновал победу над гитлеризмом, у Дворцовых родилась в немецком городе Котбус дочь. Ее назвали Викторией... В семейном альбоме находится выписка из приказа по полку за подписью ведущего хирурга, майора медслужбы М. С. Томилина; здесь же и фотографии Лидии Георгиевны с маленькой Викой на руках...

Подан рапорт о женитьбе.

На серебряной свадьбе...

Жаль, что нет в альбоме фотографий, где мы увидели бы, как трудно и напряженно жил и работал в то время Аркадий Федорович...

— Хирурги обычно начинают войну. Заканчивают же ее эпидемиологи, — говорит он.

В Котбусе для эпидемиологов работы оказалось более чем достаточно: среди населения было много тяжелобольных. Их надо было лечить. Эту работу А. Ф. Дворцова граждане демократической Германии сердечно ценили тогда и продолжают ценить теперь.

Дружеская переписка между Ялтой и Котбусом продолжается уже давно, а весной 1975 года, когда близилось тридцатилетие Победы, в Ялту пришло приглашение на имя Дворцовых: Котбус ждал в гости всю семью. Эрхард Миллер, старший обер-бургомистр города, писал Аркадию Федоровичу: «Учитывая Ваши личные заслуги, сердечно просим Вас с женой, а также Вашу дочь с мужем прибыть как наших гостей с 30 апреля по 10 мая».

Множество фотографий рассказывает о теплой встрече давних друзей. А сколько интересного случилось потом, в последующие годы. В Ялту, к Дворцовым, приезжают и старые знакомые и новые друзья из ГДР. Дворцовы стали еще и «связными» между немецким и советским клубами интернациональной дружбы; они же помогли ребятам — русским и немецким (в том числе своим внукам) — наладить переписку клубов «Поиск»...

В одном из альбомов Дворцовых находится маленькая вырезка из местной газеты. Там сказано, что недавно Фриц Вольф, консул ГДР в Киеве, вручил Аркадию Федоровичу Дворцову, подполковнику медицинской службы в отставке, юбилейную медаль «30 лет ГДР», поскольку А. Ф. Дворцов оказывал большую помощь местному населению. Несколько позже сообщение напечатала и газета «Красная звезда».

— Теперь уж и внуки наши завели свои альбомы: ребятишки тоже ведут переписку, встречаются... Мы научили их беречь добрую память о людях и встречах, — говорит Аркадий Федорович. И добавляет: — Живые следы жизни! Вот что такое семейный альбом.

Н. ТОЛЧЕНОВА

25 ИЮНЯ 1975 ГОДА БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА НЕЗАВИСИМОСТЬ МОЗАМБИКА

ПО ДОРОГАМ МОЗАМБИКА

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В тени мангового дерева расселись музыканты с барабанами и инструментами, похожими на громадные ксилофоны. «Тимбила» — так на языке племени машона называется этот африканский ксилофон. Вначале, лениво перекликаясь, заговорили барабаны. Потом, перекрывая их говор, поднялась и прокатилась далеким эхом волна ритмичной мелодии, ее настигла другая, еще более сильная волна — это был голос «тимбиды». Вмиг на пыльной площадке оказался юноша с трещотками в руках. Его голову украшал пучок ярких перьев. Высоко подпрыгнув, юноша сделал какой-то немыслимый пируэт. Нещадно палило солнце. По лицу танцора струился пот, а он самозабвенно кружился, подгоняя ритм танца трещотками. И тут из-за деревьев появилась группа танцоров — стройных тонконогих юношей и мужчин, зрелый возраст которых угадывался по отяжелевшей линии плеч. Держа в руках овальные щиты из буйволовой кожи и отрешенно глядя перед собой, мужчины из племени машона вошли в танец.

...Родина этих людей — земли между Замбези и Сави. Африканское название племен — макаранга, «дети солнца». В глубокую древность уходит их история. Задолго до прихода сюда, в Мозамбик, европейцев славился этот народ богатством, и потому египтяне прозвали страну Пунт — «божья страна». Впоследствии на территории макаранга образовалось государство Мономотапа, что означает «владыка рудников». И действительно, тут были рудники, где добывалось много золота и железа. Слухи о богатстве страны, с которой торговали арабские купцы, привели сюда португальцев, завоевавших после долгих лет борьбы Мономотапу.

Оживляя далекое прошлое, один танец сменял другой. Но вот по сигналу свистка, висевшего на шее шаимэна — застрельщика танца, мужчины разделились на две группы, и шаимэн, ударив щитом о землю, спросил: «Вы знаете, зачем пришли на нашу землю Мондлане и Машел?» И, ударив в ответ дружно, с силой своими щитами о землю, танцоры ответили: «Они пришли, чтобы сделать нашу землю свободной и счастливой!» Танец освобождения родился шесть лет назад, в дни провозглашения независимости, и народный самодеятельный ансамбль «Тимбила» показал его на первом фестивале национальной культуры освобожденного Мозамбика.

Встреча с этим интересным ансамблем в Мапуту дала мне возможность ощутить себя в Африке. Столица Мозамбика, носившая в прошлом имя португальского купца Лоренсу Маркиша, похожа больше на южноевропейский, чем на африканский, город. Прежде в центре муниципальной площади, перед парадной дверью, ведущей в мэрию, было выложено изразцовое панно с огромными буквами: «Здесь Португалия». Надпись уничтожили в первые дни независимости. Чистые, широкие, утопающие в зелени улицы, виллы разнообразной архитектуры и современные комфортабельные многоэтажные дома — это «верхний город», в котором прежде разрешалось жить только белым, богатым людям. В африканских кварталах, или, как их называли, «тростниковом городе», который с трех сторон окружал столицу, ютились мозамбикцы. В первые же дни независимости, сразу после массового отъезда португальцев, правительство приступило к планомерному переселению людей из тростникового города. В Мапуту, где 755 тысяч жителей, разработан план строительства новых кварталов методом самопомощи. Столица называется теперь по имени небольшой речки Мапуто, впадающей неподалеку в океан. В городе переименовано большинство площадей и улиц. Здесь есть теперь площади Маркса, Энгельса и Ленина. Есть улица Октябрьской революции и Московская улица.

Собираясь в эту командировку, я убедилась: за последние полтора десятка лет о Мозамбике стало известно гораздо больше, чем за века минувшего португальского владычества. Для нас, советских людей, название этой страны неотделимо от ФРЕЛИМО. С первых дней создания Фронта освобождения Мозамбика мы следили, как развертывалась под его руководством вооруженная борьба народа.

Тяжелое наследство досталось молодому революционно-демократическому государству, где только три процента населения умело читать и писать! Бежав из страны, колонизаторы увезли с собой большую часть казны, машины. Они угнали скот, а перед отъездом устраивали саботаж на фермах, фабриках и даже в больницах.

В Мапуту я познакомилась с болгарским врачом Николой Кулинским. Он приехал сюда в начале 1976 года и вспоминал, в каком плачевном состоянии была центральная столичная больница: «Все оборудование португальцы сломали, оставив больных без помощи и практически без лекарств! На весь город было всего 25 врачей, так что нам пришлось работать сутками — в больнице, на «Скорой помощи», вести прием в поликлинике, да еще преподавать в мединституте, где не осталось ни одного профессора. Потом, когда приехала группа советских врачей, мы вместе с мозамбикскими студентами-медиками наладили нормальное обслуживание больных и даже подготовили сорок специалистов».

А вот другая история, ее я записала во время посещения крупнейшего предприятия столицы — «Кометал-Мометал», где делают новые железнодорожные вагоны и ремонтируют старые. Это коллективный рассказ тех, кто сегодня представляет здесь народную власть.

Эштеван Шивамбу, член партийного бюро: «Прежде предприятие принадлежало акционерному обществу. После провозглашения независимости партия направила сюда своих уполномоченных, я входил в эту группу. Мы сразу же столкнулись с саботажем хозяев. Они прибегали к разным уловкам, чтобы к нам не поступало из-за рубежа сырье».

Жолиан Шиуиса, член производственного совета: «Вскоре предприятие было национализировано. Появилась новая дирекция, была организована партийная ячейка из девятнадцати человек. К этому времени практически все инженеры уехали, тайком поломав важное оборудование. К нам на помощь приехали трое инженеров из ГДР, а потом еще один специалист из Венгрии. Мы говорим им спасибо».

Последним взял слово Вириату Вентуру, который здесь руководит Организацией мозамбикской молодежи. «Нас 130 человек. Первой задачей было наладить учебу, а затем молодежь стала помогать в организации курсов по ликвидации неграмотности среди рабочих.

Теперь у нас есть ясли, детский сад, а главное — школа повышения квалификации. Мы отправили девять ребят на учебу в ГДР и еще двадцать человек в Португалию. Ничто и никто не помешает нам преодолеть отсталость! — запишите, пожалуйста». И это не были пустые слова. На заводском дворе стоял, сияя на солнце, состав серебристых вагонов-цистерн. Первая продукция, сделанная по заказу соседней африканской страны Малави.

ЧТО МОЖЕТ ЛИМПОПО

Из министерства информации сообщили долгожданную весть — корреспондента «Огонька» и руководителя корпункта АПН в Мозамбике Альберта Бурлака завтра ждут в Нампуло — самой северной провинции.

Едва самолет взмывает в воздух, устраиваюсь у окна. Африка сверху оказалась красной. (Позднее геолог Шамиль Хадарцев, который работает в Нампуло, объяснил мне, что почвы Мозамбика богаты железом, и это придает им красноватый оттенок.) Зеленые пятна на красном — это саванна, огромные, покрытые травой пространства с редкими деревьями, в тени которых спрятались от зноя хижины. Внизу блеснула серо-голубая лента. Это же Лимпопо! В Африке ее называют с ударением на первом «о». Сегодня в Мозамбике Лимпопо чрезвычайно популярна. Секрет этой популярности мне раскрыл Владимир Алексеевич Забелин — технический руководитель проекта комплексного освоения долины реки. Он рассказал, что четыре года назад на III съезде ФРЕЛИМО был выдвинут план создания в районе Лимпопо и Инкомати житницы страны, чтобы решить проблему продовольствия. Португальцы еще в двадцатые годы начали создавать здесь, в долине Лимпопо, где живет около миллиона человек, оросительную систему, но освоили только тридцать тысяч гектаров. Два года назад Мозамбик заключил контракт об участии нашей страны в решении этой большой народнохозяйственной задачи.

— Что уже сделано?

— Мы провели расчеты и показали, что оросительные возможности Лимпопо — 200 тысяч гектаров. Изучены земельные ресурсы. На 170 тысячах гектаров — можно снимать по два, два с половиной урожая в год! — И Забелин показал мне схему, где были обозначены пять опытных станций орошаемого земледелия. Комплексное освоение Лимпопо предусматривает меры по борьбе с наводнениями, изучение вопроса о судоходстве, использование рыбных ресурсов этой реки, а также строительство в этих местах автомобильной и железной дорог.

...Самолет снижался. Внизу — словно остроконечные шапки великанов — высились горные глыбы.

Первая встреча в Нампуло — с губернатором Фелисиану Гуанда. Этот высокий молодой человек с добрыми умными глазами исполняет функции представителя президента республики, является одновременно первым секретарем парткома провинции. В кабинете губернатора на стенде представлены местные богатства: хлопчатник, орехи кэшью, сизаль, табак, ценные породы древесины и образцы полезных ископаемых — графита, железных и хромовых руд.

— В поисках полезных ископаемых нам сейчас активно помогают советские геологи. Думаю, тут хорошие перспективы, — сказал губернатор. — А пока главная наша продукция — просо, маниок, бобовые, бананы. У нас есть фабрика по переработке орехов кэшью, хлопкоочистительная фабрика, текстильный комбинат. И, конечно, большое значение для экономики провинции имеет порт Накала.

Мы поинтересовались, как решаются здесь проблемы здравоохранения и просвещения.

— В прошлом это был один из самых отсталых краев страны. Тут не было ни школ, ни медицинских учреждений. В деревнях организованы медпункты, идет кампания по вакцинации населения от туберкулеза, кори, столбняка. Для ликвидации отсталости нужны прежде всего грамотные люди. Первая кампания по ликвидации неграмотности была организована в нашей стране в районах, где был сосредоточен рабочий класс. Ее открыл товарищ Машел, который провел занятия среди рабочих железных дорог. Теперь разработаны планы для каждой провинции, где действуют комиссии по образованию, и возглавляют их губернаторы.

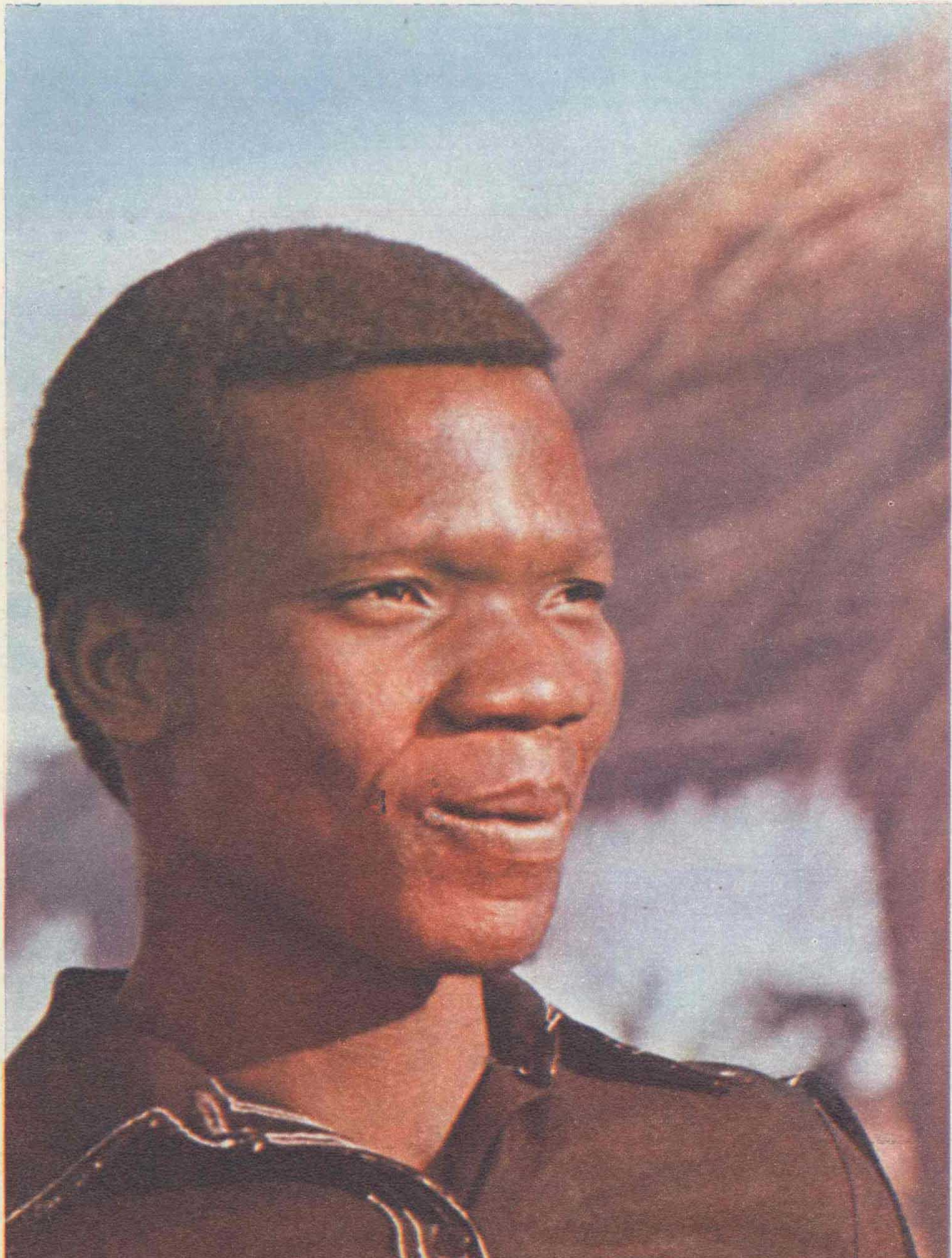
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ

Мозамбику нужны специалисты! Очень нужны мастера — сварщики, механики, электротехники. Поэтому Борис Михайлович Меркулов, преподаватель Ленинградского индустриального техникума, собрал вещи, сделал при-

●

Центр профтехобразования, созданный при участии Советского Союза в Матола. Занятия с будущими сварщиками ведет Равиль Иблеев, мастер производственного обучения из Душанбе * Жан Антонну — первый школьный учитель из «коллективной деревни» имени Эдуардо Мондлане * На хлопкоочистительной фабрике.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
На страже независимости Мозамбика * История страны начиналась здесь, у стен древнего форта * В столичной школе перемена * Так сушат рыбу * Ансамбль «Тимбила».

вивку от желтой лихорадки и холеры и отправился в Африку.

Согласно межправительственному соглашению, подписанному нашими странами, предусматривалось открыть шесть центров профтехобразования до конца этого года. И все шесть были открыты. Планируется открыть еще 20 учебных центров.

— В Мозамбике большие трудности с квалифицированными рабочими, а без них не поднять экономику. И тут на нас большие надежды возлагаются, — рассказывал Меркулов. — Ведь как сейчас идут дела? В стране работают иностранные «кооперанты» — преподаватели из Англии, Швеции, Италии, Франции, — они по контракту работают и за большие деньги, не заботясь о подготовке преподавателей-мастеров. Мы же за короткий срок не только обучаем ребят профессиям, но и подготавливаем из них мастеров, которые смогут обучать других.

Педагогический центр находится в 15 километрах от Нампуло.

— Когда я приехал в апреле 1979 года посмотреть старые, заброшенные здания, где нужно было устроить классы и мастерские, трава стояла выше головы, — вспоминает Меркулов. — Со мной приехал будущий директор, который, прежде чем мы ступили на территорию, дал мне здоровенную палку. «Для чего?» — спрашиваю. Он ответил: «В траве полно ядовитых змей». «А большие змеи-то?» — поинтересовался я, чувствуя себя не очень-то бодро. «Нормальные, — ответил он. — Метра два-три». Змей мы всех потом разогнали — их тут было и вправду полно. А один питон здоровенный и сейчас живет на огромном манговом дереве.

В кабинете директора знакомимся с руководителем учебной части центра Беджамином Пауло Беуфиком. Он учился в Мапуту, в индустриальном институте, по профессии инженер-механик. Спрашиваю: «Что вас радует больше всего?» Он отвечает, не задумываясь: «Большие успехи в подготовке специалистов. У нас работают советские преподаватели и один педагог с Кубы. Отличная рабочая атмосфера. Этот центр по-своему уникален для нашей страны, мы готовим за три года преподавателей для профтехобучения».

И БАОБАБЫ ОТСТУПАЮТ...

Наш «лендровер» мчится по дороге в Намяло. В это путешествие вместе с нами отправился Мхитар Мхитарьян. Москвич, тимирязевец, он работает главным экономистом в управлении сельского хозяйства в провинции Нампуло. Этот путь ему хорошо знаком — неподалеку от Намяло в госхозе «Мезерпаны» два года работал наш советский агроном. На опытном участке в сорок гектаров он провел первый в этих местах механизированный посев хлопчатника и междурядную обработку поля. И наглядно доказал, что здесь, в Мозамбике, можно собирать хлопка впятеро больше прежнего.

В «Мезерпанах» будет работать хлопковод из Узбекистана Мухаммад Абайдуллаев. Узнав о том, что я из «Огонька», он возликовал: оказывается, в нашем журнале был напечатан очерк о его отце, передовом хлопководе, и его четырех сыновьях!

— Президент Машел был у нас в Ташкенте и встретился с товарищем Рашидовым. Я был на митинге и слышал, как товарищ Машел сказал: «Мы ждем в Мозамбик ваших специалистов». И вот я тут, и еще наши товарищи приедут!

...С обеих сторон к дороге подступают высоченные стены травы. Иногда я вижу протоптанные в ней узкие тропинки, ведущие к хижинам. Обычно две-три хижины стоят неподалеку друг от друга в тени деревьев.

И снова — дорога, пыльная, жаркая. Вдоль нее — целые плантации аккуратных тонконогих кустов. Это маниок. Наравне с кукурузой один из основных продуктов питания. Маниок неприхотлив, в пищу идут его корни, а вызревает растение долгих восемнадцать месяцев. Особенно много в провинции Нампуло деревьев, похожих на магнолию. В XVI веке это дерево было завезено из Бразилии, и теперь орехи кэшью — один из ведущих экспортных продуктов Мозамбика.

С нетерпением ждала я встречи с баобабом, а когда увидела — не узнала. Как, это высоченное, голое дерево в лианах и есть знаменитый баобаб — долгожитель лесов? Мхитар подарил мне плод баобаба, похожий на огромный огурец. В эту жару баобаб сбросил листья, чтобы сэкономить драгоценную влагу. А вон те голые деревья, что видны вдали, пострадали от лесного пожара. Летом часто в саванне бывают пожары и много гибнет деревьев.

Небольшой городок за поворотом — Намяло. К нему идет узкоколейка, и нам приходится остановиться, пропуская старенький паровозик. Он пыхтит надрывно, по-стариковски, и тащит за собой вагоны, переполненные людьми.

Наш водитель Омар сразу везет нас к белому двухэтажному дому, где находится правление хлопкоочистительной фабрики. Знакомимся с директором Кришпину Килая. Идем в цех, где обрабатывают хлопок. А вот и склады, где лежит уже приготовленная к отправке продукция. На огромных белоснежных тюках, туго перетянутых металлической лентой, написано: «Для ГДР».

И снова — в путь. Нам навстречу едут два трактора — наши, советские. На прицепах полно людей. Это работники госхоза, куда мы едем. А вот, наконец, хлопковые поля, где предстоит трудиться «сеньору Мухаммаду». Мхитар говорит, что не так просто было отвоевать у джунглей этот кусок плодородной земли в 1600 гектаров. У края поля сбоку лежит повергнутый великан баобаб, растопырив свои ветви, словно пальцы.

Вот и «Мезерпаны». На дворе госхоза — оживление: люди дожидаются транспорта, чтобы разъехаться по домам. К нам подходит невысокий, ладно скроенный молодой человек: «Здравствуйте, я — директор госхоза Жуан Кастило Алфонсо».

— По первому местному плану тут в провинции будут создаваться госхозы. Сейчас их тринадцать. Это хозяйство создано три года назад, — рассказывает директор. — На 1564 гектарах посеян хлопчатник. На 342 гектарах — подсолнечник и на 407 — сизаль. В горячее время — на посевной, прореживании, прополке — тут работает до тысячи человек. Но постоянно живет только 152 человека. Главная проблема — нехватка рабочих рук. Люди, конечно, есть в окрестностях, но чтобы собрать их здесь, нужен транспорт.

— Как же решить эту задачу?

— Нужно построить поблизости пять «коллективных деревень». Наладить на территории госхоза школьное обучение, организовать тут детские центры, открыть магазины потребительской кооперации, построить хлебопекарню, клуб.

Вот как он мыслит — по-государственному, этот молодой, симпатичный директор.

...На обратном пути сворачиваем на дорогу с указателем: «Владения коллективной деревни имени Эдуардо Мондлане». Деревня раскинулась просторно. Первое, что меня поразило, когда мы въехали в нее, — удивительная чистота, словно мы вошли в комнату, где только что подмели полы.

Нас привели в просторный глинобитный дом. На стенах висели ребячьи рисунки. «Это наш детский центр!» — торжественно сказал товарищ Жозе, депутат народной ассамблеи деревни. Мы обошли четыре комнаты, где стояли детские кроватки и грубо сколоченные столики и стульчики.

Гуськом за провожатым идем к хлебопекарне, она стоит в самом центре деревни, под навесом. Молодой парень, ловко орудуя палкой, напоминающей ухват, сажает в огнедышащую пасть печи булочки. Теперь наш путь к школе. По дороге останавливаемся у одной из глинобитных хижин. Рядом с ней высоко над землей устроена клетка для кроликов. «Прежде нам не разрешалось разводить живность, — говорит наш провожатый, — а теперь мы сами заботимся, чтобы было мясо».

Школа — просторная хижина. На глинобитном полу стоят ряды скамей. Нас усаживают за длинный стол, покрытый белой тканью. Вмиг набралось полным-полно народа — дети, старики, матери с младенцами у груди. На нас смотрят с интересом и симпатией. Альберт Бурлак, который отлично говорит по-португальски, подымается из-за стола и спрашивает собравшихся, что знают они о Советской стране. Молчание. И тогда выясняется, что жители этой деревни не понимают по-португальски, они говорят на языке племени макуа. Находится переводчик, и нас просят рассказать о революции, о том, как живут люди в нашей стране. Мы тоже задаем вопросы. В деревне, организованной всего четыре года назад, 75 домов, живут 250 человек. Работают на общественном поле, где выращивают хлопок и получают за это деньги. А кроме того, у каждого есть свой собственный участок земли.

— Что было прежде тут, где ваша деревня?

— Поля помещика. У него было пятьсот тысяч гектаров...

— Он был португальцем?

— Да, его звали Альмейдо Жозе Круш, — отвечает хор голосов. Имя хозяина еще не забыто, как не забыто и тяжелое прошлое. «Нам не разрешалось жить со своими семьями. Хозяин поселял нас отдельно в бараки... Учиться? Да разве мы смели о таком подумать! Это теперь я хожу в школу, хотя у меня уже двое детишек. Не помню, чтобы со мною хотя бы раз поговорил хозяин или его помощник. Нас считали рабочей скотиной...»

Слушая этих людей, я вспомнила встречу с руководителем Ассоциации дружбы и солидарности с народами зарубежных стран Сансао Мутемба, участником освободительной борьбы. Он хорошо знал Эдуардо Мондлане, именем которого названа эта деревня. «Первый наш враг — наша отсталость, — подчеркнул он. — Пять веков народу вдалбливали, что он неполноценен. А теперь мы должны научить его грамоте и убедить, что он сумеет по-новому жить и работать». И молоденький паренек Жан Антониу, которого в деревне величают «профессоре» — у него в этой школе 73 ученика днем, и столько же приходят по вечерам, — помогает своим односельчанам стать счастливыми.

БЕЛЫЙ ОСТРОВ

Мозамбик ведет свою историю с 1502 года, когда португалец Васко да Гама третий раз в истории европейского мореплавания обогнул южную оконечность Африки и первым вошел в устье огромного залива, на побережье которого теперь лежит столица. Вновь открытый район португальцы назвали Залив смерти. В топких болотах тучи малярийных комаров, крокодилы и град стрел обрушились на пришельцев. Покинув в спешке сооруженный ими форт, португальцы поплыли на остров, который получил название Мозамбик. Высадившись здесь, пришельцы спросили у островитян, как зовут здешнего правителя, и услышали в ответ: «Муса эль Бики!» Так, если верить легендам, родилось название сначала этого острова, где португальцы в 1507 году соорудили форт, а затем и всей страны.

Я увидела его внезапно. Он показался из-за поворота, едва мы миновали пальмовую рощу. Узкий, длинный мост, словно острый кинжал, разрезал морскую синеву, соединяя материк с белоснежным видением, имя которого — остров Мозамбик.

Машина въезжает на остров, и сразу, как в театре, сменяются декорации... В этом городе все напоминает о прошлом: узенькие мощеные улочки, солидные дома с закрытыми решетками окнами и крепкими дубовыми дверьми, церкви, величественный дворец губернатора на набережной. Медленно старинные часы отсчитывают удары. Время падает с высокой белой колокольни у дворца. Подобно большинству восточноафриканских городов, Мозамбик был основан арабами. Португальцы привезли на кораблях гранит, из которого построен форт Святого Себастьяна. По каменной лестнице поднимаемся наверх. Отсюда видно, как идеально спланировано это древнее сооружение. Вдоль стен форта стоят, уткнувшись дулами в амбразуры, древние пушки. Молодой лейтенант принес нам бинокль. «Отсюда видно то самое место, где высадился Васко да Гама», — говорит он и показывает на небольшой островок с белым пляжем.

Наш водитель Омар неторопливо делает круг по городу. И тут я вижу странную молодую женщину. Лицо женщины замазано белой краской. Словно из прорези маски, на меня глянули темные веселые глаза. Белая маска на женском лице — давняя традиция некоторых племен, которые живут на острове. Население здесь очень пестрое: арабы, индийцы, персы, вамакуа, суахили. И Натаниел Темба, первый секретарь парткома острова Мозамбик, который приехал сюда недавно, сразу же столкнулся с множеством проблем.

— Во-первых, — неторопливо загибая пальцы, перечисляет он, — нужно наладить снабжение города провизией. Единственное занятие населения — рыболовство. Прежде тут процветал туризм, но сейчас отели пустуют, так что вторая задача — дать людям работу!

Перспективы? — Он задумчиво смотрит в окно. — Вокруг много засоленных земель. Вы видели, прямо у дороги тянутся поля, где идет добыча соли? Нет близко хороших земель, и приходится возить людей на работу за много километров. Вы сами видите — тут красота необычайная, и в этих камнях живет история. Вот и надо будет вернуть этим местам славу туристического рая. Пока не хватает средств, но мы готовимся к будущему: уже сейчас понемногу реставрируем памятники. Загляните во дворец губернатора — там все содержится в идеальном порядке.

Перед отъездом с острова мы заглянули во дворец и, оказавшись единственными посетителями музея, послушно проследовали за гидом через всю анфиладу комнат, где дон Жуан де Коста, вице-король Индии и генерал-губернатор Мозамбика — заморской провинции Португалии, проводил свои дни. Дворец содержится в идеальном порядке — об этом мы написали в книге посетителей музея. А на улице, неподалеку от дворца, вдоль всего фасада здания протянулась надпись, сделанная красной краской: «Да здравствует 25 июня 1975 года!»

Художник Валенти Нгвения Малангатана * Лагуна на острове Мозамбик.

ОГОНЬ ДУШИ — СЛОВУ

Павел ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

— Литература — это память народа, летопись его борьбы, деяний и роста, это проявление народной жизни во всей ее сложности и в то же время одна из наиболее богатых форм самой жизни. Мы рассматриваем литературу не как мертвое отображение действительности, не как оторванную от всего сущего самодовлеющую форму, а как частицу самой жизни, с ее клокотанием, красками, прелестями и угрозами, как великое поле боя и состязаний таланта и благородства.

Я беседую с первым секретарем правления Союза писателей Украины, депутатом Верховного Совета СССР П. А. Загребельным. Павел Архипович говорит горячо и страстно:

— Остап Вишня как-то обмолвился: «Когда входишь в литературу, чисть башмаки». Фраза, я бы сказал, знаменательная. Литература действительно должна быть святыней для каждого, кто намерен служить ей. Лев Толстой чрезвычайно точно отметил, что «произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник». Раскрывая мысль далее, Толстой утверждает, что «ни невежественный, ни себялюбивый человек не может быть значительным художником». Заметьте, невежественный и себялюбивый!

Писательское сердце должно быть достаточно вместительным, чтобы принять в себя весь мир, все его страсти и противоречия, борьбу и красоту. Оправдание литературы, ее высокого назначения в том, чтобы словом показать величие человека на земле.

— И каким высоким умением, какой чувствительной душой должен владеть писатель, чтобы отдать свой талант служению литературе, памятуя о девизе Герцена «Писатели не врачи, а сама боль».

— В своих книгах советские писатели ставят на повестку дня самые «болевые», самые важные, я бы сказал, судьбоносные для государства и человека проблемы: отстаивание завоеваний Октября, героизм, твердость, стойкость, восстановление и возрождение, новый хлеб и космос, защита человеческой личности и защита окружающей среды, мир и прогресс человечества. Отчуждению личности, духовной разобщенности, культу индивидуализма, национальной вражде, которые господствуют в мире капитализма, мы противопоставляем принципы социального и национального равенства, идеи дружбы народов, создание условий для проявления человеком его творческих сил.

Основой советского общества является коллектив, но я считаю, что литература должна прежде всего искать в этом коллективе личность, индивидуальность, характер. Если литератор не найдет эту личность, ему не написать достойного нашего времени «портрета коллектива». Если нет характера, индивидуальности — нет коллектива. Эту истину должны, мне кажется, понять все, кто причастился слову. И те, кто размывает это понятие, растворяя неповторимость конкретной человеческой натуры в коллективе, могут, конечно, создать роман или повесть, которая будет иметь кратковременный публицистический успех, но это не настоящая литература.

Есть и другая крайность, о которой наверняка пойдет разговор на писательском съезде. В последние годы наша литература теряет свой эмоциональный накал, становится все суше, все рациональнее. И в прозе и в драматургии появилось много искусственных схем, конструкций, понятие подтекста, парафраза приобретает самодовлеющее значение в художественной практике, что обесценивает литературу. Страсть, на которой, собственно, и должно держаться слово, тускнеет или исчезает вовсе. В поэзии заметна девальвация стиха, льется поток слов, не трогающих душу читателя. Поэт теперь знает обо всем на свете, он не пошатнется и не споткнется в слове. Беда только, что в позаимствованных или самодельных убранствах, в наговоренной «одежде слова» не бушует огонь. И тогда авторы таких стихотворных писаний зажигают не звезды, а спички. А ведь мы подчас всю жизнь ходим под впечатлением того или иного стихотворения Пушкина или Шевченко. «Я помню чудное мгновенье»,— сказал поэт, и это его «чудное мгновенье» становится нашим личным мгновением. А тут прочитываешь целые романы или книги стихов — в душе ничего не остается. Я считаю, что обезжизненность — большая угроза литературе, и об этом надо говорить. К сожалению, критика эту грозу как-то не ощущает до конца.

Если же в целом внимательно посмотреть на процессы, происходящие в советской литературе последнего десятилетия, можно заметить две характерные особенности. Первая: самые большие достижения литературы связаны не с новыми именами, а с новыми книжками уже известных авторов, которые по-новому себя проявили, обрели как бы второе дыхание. Вторая особенность: ведущим жанром во всех советских национальных литературах семидесятых годов стал роман. Собственно, вся проза. И не потому, что поэзия в какой-то мере сдала свои позиции, а благодаря новому качественному уровню, на который поднялась проза, вынеся на свою вершину роман, этот почти универсальный жанр, в котором художественно осмысливается исторический путь Советского государства и советского человека новой формации. Во всех советских литературах, и прежде всего в русской, произошел своеобразный взрыв романных форм. Вспомним романы Г. Маркова и К. Симонова, С. Залыгина и М. Алексеева, А. Иванова и П. Проскурина, В. Астафьева и Ф. Абрамова, В. Распутина и Ю. Бондарева, А. Чаковского и И. Стаднюка, романы писателей белорусских, грузинских, литовских, казахских, эстонских. Эпические, крупномасштабные формы граничат с формами исповедальными, лирическими; произведения, выдержанные в лучших традициях сурового реалистического письма, становятся рядом с философскими притчами, фольклорно-мифологическими построениями; публицистически - документальные произведения мирно сосуществуют с книжками, где главенствует неудержимое воображение, вплоть до фантастики.

Прошлое десятилетие подарило украинской прозе произведения О. Гончара, М. Стельмаха, дилогию В. Земляка, из которой вырастает великая мысль о бесконечности и бессмертии народа. Большими тиражами и в Киеве и в Москве выходили романы «Боль и гнев» А. Димарова, «Отчий дом» В. Козаченко, «Лихобор» В. Собко, «Мы не из легенды» Ю. Збанацкого...

— Павел Архипович, вы широко известный на Украине и в стране автор романов и повестей «Диво», «Смерть в Киеве», «Первомост», «Роксолана», «Разгон» и многих других. Вы пишете о наших днях, но в последнее время все чаще и чаще обращаетесь к истории. В своих книгах вы используете современный документ и страницы летописи. В обоих случаях необходимы такт, тонкий подход к факту, событию, дате, ибо читателя увлекает неразрывность времен, заставляющая его осмысливать и прошлое и будущее...

— И сегодняшний день. Скажу одно: в своих книгах мне действительно всегда хочется показать неразрывность времен. Многие страницы летописей читаются как образцы высокой поэзии, они преисполнены взволнованности очевидцев, в них пульсирует крепкая мысль, в них есть своеобразность и неповторимость, которые даже толкают порой на самый легкий путь — беллетризации этих наших древних документов. Но избираешь другой путь, трудный: полемику с летописью, путь переосмысления фактов и событий, иногда канонизированных в трудах историков и писателей. Великое культурное наследство, оставленное нам историей, не существует самодовлеюще, а входит в нашу ежедневную жизнь, влияет на наши вкусы и ощущения, формирует у нас чувство красоты и величия, мы же платим своим далеким предкам тем, что относимся к их наследству с надлежащим уважением, оберегаем и защищаем его.

В казацких летописях было слово «самоборство». Это когда казак выходил на бой с противником, на поединок, когда должен сражаться один на один, надеясь только на собственные силы, хотя сзади стояло целое войско.

Каждый раз, садясь за стол, имея перед собой чистый лист бумаги, а вокруг целый мир, писатель становится на такое самоборство. Он должен перебороть в себе неумение, усталость, сомнение, растерянность и отдать все силы, весь огонь души своему читателю, своему народу, который творит величественное сооружение будущего. А будущее смотрит на нас.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ.

Киев — Москва.

ПОРА ОСМЫСЛЕНИЯ

■

Об этой книге было уже сказано. И немало. И не только потому, что она представляет собой своеобразный труд исследователя, решившего подвести некоторый итог своей многолетней работе. Юрий Прокушев пишет о развитии русской советской поэзии, отстаивает лучшие ее традиции, открывает новые ее явления с подлинной страстностью, ярко, свежо, темпераментно, с тонким пониманием школы и специфики каждого из исследуемых авторов. Уже несколько десятилетий он работает над созданием серии портретов наших мастеров стиха. Но прежде всего его творчество связывается с именем Сергея Есенина. Не будет преувеличением сказать, что бóльшая и лучшая часть работ литературоведа посвящена Есенину. Эта часть является основной и в новой книге Ю. Прокушева «Время. Поэзия. Критика».

Историк литературы предстает в этой книге смелым и одновременно кропотливым анализатором стиха. Хотя ему глубоко чужда всеядность восприятия поэзии, он понимает — история нашей литературы будет далеко не полна, если мы не будем знать тех ее создателей, вклад которых был пусть менее масштабен, но своеобразен и емок. Так, ведя нить исследования от Пушкина к Некрасову, он подчеркивает ту роль, которую сыграли в литературе прошлого века Кольцов и Никитин — ведь без этих имен невозможно представить себе «корневую систему» Есенина, его развитие. С другой стороны, автор в статье «Рабочих песен колыбель...» определяет характер творчества таких художников октябрьской эпохи, как Ф. Шкулев, М. Герасимов, В. Кириллов, ныне здравствующий В. Казин... В этой же главе уделено место крестьянским поэтам, близким Есенину,— А. Ширяевцу, П. Орешину, чьи лучшие произведения открывают перед читателем еще одну грань поэзии первых послеоктябрьских лет...

Отрадно было видеть, что в книге, вышедшей в год 100-летия со дня рождения Александра Блока, целый ряд страниц отдан автору «Двенадцати». Причем это вовсе не «юбилейная дань», не вставка в общую панораму, но попытка еще раз осмыслить путь, по которому Блок шел от символизма к своей вершинной поэме. Причем как здесь, так и в главе о Маяковском автор чужд стремления навести «глянец»: со всей объективностью он пишет и о более слабых сторонах творчества великих художников стиха... Если, говоря о Блоке, Ю. Прокушев делает акцент на том, как поэт научился «слушать музыку революции», то, обращаясь к стихам и поэмам Маяковского, он одну из основных задач видит в утверждении социальной и художественной близости Маяковского и Есенина. В выполнении этого замысла критик далек от риторической навязчивости, от поверхностного иллюстрирования. Ему удалось убедительно и кратко показать (на примере ленинской темы в творчестве обоих поэтов), что при всех расхождениях мировосприятия и метода Маяковский и Есенин сходились в главном: они оба были певцами Революции. Это очень важный мотив в книге. Ибо, как пишет ее автор, «порой Блок, Бедный, Есенин, Маяковский противопоставляются друг другу. Бывает и так, что одного поэта «поднимают» за счет других... Все это приводило и приводит к одностороннему, обедненному представлению о поэзии эпохи Октября». Добавим — и о русской советской поэзии в целом, ибо каждый из вышеназванных художников так или иначе влиял и влияет на ее нынешнее развитие.

Юрия Прокушева, как редко кого из нынешних исследователей поэзии, отличает самая горячая приверженность к судьбам российского стиха, отличает забота о его настоящем и будущем, неотрывная от заботы донести до читателя-современника правду о его давних страницах. Как уже было сказано, в особенности эта гражданственная приверженность выразилась в многолетней исследовательской работе, посвященной творчеству Сергея Есенина. Вспомним: ведь, к сожалению, весьма долгое время имя великого национального поэта не появлялось ни в периодике, ни на обложках книг. Однако поэзия рано или поздно побеждает все преграды! Вот что говорит об этом автор.

«Наносное, случайное, субъективное, словно туман в горах, может на какое-то время закрыть от нашего взора главное в творчестве художника, исказить, трансформировать его подлинный облик. Но если этот художник был действительно истинным сыном своего народа и его действительно волновали прежде всего судьбы родины, передовые идеи века; если он постоянно чувствовал свою высочайшую гражданскую ответственность перед отечеством; если он настойчиво стремился к реалистическому изображению действительности, к правде и только правде,— то рано или поздно словесный туман всяческих «легенд» и различного рода «романов без вранья» вокруг его имени рассеивается бесследно и бесславно. И тогда, подобно горной вершине, обозначается явственно и зримо его неповторимый образ».

Думается, трудно сказать о Есенине вернее.

«Отлучение» Есенина от родной поэзии, от великой культуры нашего народа не состоялось. Но для того, чтобы его творчество и личность стали видны широким массам читателей во всей полноте, в чистоте, для этого нашему литературоведению потребовалось провести работу большую и кропотливую. Добавим, работу гражданственно смелую, подвижническую. И огромная часть этого труда была выполнена Прокушевым.

Немалый интерес в книге представляют и те ее страницы, на которых освещается всевозрастающая слава поэта, ставшая сегодня уже мировой. Казалось бы, что могут дать человеку эпохи НТР, окруженному царством автоматики, существующему в почти ежеминутном контакте с техникой, строчки о красногривом жеребенке, бегущем вслед паровозу? Или строчки о «золотой бревенчатой избе»... Оказывается, нужны, как воздух и хлеб, такие стихи именно сегодня, и чем мощнее мир техники вокруг нас, тем сильнее тяга к столь проникновенной поэзии. В нашем взрывоопасном веке, в нашем мире с его глобальными тревогами все необходимей оказывается помнить и знать:

Как прекрасна земля
И на ней человек.

Все необходимей помнить, как грозное предупреждение, и продолжение этих строк: «И сколько с войной несчастных уродов теперь и калек!». Эти мотивы в творчестве Есенина с особой, публицистической силой подчеркнуты автором книги «Время. Поэзия. Критика». Есенин увиден автором этой книги «лицом к лицу». На каждой странице чувствуется новизна и свежесть восприятия классики, видно понимание того, что пришло время самого глубокого осмысления золотых фондов нашей поэзии.

Но в не меньшей степени этим ощущением проникнуты те главы, где автор, завершая книгу, обращается к творчеству поэтов, которых он знал или знает лично. Этот раздел, метко названный «Впереди новые дали», органично связан с предыдущими, с размышлениями автора о классике. Классика... но разве не стало уже классикой творчество Ярослава Смелякова или Леонида Мартынова? Анализируя работу этих крупнейших мастеров, равно как и ныне живущих поэтов, таких, как Егор Исаев и Василий Федоров, говоря о жанровой и психологической сторонах их произведений, автор утверждает их крепчайшую корневую связь с лучшими, выдержавшими испытание временем традициями российского стиха. Вот одно из, на мой взгляд, наиболее точных обобщений, сделанных критиком: «В нашей современной поэзии ее вершины и достижения связаны со смелым, новаторским осмыслением традиций классики, реалистического опыта всей нашей многонациональной поэзии. И очень знаменательно, что, развивая традиции классики, российская поэзия 70-х годов решительно освобождается и от налета церковно-музейной архаики, и от «вторичности» и эпигонства, и от отдельных формалистических выкрутасов, и от ритмической мягкотелости и инфантильности, и от дешевой эстрадной шумихи».

Тот, кто пристально следит за работой «поэтического цеха» нашей литературы, знает: во многом эти недостатки еще сохраняются. Но очевидно и другое — процесс, о котором говорится в книге, идет по нарастающей...

Юрий Прокушев был и остался смелым открывателем нового в поэзии. Кому сегодня не известно имя мансийского поэта Ювана Шесталова,— а ведь именно автору книги, о которой я пишу, принадлежит честь открытия поэзии, рожденной представителем одной из интереснейших народностей российского Севера. В книге дается колоритный, самоцветный рассказ об авторе «Языческой поэмы». Но, пожалуй, лучшие страницы последнего раздела книги отданы размышлениям над поэмой Егора Исаева «Даль памяти». Много можно было бы говорить о тонком анализе композиции и структуры поэмы, о тонко подмеченных особенностях ее многоголосья, музыкальности. Важней другое: думая об особенностях мастерства Исаева, его стихотворной техники, Прокушев высвечивает высокую гражданственность произведения, эпический размах, силу сердец и характеров ее главных героев.

Что хочется сказать, завершая заметки об этой книге... Я уверен, что любой истинный любитель поэзии, прочитав ее, будет благодарен автору, даже если в чем-то или во многом останется с ним не согласен. Просто притчей во языцех стало сегодня у нас отсутствие горячего, пристального, требовательного и конкретного внимания к поэзии со стороны профессиональных критиков. Лишь очень немногие из них стремятся проникнуть в сложный и растущий мир современного российского стиха... Творчество Юрия Прокушева — яркий пример такого стремления, осуществленного и осуществляемого, пример истинной любви к истинной, живой поэзии. Он пишет в своей новой книге: «Истинная поэзия всегда глубоко человечна. Она покоряет наши сердца любовью к человеку, верой в лучшие порывы его души; она помогает человеку в самые трагические минуты его жизни. Поэзия ведет вечный бой за Человека!»

Но ведь и тот, кто ведет бой за истинную поэзию, тоже борется за человека. Юрий Львович Прокушев вспоминает в своей новой книге, что свою п е р в у ю рецензию он напечатал в заводской газете, работая на «Серпе и Молоте». Его книга — свидетельство того, что ее автор идет к новым творческим горизонтам, к новым высотам художественности и мастерства.

Ст. ЗОЛОТЦЕВ

Ю. П р о к у ш е в. Время. Поэзия. Критика. М., «Художественная литература», 1980.

Гордон Р. УОТКИНС

День свадьбы

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Остановившись перед зеркалом в туалете, он осмотрел волосы, галстук, воротник рубашки, платок в нагрудном кармане и складки брюк. Освежился еще раз одеколоном — настоящий джентльмен! — и взял расческу и щетку.

Несколько парней из их авиаполка все еще отирались у его койки. Им, видно, просто не терпелось отпустить парочку острот на прощание. «Наконец-то старый холостяк попался на удочку!» «Ну, не красавчик ли, а?» «Благоухает, как парижская...» «Х-ха, скорее как сержант Уинклер из канцелярии шестой эскадрильи». Он терпеливо улыбался. Ему и раньше, когда весть о его предстоящей женитьбе на Элейн разнеслась по полку, приходилось терпеть подобное от всяких циников и остряков. Старину Дэна окрутили. Что ж, он чертовски рад, что Элейн окрутила его. Ему и сейчас не страшно. Говорили, что он сбежит к черту на рога, но уж если ему и хотелось куда бежать, так это в ее объятия. Он еще раз осмотрел упакованный накануне чемодан, принадлежности туалета и портативный бар — подарок товарищей. У него было предостаточно времени, чтобы проехать 75 миль от базы до той маленькой церквушки. Но ему хотелось явиться туда загодя. Кто знает, может — после вчерашнего мальчишника — Кену, прилетевшему из Вашингтона, чтобы быть его шафером, нужно будет помочь одеться.

Вот кто доказал, что он друг. Взять и полететь куда-то уже само по себе что-то да значит, но полететь в Миссисипи!..

Он улыбался насмешкам и шуткам. Расход воды на мытье был ограничен, но его машина сияла — ребята утром постарались. Денек что надо — и он женится на девушке своей мечты. Он похлопал себя по карманам — проверить, не забыл ли чего.

Бесшумно заработал мотор. Он открыл ящик для перчаток и положил туда часть своих денег. Другая, такая же, была в чемодане, а остальные в бумажнике. За пять лет военной жизни, дешевых ресторанчиков, драк и борделей он привык прятать деньги, рассовывая их по разным местам. Теперь с этим покончено. Элейн та девушка, какую он искал, и других у него больше никогда не будет.

Когда он выезжал через западные ворота, дежурный, старый сержант, пожелал ему удачи. Подумать только — старик знает о его планах и даже заговорил об этом. Он тепло улыбнулся и отъехал.

Он прожил здесь полтора года, работая на важном объекте, но каждый раз, когда приходилось покидать свою базу и отправляться через штат Миссисипи, его мороз по коже подирал. Интересно, неужели ребята смыли грязь, которой он намеренно заляпал свой нью-йоркский номерной знак? Ну, сегодня-то ничего не случится. Он безропотно уплатит любой штраф, только бы его не задерживали. Когда-нибудь все изменится. Должно измениться. Он надеялся, что все это произойдет быстро и без лишних ненужных жертв. Ему даже выпить нельзя было с ребятами перед отъездом — он потягивал только имбирный лимонад. Но ехать ему два часа, и до самой церкви нет ни одного приличного несегрегированного туалета. Впрочем, сегодня об этом можно и не думать — зачем портить себе праздничное настроение? Он поставил ограничитель на пять миль ниже самой малой скорости, дозволенной на этом отрезке пути. Ни малейшего повода для красношеих полицейских штата, которые старались подловить проезжающих летчиков, придраться к чему-нибудь.

Что она сейчас делает? Завтракает в последний раз со своими? Или снимает бигуди? После сегодняшнего дня ему уже не придется гадать. Она станет его женой. Они поселятся в одной квартирке на базе, и, когда бы она ни проснулась, он всегда будет рядом.

Пыль поднималась с потрескавшегося от солнца полотна дороги и оседала на ветровом стекле.

Нужно еще раз проделать мысленно весь свадебный обряд. На всякий случай — вдруг он разнервничается или от счастья потеряет способность думать. Кольца и разрешение на брак у Кена. Элейн настояла на том, чтобы венчание было с кольцами. Если она должна носить его кольцо, пусть и он носит.

Пожалеет ли кто из его прежних девушек, что он женился? «Интересно, хватит ли еще у кого ума проделать весь этот путь из-за моей свадьбы?» Ему немножко хотелось, чтобы приехал кто-нибудь из его родных. Впрочем, с ними была бы только лишняя морока — они совсем не привыкли к нравам крайнего Юга. Много ли надо, чтобы его братишку вывел из себя какой-нибудь велеречивый фанатик?

С проселочной дороги на шоссе выехала машина. Номерного знака на ней не было, и он вздохнул с облегчением. Его удаче нужно было продержаться всего 50 миль.

Что бы такое сказать ей сегодня вечером? Не в первый раз они лягут вместе в постель, но он знал, что сегодня все будет по-другому. Он будет чутким и внимательным. Он снова улыбнулся, вспомнив, какой у него вид в шелковой пижаме и коротком кимоно. У него уже в кармане ключи от комнаты в новом мотеле для цветных всего в десяти милях от места, где они устраивают свадьбу. В комнате пахло свежестью и чистотой. Он знал, она понравится Элейн. Во внутреннем дворике есть ледничок, а у него в сумке — шампанское.

Ужасно мило с их стороны — такой подарок. К тому же они еще и чек ему преподнесли. Он даже не думал, что ребята так его полюбили.

Машина без номерного знака по-прежнему плелась сзади. Он прибавил газу — посмотреть, сделает ли она то же самое. Да, сделала. Тогда он сбавил скорость, чтобы она могла обогнать его. В ней всего один человек, это хорошо. «Что ж, пока он меня не трогает, я уж, конечно, его не трону». К ним пристроилась еще одна машина, и он снова сбавил скорость и махнул им, чтобы проезжали. Обгонять, однако, они не хотели. Ему стало не по себе, но что поделаешь. Не хотят, значит, обгонять. Он приближался к одному из придорожных кинотеатров, в которых кино смотрят, не выходя из автомашин, и подумал о том, что можно бы заехать, пусть те двое обгонят его. Он снова сбавил скорость и уже стал сворачивать, но служащий замахал руками, указывая на вывеску: «Въезд для цветных — 200 футов по ходу». Расстроенный, он вывернул машину и поехал дальше, все еще впереди тех двух. «Гм! Я вроде меняюсь. Не успел еще жениться, а уже готов сделать что угодно, лишь бы ни во что не ввязываться. Ну нет, это было в первый и последний раз. Элейн выйдет замуж за того же человека, который ухаживал за ней. Пошли они к чертям!» Он убавил скорость, чтобы плавнее взять крутой поворот. Одна из машин, чуть не задев его, прошла вперед. Он резко затормозил — машина перед ним внезапно остановилась, и ее занесло. Он сумел удержаться всего в нескольких дюймах от заднего бампера. Какое-то мгновение он сидел без движения, стараясь успокоиться, и слушал, как вокруг него хлопают дверцы.

В окошечке появилась злая, толстая, загорелая морда.

— Вылазь, негр.

Он взглянул на эту морду и до боли сжал челюсти, чтобы не плюнуть в нее.

От задней машины подошли трое белых. У одного была в руке короткая дубинка.

— Покажи права, мальчик, — сказал толстомордый.

«Мальчик! Мальчик! Мальчик!» И когда он только станет взрослым? Для таких, как эти, — никогда. Для них он всегда будет «мальчик», «дядюшка», а то и того хуже.

— Пошевеливайся, черномазый! — крикнул один из трех, стоявших сзади.

На них он не смотрел. Он следил за толстым.

Тот засмеялся, точно обрадовался, что подошедшие с ним заодно. Отдернув полу пиджака, он похлопал по рукоятке револьвера.

— Я наделен правами шерифа в этом округе, мальчик. Ты влип.

Дай ему, шериф, — прохрипел один из трех подошедших.— Он из этих нью-йоркских черномазых. Пытается, наверное, поднять бучу с голосованием и всякое такое.

— Из Нью-Йорка?

— Надо его проучить.

— А разоделся-то!

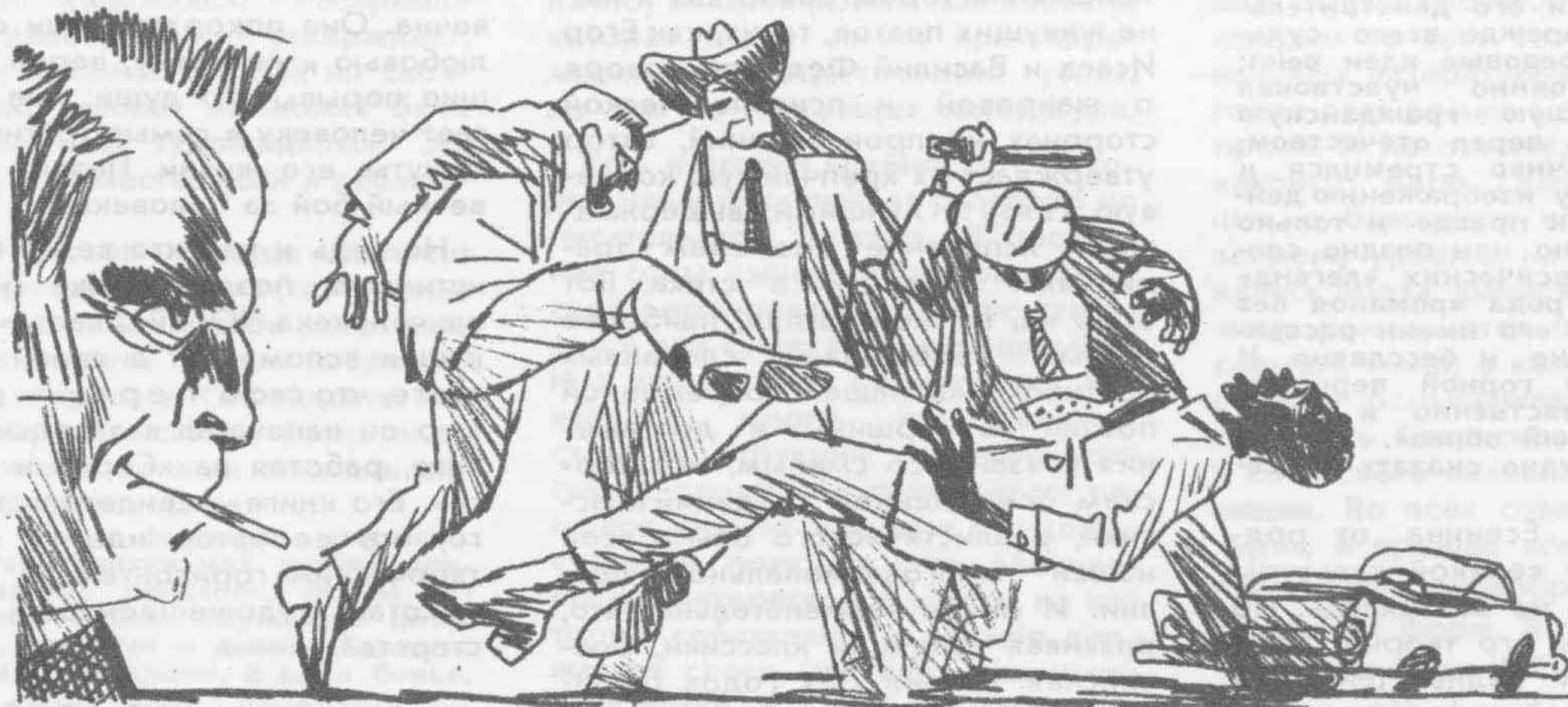
Дэн знал, что его ждет, и понимал, что выбора у него нет. Его удача вся вышла. Можно дать себя избить в надежде, что его не покалечат и не изуродуют на всю жизнь. Или драться и постараться добраться до церкви.

Он схватил руку, державшую дубинку, и хрястнул чужим локтем о крыло машины. Кто-то дал ему пинка. Он упал, перевернулся и обхватил чьи-то толстые ноги.

Потом услышал чей-то стон и почувствовал пыль на зубах. Дэн отпустил ноги, и тут кто-то дал ему скользящим прямо в висок. Удар вышел слабый. Дэн сильно двинул ногой назад. Кто-то выругался, а он ткнул кулаком в какой-то неясный предмет.

Щелкнул курок — и, повернувшись, он увидел толстую, загорелую, злую морду. Глаза ясные и страшные. «Что ж, я сделал все, что мог»,— подумал он и поднял руки.

Он увидел молнию и услышал гром. «О боже мой», — только и успело пронестись в его сознании.

С английского перевели Владимир ПОСТНИКОВ и Игорь ЗОЛОТАРЕВ.

театр

ОТВЕЧАЕМ ЗА ВСЕ

Т. ОТЮГОВА

Последние сезоны Ленинградского театра имени Ленинского комсомола отмечены интересными репертуарными поисками. Поиски эти привели к тому, что самое направление работы молодежного коллектива стало принципиально требовательным, содержательным. Здесь нет случайных названий. Нет пьес, призванных лишь развлекать зрителя. Нет того «верняка», который способен обеспечить полный сбор, но более не способен ни на что.

Зато те произведения — пьесы, инсценировки, — которые оказываются включенными в сегодняшнюю афишу ленкомовцев, серьезны не только по своим этическим и эстетическим задачам. Они отличаются и высоким уровнем литературы — уровнем самой драматургии.

К XXVI съезду партии готовиться стали здесь задолго, а не наспех, не вдруг; театр решил посвятить этому событию три спектакля и, включив их в свою съездовскую афишу, заявить тем самым еще раз о недвусмысленности, определенности своих позиций.

Спектакли эти разные. В самом деле, что может быть общего на первый взгляд между спектаклем «Вся его жизнь» (по сценарию Е. Габриловича «Коммунист») и горьковской пьесой «Последние»? А также между «Последними» и спектаклем «Огнем и кровью» по мотивам романа Ф. Гладкова «Цемент»?

Однако если мы внимательно посмотрим все эти постановки, осуществленные главным режиссером театра Геннадием Опорковым, то позиция театра — и постановщика и актеров — станет очевидна.

...Центр, смысл и основа первого спектакля — коммунист Василий Губанов. Из нашей юности, из нашего детства возвращается к нам тот самый, что так незабываемо был сыгран Евгением Урбанским в фильме Ю. Райзмана «Коммунист». Кто же возьмется за эту роль после него, кто рискнет?.. Опорков доверил роль Губанова актеру Роману Громадскому, чья популярность и чьи успехи заметно растут от сезона к сезону, от спектакля к спектаклю.

Громадский, а вместе с ним и театр, все участники спектакля развивают трактовку, созданную Урбанским, подчеркивая не романтизм строя души своего героя, но исследуя истоки того процесса, в результате которого самый простой, самый обыкновенный парень становится подлинным героем своего времени. Его дела не трактуются в спектакле как подвиги (хотя в тех условиях, тех ситуациях это зачастую бывали именно подвиги),—тут просто работа, честная служба народу, истории, стране. И вроде бы нет в этом ничего необычного, ничего выдающегося. Просто такова вся жизнь рядового бойца революции...

Губанов погибает, защищая хлеб. Защищая то, что больше всего нужно было стране в те годы и что всего труднее было защитить: честность тут равнялась героизму. И погибает коммунист Губанов не как герой, но как честный человек, однако в этом смысл и суть позиции театра и постановщика спектакля. Вся жизнь героя — это жизнь честного и порядочного человека. Возле хлеба настигнет его смертельная пуля. Возле хлеба мы вдруг увидим лицо его сына... Хлеб вечен. Вечна земля. И значит, продолжается жизнь, которой всегда нужна честность, нужен труд. Нужен подвиг.

Особое место в этом спектакле принадлежит образу Ленина. Его играет В. Яковлев, сосредоточивая на ленинской мысли все внимание.

Пьеса М. Горького «Последние» в трактовке Театра имени Ленинского комсомола — тоже об ответственности. Хотя здесь ответственность иного звучания, иного масштаба. Здесь речь не о стране и истории в глобальном значении, но о людях, о семье, которая, будучи «ячейкой общества», моделирует это общество.

Пораженное всеми возможными пороками, оно в лице пусть немногих молодых своих представителей все же отмечено надеждой. Иван Коломийцев издавна, с самого детства знает, что дети должны его чтить — отца своего... Но происходит обратное. Дети открыто — в лицо—спрашивают Коломийцева: честный ли он человек? И пошедший на страшный компромисс со своей совестью Иван возмущен детьми. Как они смеют осуждать его?! Мучается Софья, жена Коломийцева. Она-то уже всей своей жизнью последних лет выстрадала понимание того, что лишь духовное, нравственное родство способно сблизить разных людей — сблизить семью. Из формального объединения создать сообщество действительно близких людей. Иначе рвутся, обесцениваются, загнивают нити самого родства. Иначе расходятся стены красивого старого дома и в черные щели заползают меж этих стен голые ветви мертвых неплодоносящих деревьев. Зрительный образ спектакля не только красив, но многозначен. Художник Э. Кочергин раздвигает замкнутый мир дома Якова Коломийцева до метафоры всеобъемлющей.

«Последние». Фото Ю. Богатырева

Быть достойными своих детей, быть для них примером, быть проводником по трудным дорогам и лабиринтам жизни — к этому призывает новый спектакль.

Так спектакль по пьесе Горького вписался в самое, быть может, больное, самое современное, о чем хочет театр сегодня говорить со своим зрителем. Если мы это основное определим словом «ответственность», натяжки не будет...

И, наконец, спектакль «Огнем и кровью» по роману Ф. Гладкова «Цемент». Время действия — первые дни восстановления народного хозяйства страны после окончания гражданской войны.

Вернулся с фронта человек. И снова столкнулся с врагом. Только враг теперь пострашнее. Потому что это «мирный» враг. Это угроза делу строительства всей новой жизни. И снова началась борьба. И снова Глеб Чумалов побеждает. Хотя огнем и кровью далась ему эта победа...

Не сразу она пришла, но все-таки пришла! Заработал цементный завод, чьи мертвые корпуса воспринимались Глебом в начале спектакля как молчаливый укор его партийной совести. Он-то сам тогда рассчитывал на всеобщий энтузиазм, но все оказалось гораздо сложнее. И пришлось Глебу Чумалову снова ощутить в себе самом свою собственную большую и серьезную ответственность за завод. Значит, за страну. Значит, за жизнь.

Путь от наивной веры к подлинно гражданской ответственности Глеб Чумалов проходит в спектакле на наших глазах. Ему предстоит взрослеть медленно, постигать истину шаг за шагом. Поначалу он и понятия не имеет, как объяснить то, что происходит на его глазах. Поступки людей, да и они сами, вызывают в нем недоумение и вопросы. Но горячая вера в победу, в торжество правды помогает герою и устоять и выстоять. Глеб становится взрослее. Теперь он гораздо серьезнее сознает свою ответственность, понимая, что на одном энтузиазме далеко не уехать...

Спектакль заканчивается победой. Завод пущен. Значит, будет цемент для новостроек. Цену победы понимает Глеб. Эту цену знаем и мы. Театр далек от поверхностного оптимизма. Финал спектакля звучит сдержанно, потому что борьба ведь продолжается. Идет борьба и сегодня. А потому призыв к ответственности кажется уместней, чем ликование по поводу частных побед...

...Итак, три спектакля. Сделанные на разном материале, в разной манере, они неуклонно проводят главные и необходимые театру сегодня мысли и идеи.

И хотя материал всех трех постановок вроде бы отдален по времени от наших дней, сегодня не менее, чем тогда, важна мысль об ответственности — коллективной и личной.

Во всех трех спектаклях заняты ведущие актеры Театра имени Ленинского комсомола, заслуженные артисты РСФСР Эра Зиганшина и Роман Громадский. Их достижения в этих спектаклях несомненны. Они свидетельствуют о том, что ответственность не только сценическая идея, но и реальное творческое качество коллектива Театра имени Ленинского комсомола.

У Р А Г А Н

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Ровно в шесть часов утра отряд особого назначения выехал из поселка. Машины, соблюдая интервал, двигались с затемненными фарами. Впереди ехали командир автороты техник-лейтенант Елисеев и начальник основной колонны Хват. Замыкал хвост обеих колонн Вакуленчук. Из кузова его машины выглядывали стволы спаренных крупнокалиберных зенитных пулеметов. Млынский с Алиевым на «газике» двигались посреди растянувшейся вдоль шоссе колонны.

Приблизительно к восьми утра снег прекратился, ветер разогнал тяжелые серые облака и показалось солнце, преобразившее все вокруг; серебром засверкали деревья, нетронутый легкий снег вдоль шоссе казался веселым пухом: дунь — и затанцует, закружится. Внезапно откуда-то из-за деревьев выскочила и пронеслась над колонной «рама», скрывшись за лесом. Вскоре оттуда, куда она скрылась, почти прижимаясь к верхушкам деревьев, появилась девятка «мессершмиттов». Она быстро развернулась и открыла по колонне пушечно-пулеметный огонь. Две автомашины загорелись, послышались крики и стоны раненых. Третью разнесло в щепки. В то же мгновение по «мессершмиттам» ударили пулеметы Вакуленчука. Один самолет загорелся и стал падать, таща за собой хвост черного дыма. Где-то в лесу послышался взрыв. «Мессершмитты» сделали разворот на второй заход, но в это время с высоты на них устремились краснозвездные истребители. Четыре «мессера», объятые дымом, упали на заснеженное поле, остальные, беспорядочно сбрасывая бомбы, скрылись за лесом. Колонна остановилась, Зина перевязывала раненых, из машин выскочили красноармейцы, помогали Зине, собирали останки убитых. Старший лейтенант Хват с небольшой группой побежал на лыжах к догоравшим немецким самолетам. Млынский отдал приказ всей колонне двигаться без остановки к Пушкино, выделив в распоряжение Зины несколько красноармейцев и три автомашины, попросив их не мешкать.

В это время на дороге показалась группа старшего лейтенанта Хвата, впереди ее со связанными руками, прихрамывая, брели два немецких летчика. Мельком взглянув на их перекошенные от страха, покрытые гарью лица, Млынский сказал комиссару:

— Гасан Алиевич, допросите, если будут ценные данные, срочно доложите командованию. А немцев сдайте в Пушкино военному коменданту. Мы будем ждать вас на окраине Щелково.

— Вас понял, товарищ майор,— ответил Алиев и повел немцев к машине.

Зина догнала колонну поздно вечером в городе Щелково.

Ночью при свете луны и синих фар автомашин на городском кладбище похоронили погибших боевых товарищей. Окружив братскую могилу, с суровыми лицами стояли в строю красноармейцы и командиры, слушая скорбную речь майора Млынского. Когда он закончил и гробы стали медленно опускать в могилу, троекратный автоматный залп прорезал морозный воздух, эхом отозвался на окраине города.

На рассвете колонны разделились и двинулись по своим маршрутам. Основная, во главе с майором Млынским, вечером прибыла в Ногинск, а колонна с тяжелоранеными направилась в Подольск.

Отряд разместился в помещениях, откуда всего несколько дней назад ушла на фронт танковая бригада. Млынский занял под штаб отряда несколько кабинетов, а выделенный ему особняк отдал под санчасть Зине.

На другой день рано утром в отряде закипела работа: стриглись, брились, мылись в бане, получали по зимнему плану новое обмундирование. Повара готовили вкусную пищу. Вечером всех ожидал сюрприз: в клубе демонстрировали фильм «Александр Невский». Перед началом кинокартины личный состав отряда Млынского поздравил с прибытием в Ногинск секретарь горкома партии, старый коммунист Селиванов.

Млынскому фильм посмотреть не удалось. В штабе его дожидался Вакуленчук. Увидев майора, он вытянулся и, приложив руку к ушанке, четко доложил:

— Товарищ майор! Ваше задание выполнено. Все раненые бойцы и командиры отряда доставлены в город Подольск и сданы на лечение в госпиталь. В пути от города Щелково до места назначения никаких происшествий не было.

Млынский крепко пожал мичману руку, усадил за стол, подвинул пачку папирос.

— А как там Семен Бондаренко? Как его состояние?

— Было тяжелое, вчера сделали операцию, вынули осколки, заштопали. Наташа сказала, что операция прошла успешно. Температура у него вечером была высокая, но на рассвете спала, профессор обещал вернуть его в строй. Наташа просила вам передать, что еще недельку побудет при нем и вернется.

Млынский повеселел:

— Бондаренко — бывалый разведчик, отлично знает немецкий, он нам очень нужен!

— Зина у вас, Иван Петрович?

— Да, она здесь, в отряде, осматривает отведенные вами под санчасть апартаменты.

В это время открылась дверь, и приятный знакомый голос проговорил:

— Товарищ майор, разрешите войти?

— Входи, Зина, входи! Легка на помине. Мы только что с мичманом о тебе говорили.

— Интересно, что?

— А то, что ты хорошая девушка,— улыбнулся Млынский.

Зина покраснела:

— Товарищ майор, не перехваливайте, а то еще зазнаюсь.

— Зазнаешься, будем критиковать,— шутливо пригрозил Млынский и спросил: — Как вам понравился особняк?

— Хороший особняк, это действительно будет настоящая санчасть, только я должна доложить вам, товарищ майор, что на сегодня у меня нет ни одного больного.

— За этим дело не станет, можешь госпитализировать меня первого,— живо отозвался Вакуленчук.

— С каким диагнозом?

Мичман пригладил волосы и совершенно серьезно ответил:

— Вы же, Зиночка, прекрасно знаете, что я безнадежный сердечник, только вы одна можете излечить меня.

Млынский засмеялся, а Зина смутилась.

— Я не врач, сердце лечить не умею, мое дело — перевязки и хороший уход за ранеными,— ответила она, мельком взглянув на Млынского. Мичман, заметив этот взгляд, быстро встал.

— Товарищ майор! Разрешите идти? Третьи сутки без сна.

— Разрешаю! Иди, там тебе выделена комнатка, отдохни и приходи ко мне завтра в штаб к десяти, мне с тобой посоветоваться нужно.

— Слушаюсь, буду вовремя.— Мичман круто повернулся и вышел.

— Мне тоже пора,— проговорила Зина.

— Идите, Зиночка.— Млынский внимательно посмотрел ей вслед, подошел к телефону:

— Гасан Алиевич, если не занят, зайди ко мне, пожалуйста.

Минут через двадцать пришел Алиев, сияющий, радостный.

— Только что говорил по телефону с женой и сыновьями. Хоть Баку от нас далеко, слышимость была отличная,— забыв поздороваться, сообщил Алиев.

— Ну, как они там?

— Во-первых, страшно обрадовались, что я живой, во-вторых, соскучились. Ну, а живут, как все люди, жена и старший сын Ахмед работают на заводе, делают боеприпасы, младший учится в школе, помогает матери хозяйство вести.

— Эх, съездить бы тебе их проведать, да никак пока не получится, Гасан Алиевич.

— Да я и сам знаю, что у нас сейчас дел невпроворот. Завтра уже прибывает пополнение, на железнодорожную станцию стало поступать для нас вооружение, боеприпасы, снаряжение. Одному со всеми делами не управиться. А где будем размещать прибывающее пополнение?

Млынский разложил на столе план города.

— Нам выделили три здания. В двух мы разместили личный состав отряда, так что для новичков остается всего лишь одно.

— Не маловато ли? Может, попросим начальника гарнизона, чтобы выделил нам еще дополнительную площадь?

— Гасан Алиевич, в городе, кроме нас, находится воздушно-десантная дивизия. Через несколько дней прибывает танковая бригада, так что просить нам еще что-то, как видишь, неудобно, никто нас с тобой не поймет. Давай-ка поставим в третьем здании двухъярусные кровати, а если и так не поместятся, будем переоборудовать первое и второе помещения. Если не возражаешь, отдай распоряжение коменданту, пусть к утру подготовит здания к приему людей.

— Что же тут возражать, все разумно, да и другого выхода у нас с вами, Иван Петрович, все равно нет. Пойду распоряжусь.— Алиев заторопился к выходу.

— Гасан Алиевич!— окликнул его у дверей Млынский.— Завтра новое пополнение будем принимать вместе. Договорись с начальником клуба, чтоб на 14 часов за нами забронировали кинозал.

— Хорошо!— отозвался Алиев.

Проходя днем по расположению, Млынский обратил внимание на сидевших у окна трех небритых красноармейцев. Вид у них был невеселый. Когда майор подошел к ним, быстро потушили цигарки и встали.

— Что грустите, хлопцы?— спросил Млынский.— Почему не побрились? Домой хочется?

Самый высокий среди них ответил:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—25.

— Нам некуда ехать, товарищ майор. Мы все родом из Молдавии, а она, как вам известно, захвачена фашистами. Перед призывом в армию я женился. Жена писала, что у нас будет ребенок. Она жила вместе с моей матерью в селе, на берегу Днестра, недалеко от знаменитого Кицканского монастыря. Может, слыхали о нем, летом, чтоб его посмотреть, приезжают экскурсанты из многих республик.

— К сожалению, не слыхал. Если фашисты не разрушат, то после войны постараюсь.

— Когда воевали в тылу врага, товарищ майор, о доме тоже часто думали, но так сильно не скучали. А тут что-то такая тоска навалилась, как увидели мирный город, женщин, детей,— добавил другой боец.

— Не грустите, освободим вашу Молдавию,— сказал Млынский,— а всю ненависть свою вложите в борьбу с фашистами. Настанет светлый день, и вы вернетесь домой, встретитесь с любимыми и родными. Еще краше, чем до войны, зацветут ваши сады, счастливо жить будете, но для этого нам с вами нужно еще пройти немалый и нелегкий путь. К этому себя и готовьте, а сейчас побрейтесь и идите в клуб, там секретарь горкома партии сегодня читает лекцию о международном положении, а Алиев доложит обстановку на фронтах.

На второй день мичман Вакуленчук явился к майору Млынскому точно в назначенное время, был чисто выбрит, морское обмундирование вычищено и аккуратно выглажено. Майор осмотрел его с ног до головы и сказал:

— Мичман, ты сегодня вырядился, как на парад.

Вакуленчук улыбнулся:

— После долгого плавания по бурному морю наш корабль пришвартовался к пирсу, бросил якорь. Я пришел просить вас, товарищ майор, дать мне увольнительную в город. Хочу людей посмотреть, сходить на почту, сестре позвонить, она у меня в Чкалове. Может, что-либо о матери знает, а то деревня, где она жила, давно немцами занята.

— Разрешаю. Но у меня к тебе серьезный разговор, садись-ка, потолкуем.

Мичман переступил с ноги на ногу, осторожно присел на стул. Млынский, заглянув ему в глаза, сказал:

— Ты отлично воевал, пользуешься большим уважением в отряде, но я знаю, что ты бредишь морем, спишь и видишь его. Сейчас мы должны решить: или ты остаешься до конца войны с нами, или мы откомандируем тебя для дальнейшего несения службы на флот. Тем более ко мне уже по этому вопросу дважды обращался горвоенком полковник Нестеренко — флоту тоже нужны классные специалисты, ты как раз им подходишь.

Вакуленчук задумался, потом не спеша заговорил:

— Да, я прослужил на флоте семь лет, школу мичманов окончил, морское дело знаю неплохо, командиром орудия главного калибра на крейсере «Червона Украина» был, поражал цель с первого выстрела, в отличниках ходил. Вы правильно подметили. Я очень люблю море, это моя стихия, мое призвание, но за время боев в тылу врага я сроднился с отрядом, полюбил его людей, он стал для меня моей второй семьей, я без него уже не мыслю себе жизни. Если можно, товарищ майор, разрешите остаться в отряде.

— Спасибо, мичман, откровенно говоря, другого ответа я от тебя и не ожидал. А тебе известно, что теперь наш отряд переформировывается в полк особого назначения? Я хочу тебя назначить замкомандира разведроты, ведь опыта по этой части тебе не занимать.

— Вы переоцениваете меня, товарищ майор.

— Не скромничай. Если не возражаешь, то завтра подпишу приказ и представлю к званию.

Вакуленчук, несколько минут подумав, ответил:

— Благодарю за доверие, только прошу, если можно, чтоб мне присвоили морское воинское звание.

Млынский улыбнулся:

— Сколько волка ни корми, все в лес смотрит! Ладно, попробуем представить к морскому, как это там у вас называется, если не ошибаюсь, капитан-лейтенант?

Мичман кивнул головой.

— Только боюсь, что дадут просто лейтенанта, ведь мы не моряки.

Я знаю, мичман, что у тебя морская душа, но все-таки теперь тебе придется переодеться в форму матушки-пехоты. Как командир ты во всем должен показывать пример красноармейцам.

Вакуленчук помрачнел, ответил:

— Товарищ майор, я все сделаю, как положено по приказу, только разрешите сохранить в вещмешке морскую форму. Если убьют, похороните в ней.

Млынский поднялся из-за стола, взглянув ему в лицо, прошелся по кабинету, потом остановился перед мичманом и сухо сказал:

— Думать о смерти нам с тобой ни к чему. Мы должны думать о жизни. Слишком много нам предстоит работы: и фашистов изгнать, и восстанавливать разрушенное, и стро-

ить новое — фабрики, заводы, электростанции, дома, школы, институты, клубы, детские сады и, конечно, твои корабли, гражданские и военные. Так как ты, насколько мне известно, еще не женат, перед тобой стоит и еще одна задача — обзавестись семьей, вырастить сыновей, так что, видишь, дел столько, что умирать тебе некогда. Ну, а если все же случится такое несчастье, жив буду, непременно выполню твою просьбу как завещание.

— Спасибо, товарищ майор,— растроганно проговорил Вакуленчук. Направляясь к двери, спросил:— А кто теперь будет командиром разведроты?

— Ты знаешь, у нас был отличный командир, старший лейтенант Бондаренко, после его ранения командира там пока нет, но свято место пусто не бывает. Как подберем подходящего товарища, так сразу и назначим. А пока принимай завтра роту, бери все в свои руки и приводи ее в соответствие с уставом, только сразу не очень круто жми, а то твои разведчики в немецком тылу привыкли к вольностям, случается, что и об уставе забывают.

— Постараюсь,— ответил Вакуленчук и откозырял. В коридоре он неожиданно наткнулся на Зину. Она внимательно осмотрела его, строго спросила:— Куда это ты так вырядился?

— В город собрался, хочу в кино сходить.

Зина недоверчиво проговорила:

— Эту сказку ты расскажи кому-нибудь другому. Небось, уже успел завести какую-нибудь кралю?

— Пока нет, но собираюсь, сердце-то лечить надо.

— Потерпи, мичман, кончится война — подлечу.

— Ты же сама при Млынском сказала, что не врач, лечить не умеешь.

— Чудак, не боги горшки обжигают, может, я к этому времени подучусь.— И Зина внезапно скрылась за дверью Млынского.

— Зина, что это у вас сегодня такой озабоченный вид?— спросил Млынский, шагнув к ней навстречу.

— Нет, ничего, товарищ майор, просто немного устала. Я пришла к вам просить разрешения съездить в Подольск, проведать раненых.

— Молодец, это ты хорошо придумала: и они обрадуются, и мы узнаем, как там у них идет лечение. Садись, подожди меня минут десять, я тебе дам одно небольшое поручение.

Зина присела на потертый, замасленный диван, Млынский вышел в другую комнату и вернулся оттуда с плетеной корзиной, свертком и баклажкой в руках. Поставил все на диван возле Зины, сказал:

— Корзину с продуктами и баклажку с вином передашь Семену Бондаренко, пусть лечится, а этот сверток возьми себе, в дороге пригодится.

Зина покраснела, ответила:

— Ваши гостинцы для Бондаренко я возьму, его теперь нам поддержать очень кстати. Что касается меня, то я не хочу вас объедать, мне вполне хватает красноармейского пайка. Оставьте продукты себе.

— Зиночка, не обижайте меня, я же от чистого сердца, как ваш товарищ. Эти продукты мне вчера привез в подарок мой бывший ученик, а теперь председатель соседнего колхоза Колосов, вот я с вами по-братски и делюсь. Сама не съешь — отдашь Наташе.

— Ну, это другое дело, спасибо.

Не успела за Зиной закрыться дверь, как зазвонил телефон. Начальник железнодорожной станции сообщал, что эшелон с пополнением для отряда Млынского прибывает в 13.00 на запасной путь разгрузочной площадки.

Млынский вызвал к себе Алиева, старшего лейтенанта Хвата и поручил им встретить и доставить прибывших к месту дислокации отряда.

Эшелон прибыл с небольшим опозданием. Едва он остановился, из первой теплушки спрыгнул на перрон высокий, стройный, в аккуратно пригнанной шинели и туго затянутый крест-накрест ремнями капитан. Приложив руку к козырьку зеленой фуражки, он четко доложил комиссару:

— Товарищ капитан! Пограничники в количестве 600 человек прибыли в ваше распоряжение для дальнейшего несения службы. Докладывает начальник штаба 21-го пограничного отряда капитан Смирнов.

Алиев поздоровался с ним за руку и, обращаясь к старшему лейтенанту Хвату, сказал:

— Машины подавайте прямо к вагонам.

В 15 часов новое пополнение огласило расположение отряда боевой пограничной песней. Автоколонна сделала крутой разворот и остановилась. Из грузовиков выпрыгивали обмундированные по-зимнему плану возбужденные пограничники. Вечером, отдохнув с дороги, попарившись в бане, они направились в клуб. Шли стройной колонной, чеканя шаг. За колонной толпой бежали мальчишки.

— Ну-ка, товарищ Горшков, запевай нашу любимую,— обратился капитан Смирнов к молодому лейтенанту, возглавлявшему колонну. Лейтенант улыбнулся, кашлянул, как бы пробуя голос, и мягким, красивым тенором запел:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

В тот же миг песню подхватили пограничники. Песня росла и ширилась. Из окон домов выглядывали женщины, улыбались солдатам, а кое-кто подносил украдкой к глазам платочек — песня-то была такая родная, довоенная. Вспоминались свои, воевавшие где-то вдали, да и этих, молодых, веселых, подковками сапог громко высекавших искру из брусчатки, что-то ждет в недалеком будущем?..

В клубе пограничников встречали девушки-ударницы с Глуховского хлопчатобумажного комбината, дарили теплые носки и варежки, шарфы, бритвы, носовые платки.

— Простите, товарищ лейтенант, не знаю, как вас звать, но хочу вам на память вручить вышитый своими руками кисет, в него вложен мой адрес. Если загрустите на фронте, напишите письмецо, с удовольствием отвечу.— Карие глаза лейтенанта Горшкова заблестели, краска залила загорелое лицо, когда перед ним будто выросла ладная девушка с зелеными — прямо изумруд — глазами. Горшков взял несмело кисет, погладил его, посмотрел на девушку.

— Большое спасибо вам за подарок. Зовут-то вас как?

— Олеся. Да все равно ведь забудете.

— А меня — Юрий.

— Юрко, по-нашему?— Она засмеялась.

— Значит, вы украинка?

— Мама у меня русская, а отец — украинец, погиб на фронте, теперь мы с мамой вдвоем остались,— грустно ответила Олеся. Горшкову стало жалко ее, желая утешить, он положил ей на плечо руку.

Девушка по-своему поняла его, резким движением сбросила его ладонь с плеча и быстро пошла на противоположную сторону зала, к своим подругам. Горшков, обескураженный и взволнованный, опустил голову и тоже побрел к своим...

Майор Млынский подробно ознакомился с объективкой и другими документами капитана Смирнова и, вызвав его к себе, сказал:

— Николай Степанович! Вы опытный командир, окончили военную академию, знаете штабную работу. А мы при прорыве из тыла противника на Большую землю потеряли своего замечательного начальника штаба капитана Серегина. Хороший был командир, тоже, как и вы, перед самой войной окончил академию имени Фрунзе. Мы тут с комиссаром Алиевым прикинули и, если вы не возражаете, будем вас рекомендовать на должность начальника штаба полка особого назначения.

— Буду считать это за большую честь и приложу все силы, чтоб оправдать ваше доверие.

— Тогда прошу — присаживайтесь к столу, посоветуемся в отношении прибывших пограничников. Я надеюсь, что вы их знаете.

— Конечно. Прибывшие к вам товарищи — это остатки нашего отряда, который в составе Западного пограничного округа охранял границу с Польшей в районе Перемышля, народ надежный, боевой, обстрелянный. Я бы сказал — героический. Особенно с заставы лейтенанта Горшкова. Они истребили свыше 500 немецких солдат и офицеров, сожгли 10 бронемашин, подбили 5 танков и ночью прорвали кольцо окружения, соединившись с частями Красной Армии.

— Где сейчас лейтенант Горшков?

— Здесь, в Ногинске, он скоро должен явиться в штаб,— ответил капитан Смирнов.

Млынский открыл дверь, увидел своего связного Ерофеева Петра Ерофеевича — пожилого седого красноармейца.

— Ерофеич! Срочно найдите лейтенанта Горшкова, пусть явится ко мне.

— Я здесь, товарищ майор!— отозвался молодой лейтенант, быстро поднявшись со стоявшего у стенки венского стула.

— Прекрасно! Заходите, пожалуйста,— пригласил его Млынский. Горшков, почему-то краснея, вошел в кабинет, вытянулся, стукнул каблуками, представился:

— Начальник пятой заставы лейтенант Горшков!

Млынский поздоровался с ним, сказал:

— Я и комиссар Алиев уже слыхали от товарищей о вашем геройстве, проявленном в боях. Вы нам очень подходите на должность командира разведроты. Если не возражаете, будем назначать.

— Я согласен. Разведка — моя мечта, можно сказать.

— Вот и хорошо, будем считать, что мы договорились. Заместителем у вас будет бывалый моряк, душа нашего отряда, Герой Советского Союза мичман Вакуленчук. Уверен, что вы с ним сработаетесь.

Горшков в знак согласия кивнул головой.

— Гасан Алиевич, прошу вас сегодня же подготовить приказ.

— Постараюсь,— отозвался Алиев и закурил папиросу. Потом взглянул на Горшкова, перевел взгляд на Млынского, сказал:

— Иван Петрович! Ко мне уже несколько раз обращался с просьбой секретарь горкома партии товарищ Селиванов организовать встречу партийно-советского актива города с фронтовиками. Людям хочется увидеть и послушать наших героев. Просьба законная.

— Безусловно. Рад поддержать. Вот, кстати, и вы, лейтенант Горшков, расскажете, как ваша застава сражалась с фашистами в первые дни войны.

— О чем тут рассказывать — дрались, как и все другие заставы, только нам, как видите, повезло, мы остались в живых, а многие наши ребята полегли на границе.

— Не скромничайте, лейтенант, о подвигах наших бойцов и командиров рассказывать нужно почаще, на них должны учиться другие,— добавил Алиев и, обращаясь к Млынскому, спросил:— Иван Петрович, может, и вы выступите?

— При всем уважении к тебе, Гасан Алиевич, меня уволь, ты же знаешь, какой из меня рассказчик. Да и дел невпроворот. Ты лучше направь на эту встречу Хвата, Зину, Вакуленчука и других, из вновь прибывших тоже, думаю, немало героев найдется.

Лейтенант Горшков спросил:

— Товарищ комиссар, когда нужно выступать?

— Думаю, что завтра,— ответил Алиев.

— Тогда разрешите идти готовиться, а то времени в обрез.

— Иди готовься, лейтенант, только чтоб выступать не по бумажке. Лучше пусть не так гладко будет, но своими словами. Тебе же есть что рассказать. Назови фамилии пограничников. Пусть все будет конкретно.

— Товарищ майор, воевать я уже немного научился, а вот выступать не моя стихия, но раз вы с комиссаром поручаете — постараюсь выполнить и это задание,— улыбаясь, проговорил Горшков.

— Тогда мы больше вас не задерживаем,— ответил Млынский.

Когда Горшков вышел, Млынский поднялся с кресла, прошелся по кабинету, вернулся к столу и обратился к Алиеву и Смирнову:

— Я предлагаю из красноармейцев, входивших в отряд особого назначения, сформировать первый батальон нашего полка. Командиром назначить старшего лейтенанта Хвата. Второй батальон у нас фактически уже есть — из пограничников. Командиром его следует наз-

В. Кутилин. Род. 1931. У СВОЕГО ПОРОГА. 1979.

Л. Решетникова. Род. 1943. ЗА КУЛИСАМИ (БОЛЬШОЙ ТЕАТР). 1980.

начить бывшего коменданта пограничного участка капитана Боярского, он хорошо показал себя в боях на границе и при выводе пограничников комендатуры из окружения. В третий батальон включить товарищей, прибывших из отдельного мотострелкового батальона, отобранных на пересыльном пункте и направленных к нам обкомом партии,— комсомольцев-добровольцев, подкрепив их не вошедшими в первый батальон красноармейцами из отряда особого назначения и пограничниками. Командиром третьего батальона назначить старшего лейтенанта Ливанова. Комиссаров на эти батальоны попросим у Ногинского горкома партии, у товарища Селиванова.

— Согласен,— коротко сказал комиссар.

— И я тоже,— согласился Смирнов.

— Тогда вы сегодня подготовьте приказ и завтра приступайте к формированию батальонов, а я подъеду сейчас в горком к товарищу Селиванову и попрошу его подобрать и направить к нам в полк партийных работников на должности комиссаров батальонов.

— Иван Петрович, у нас не хватает командиров рот, — сказал Алиев.

— Ротными назначайте начальников застав, выдвигайте хорошо проявивших себя в боях политруков, командиров взводов. Таких товарищей у нас много.

— Тогда, пожалуй, хватит.

Когда Млынский вышел из кабинета, Алиев поднялся из-за стола, подошел к сейфу, вынул оттуда толстую коленкоровую тетрадь, в которой был списочный учет командного состава отряда и вновь прибывших товарищей с краткими биографическими и характеризующими данными, и сказал капитану Смирнову:

— Сейчас мы с вами быстро подберем ротных.

Алиев сел за стол, открыл тетрадь и стал читать список командиров.

В дверь громко постучали.

— Войдите!—крикнул Алиев.

Вошел запорошенный снегом лейтенант Горшков.

— Товарищ комиссар, пришел за советом.

Алиев встал.

— Случилось что-нибудь?

— Ничего особенного. Но совет ваш нужен. Сегодня утром из краткосрочного отпуска вернулся помкомвзвода Зарубин. В очень плохом состоянии. Просит снова предоставить ему отпуск для поездки домой.

— А что произошло у помкомвзвода Зарубина?

— Командиры говорят, что он у вас в отряде, товарищ комиссар, в тылу противника был самым веселым гармонистом и очень смелым разведчиком. А теперь будто подменили парня, сидит бледный, как стена, беспрерывно курит, пищи не принимает, на вопросы товарищей не отвечает, за целую ночь глаз не сомкнул.

— Я его хорошо знаю, смелый парень, отличный разведчик. Что же с ним стряслось?— спросил Алиев.

— Не знаю, товарищ комиссар, пытался выяснить, но мне он ничего не рассказывает, только ответил, что это его сугубо личное дело.

— Пришлите его ко мне.

— Есть прислать к вам, товарищ комиссар, помкомвзвода Зарубина.— И, козырнув, круто повернулся и вышел.

Довольно скоро в дверь постучали. Капитан Алиев открыл ее и увидел стоящего в коридоре сгорбленного помкомвзвода Зарубина.

— Заходите!

— Товарищ комиссар отряда, помкомвзвода разведроты Зарубин по вашему вызову прибыл на беседу.

Алиев пригласил его сесть и строго спросил:

— Что у тебя там случилось, почему ты настаиваешь на втором краткосрочном отпуске? Ты, вероятно, забыл, что сейчас война и штаб фронта в виде исключения разрешил предоставить некоторым нашим бойцам и командирам краткосрочные отпуска в связи с тем, что они долгое время хорошо сражались в тылу врага. Ты опытный командир, хороший разведчик, а съездил на неделю домой и раскис. Так рассказывай: что произошло?

— Со своим горем я постараюсь справиться сам. У вас, товарищ комиссар, и без меня много дел.

— Неправильно, Зарубин. Мы для тебя не только старшие командиры, но и товарищи. Вспомни: в тылу врага и холод и голод, радость побед и горечь поражений мы переносили все вместе.

— Это верно. — Зарубин опустил глаза, помолчал, как бы решившись, хлопнул рукой по колену. — Случилась у меня такая история, товарищ комиссар. В 1938 году я окончил медицинское училище и был направлен на работу в больницу в свой родной город. Там я познакомился и крепко полюбил медсестру Ольгу. Вскоре мы, несмотря на возражения моих родителей, поженились. Через год жена родила мне сына, мы назвали его Игорем, очень смышленый парнишка. Как только немцы напали на Польшу, меня призвали в армию и в составе стрелковой дивизии направили на западную границу. 22 июня в четыре часа утра наша дивизия вступила в бой с немецко-фашистскими войсками. Дрались мы отчаянно, но силы были неравны. Полк мой, вернее, остатки полка, попал в окружение. Из окружения мы выходили мелкими группами и в одиночку. Наша группа в лесу примкнула к вашему отряду. Ну что я рассказываю, вы все это знаете лучше меня.

Как я теперь узнал, остатки нашей дивизии организованно отошли на восток. Штаб дивизий через горвоенкомат официальным письмом сообщил моей жене, что я пропал без вести. Получив это извещение и испытывая материальные затруднения, моя жена не стала больше меня ждать, а уступила домогательствам белобилетника, пожилого продавца промтоварного магазина, и вышла за него замуж. Мой приезд ее ошарашил. Она бросила нового мужа, забрала сынишку и ушла к своей матери, умоляла меня простить ее, обещала впредь быть верной женой, но я не смог этого сделать, понимаете?! Не смог! Слишком глубокую обиду Ольга мне нанесла.

Теперь немного успокоился, пришел в себя и думаю: а правильно я поступил? Ведь я тоже не святой, тоже кое-какие шалости допускал, хоть до женитьбы дело и не доходило. Да и ее положение было нелегкое — надежды на мое возвращение почти никакой, а парнишку растить надо. Трудно ей было... — Зарубин помолчал. — Очень мне сынишку жаль. Теперь мальчонка — копия я.

— Да, товарищ Зарубин, тяжелый случай, даже не знаю, что посоветовать. Одно скажу— почаще пиши письма сыну, пошли ему свой аттестат, война закончится, вернешься домой, там и разберетесь, как решать ваш семейный вопрос.

Алиев затянулся папиросой и добавил:

— У нас, правда, на Кавказе измену не прощают ни жене, ни мужу. Но война — дело тяжкое, она же не знала, что ты жив.

— Возьми-ка себя в руки, товарищ Зарубин, — твердо сказал капитан Смирнов, — по документам и характеристике командования ты человек волевой, вполне подготовленный, чтоб командовать взводом.

— Это хорошая идея, — подхватил Алиев.— Такое ответственное назначение поможет тебе разобраться и в личном вопросе. Вот вернется Млынский, мы посоветуемся и решим это дело.

В это время дверь отворилась, и на пороге, как по заказу, появился Млынский. Лицо его было радостным, видно, поездка оказалась удачной.

— Здравствуйте, други! По какому случаю идет совет?

— Да вот хотим назначить Зарубина командиром взвода разведроты и представить его к званию лейтенанта. Не возражаете, Иван Петрович?

— Да нет, напротив, поддерживаю ваше мудрое решение. Зарубин — кандидатура подходящая и достоин звания лейтенанта.

Лицо Зарубина просветлело, он взглянул на Млынского добрыми грустными глазами:

— Товарищ майор, спасибо за доверие. Я приложу все силы, чтоб быть достойным командиром взвода вверенного вам полка.

— Мы с комиссаром в этом не сомневаемся, — ответил Млынский и крепко пожал ему руку. — А вы, капитан Смирнов, подготовьте приказ. Постарайтесь сделать это сегодня.

— Постараюсь, товарищ майор.

Зарубин и Смирнов вышли из кабинета.

Оставшись вдвоем, Алиев и Млынский сели просматривать привезенные Млынским из горкома партии объективки и служебные характеристики на рекомендованных на должности комиссаров батальонов товарищей.

— Майор Дмитерко — заместитель горвоенкома, перед войной окончил Военно-политическую академию имени Ленина; политрук Светлов — инструктор отдела административных органов горкома партии; капитан запаса Несин — секретарь парторганизации завода. Я с ними беседовал. Все они идут к нам с большим желанием. Если у вас, Гасан Алиевич, не будет возражений, то представляйте их к назначению на должности. Считаю, что Дмитерко следует рекомендовать комиссаром первого батальона, политрука Светлова — второго, а капитана Несина — третьего.

— Что же, по-моему, кандидатуры вполне подходящие, только боевого опыта не хватает.

— Ничего, опыт — дело наживное. Побывают в боях, обстреляются, набьют себе шишек, посмотрят, как действуют бывалые командиры, и опыт придет. А где же сейчас раздобыть еще и опытных? Согласуйте их назначение с политуправлением. Нужно, чтобы они побыстрей приступили к работе.

— Иван Петрович, для этого мне придется ехать в Москву.

— Поезжай, Гасан Алиевич. Заодно доложишь о ходе формирования полка, необходимые данные для доклада начальству возьми у капитана Смирнова. Только долго не задерживайся, а то работы по горло, сроки поджимают.

— Постараюсь вернуться через два-три дня.

— Гасан Алиевич! Есть идея: а что, если вызвать в Москву твою жену и детей, повидаться перед отъездом в тыл противника? Подумай-ка, ведь это вполне реально.

— Иван Петрович! Вы не представляете, какую замечательную идею вы мне подкинули! Большое спасибо за внимание и заботу о моей семье, я воспользуюсь вашим советом, но в этом случае мне потребуется больше времени. Вот в чем загвоздка.

— Даю тебе на все пять суток. Управишься?

— Постараюсь! — Окрыленный комиссар быстро собрал поступившие из горкома документы и буквально вылетел из кабинета.

Проводив комиссара до двери и оставшись один, Млынский тяжело опустился на стул, вынул из кармана гимнастерки фотографию и задумался. В уголках глаз блеснули слезы. С фотографии смотрело бесконечно доброе, улыбающееся лицо жены, на руках у нее сидел Володька, вихрастый, курносый, и тоже улыбался. Рядом с ними — дочурка. Невозможно, нет, невозможно было себе представить, что их уже нет в живых...

В кабинете раздался длинный телефонный звонок. Млынский спрятал в карман фотографию, снял трубку. В ней послышался знакомый голос генерал-майора Ермолаева. Генерал сообщил, что звонит из Москвы,— генерал-лейтенант Виноградов скончался от ран, он, Ермолаев, утвержден командармом. Спросил, нельзя ли позвать к телефону его дочь.

— Михаил Степанович, дорогой, сердечно поздравляю вас с новым назначением. Желаю крепкого здоровья и боевых успехов. Но дочери вашей здесь нет. Она еще в Подольске. Ухаживает за раненым Бондаренко. Может, у вас найдется время их навестить? Ведь мы скоро перебазируемся, вы знаете.

— Времени в обрез, но, может, посчастливится — выберусь.

В трубке раздался треск, и разговор оборвался. Млынский позвонил на телефонную станцию дежурной, строго спросил:

— Почему нас разъединили? Я только что разговаривал с Москвой.

— Разве вы не знаете, что телефонная подстанция, с которой связан наш коммутатор, выведена из строя, поэтому связь временно прервана? Немецкие самолеты бомбят железнодорожную станцию.

— Спасибо за разъяснение.

Млынский поднял по тревоге второй батальон во главе с его командиром капитаном Боярским, посадил на автомашины и помчался на объятый пожаром железнодорожный узел.

Продолжение следует.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. А. ЛУГОВСКОГО

ЛЕТОПИСЬ СИНЕЙ ВЕСНЫ

Лев ОЗЕРОВ

Вижу его в году 1935-м — первая встреча. Редакция журнала «Молодая гвардия». Луговской ведет отдел поэзии. Я принес переводы осетинских поэтов. Луговской принимает их. Большая радость для меня!

Он гордо высился среди десятков слагателей стихов, как линкор высится среди байдарок и шлюпок. В нем было что-то богатырское, как в Шаляпине и Маяковском. Голос его был громоподобен, он умел им передавать нежные переливы своей чувствительной души. В его внешнем и в его духовном облике, в способе жить и работать, чувствовать себя среди людей, мечтать было многое из того, что метафорически присуще нашей эпохе. Его мечтательность и действенность, страсть и мысль, быт и бытие стремились к единству. Он жил этим днем и стремился объять вечность.

...На столе поэта стоит подаренная ему маленькая греческая амфора. Он любит, высыпав на ладонь несколько песчинок, внимательно смотреть на них. Песчинки, побывавшие в руках греческого гончара. И — нынешний двадцатый век. А между ними — ветер времени. Как он любил слушать свист этого ветра!

Мне десять жизней нужно бы прожить,
Чтоб передать богатство нашей жизни,
То главное, что принесли мы в мир
На смену старому, в средину века.

Для того, чтобы за себя, за всех нас, живущих, передать богатство, ярость, яркость, радость, горечь, непреходящую ценность жизни, он работал дни и ночи, сжигая себя в деле, в творчестве, не щадя ни времени, ни сил.

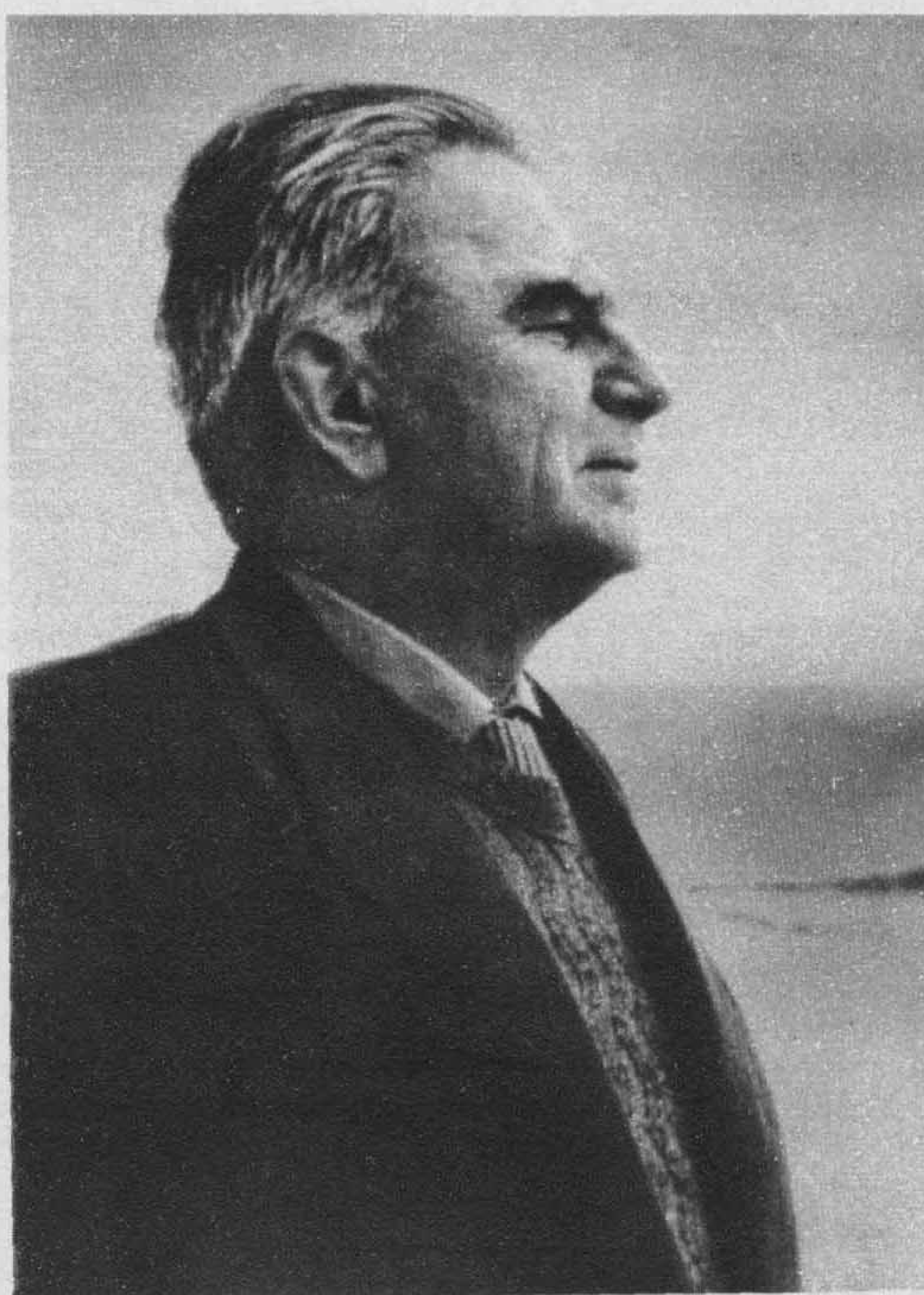
Одна жизнь, в которую поэт намеревался втиснуть «десять жизней», сложилась так.

Владимир Александрович Луговской родился в семье известного педагога и просветителя. Александр Федорович Луговской был наставником многих видных деятелей нашей культуры. Заря нашего века вставала над его сыном, воспитанным в лучших традициях русского просветительства.

В 1921 году Владимир Луговской окончил Военно-педагогический институт, до 1924 года служил в Красной Армии. Отблески зарева гражданской войны легли на первые строки его стихов. Он назвал эти зарева по-своему — «Сполохи». Это слово стало заголовком его первой книги (1926). Вылетевшие из южных степей и из блоковских книг ветры зашумели в его последующих книгах: «Мускул» (1929), «Страдания моих друзей» (1930). «Песней о ветре» прославился поэт и вошел в круг создателей и мастеров революционной поэзии. Эти строки повторяли и млад и стар:

Итак, начинается песня о ветре.
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Братом своей жизни называл Луговской этот ветер, ветер просторов, ветер романтики. Помню, как властно и неотразимо захватили эти строки, да и вся стремительная и энергичная поэма эта наше сознание. Строки эти сразу же полюбились и стали рядом со строками Маяковского и Асеева, Сельвинского и Багрицкого, Светлова и Голодного. С «Двенадцатью» аукнулось:

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
А хочется, ребята, душе вздохнуть.

Другое время, иная тема, но то же дыхание воли, распахнутость мира, окрыленность, романтичность. Все это будет сопровождать Луговского до последних его дней.

Он любил новизну жизни, любил каждодневность, которая не отсчитывается вяло по календарю, а берется с бою, в борении. Так возникла эпопея в четырех книгах — «Пустыня и весна» (1930—1954). Четверть века работы.

Жизнь бросает поэта из туркменской пустыни на корабли Черноморского флота. Он в дороге накапливает впечатления для книги «Европа» (1932), за ней следует книга «Жизнь» (1933) — попытка создания автобиографической поэмы, продолженная и развитая в поздней книге «Середина века» (1958). Эту серию поэм, вышедших после смерти автора, тоже можно назвать эпопеей по смыслу ее и по охвату событий. Рожденный на заре века, Владимир Луговской воспел его утро и полдень.

В «Середину века» ушло все накопленное Луговским в поездках, в книжных поисках, в лирике, в воспитании молодежи, в переводах, в редакторской работе, в либретто оперы «Октябрь», в кино (с С. Эйзенштейном). Пятистопный ямб трагедий оказался на редкость верным способом для передачи настроения мира и поэта в мире. Слова, сказанные об одном из героев «Середины века», можно отнести к самому автору:

...сила творчества стирала в нем
Все жалкое, наносное, чужое.
Он был владыкой всех земных вещей...

Помню одно из его последних публичных выступлений — в большом дубовом зале Центрального Дома литераторов. Он вдохновенно говорил о том, как гордится нашей поэзией, ее прошлым от «Слова о полку Игореве» до нынешних дней. Он заразительно звонко пел хвалу русской речи. Читал наизусть большой кусок по-латыни — Овидия. Говорил о культурном наследии веков.

Луговской все чаще болел. В волосах добавлялось все больше серебряных нитей. Но что-то корневое, основательное, главное оставалось в нем. Что именно? Юношеское. Неприкаянно-весеннее, с кострами революции, с ветром, с пустыней, с любовью.

9 мая 1957 года Луговской уезжал в Крым. Вещи собраны. Стол пуст. Все молчат.

Жду Луговского на залитой солнцем асфальтированной площадке перед домом. Не люблю прощаний. В душе что-то обрывается. Владимир Александрович угадал мое состояние. Без слов сказал глазами: «Все! Никаких сантиментов».

И потом внятно — словами, четко, убежденно, глядя по-доброму из-под бровей:

— Еду за синей весной... Буду работать... Обратно полечу...

Он хотел еще раз поглядеть в любимые им синие очи весны. Быстро и тем не менее не суетно, а как-то значительно, торжественно сел в машину, хлопнул дверцей, поднял руку, большую рабочую руку свою. И смотрел уже не на нас, провожающих его, а на дорогу. Будто уезжал всего на полтора-два часа по делу в город.

Он скончался в своем любимом Крыму и вернулся в Москву в цинковом гробу. Сердце его похоронено в скале в Ялте, тело — на Ново-Девичьем кладбище.

Со дня смерти Владимира Луговского прошло двадцать четыре года. Это помнят друзья и близкие. Неизмеримо больше людей — любителей поэзии — помнят и знают день рождения Владимира Луговского — 1 июля. Поэту исполняется восемьдесят лет. «Может быть, это старость, весна, запорожских степей забытье? Нет! Это — сны революции, это — бессмертье мое» («Костры»).

В этих написанных незадолго до смерти строках — завещание поэта: беречь весну, Россию, доверять жизни — во что бы то ни стало, только жизни.

Владимир ЛУГОВСКОЙ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

ТАШКЕНТ
1943

Шуршали голубые тополя.
Луна летела на осеннем небе,
Таком огромном и таком бездонном,
Что каждое движение ее
По золотому кругу мирозданья
Живым казалось, трепетным и легким.
Кружась во сне, на землю падал лист.
И далеко по улицам Ташкента
Я слышал голос: «Важные известья!»
Сигнал Москвы и мерный шум эфира.
Стояли толпы возле рупоров.
«И широка страна моя родная...»
Играла затемненная Москва.
Остановился я в толпе случайной.
Нет больше мочи, дальше не пойду.
Узбек, латыш, украинец и русский,
И белорус, и смуглый молдаванин,
Грузин, азербайджанец, армянин,
Еврей из Львова и казах пустынный—
Все ожидали, глядя на луну,
Бросая в нетерпеньи самокрутки,
Известий из Москвы, но медлил диктор.
— Полтава...— говорили.— Нет, Чернигов.
Иль, может, Витебск? Или Мелитополь?—
Десятки называя городов.
Проникнутые судорожным счастьем,
Все спорили и ссорились, как дети.

* * *

М. Ф. Л.

Как первый сон, забывшийся давно,
Как запах сна, что память сохранила,
Мне в бешеном бреду, в нерадостную ночь
Ты, девочка высокая, приснилась.
И вот услышал я безмерный звон валов,
Мне снилась синь, багровых скал отвесы,
Высокий смысл веселых, древних слов,
Тобою сказанных в руинах Херсонеса.

И тонкий жар ночей и хоры легких дней,
Пустынные холмы под ризой звезд Тавриды,
Полночный бриз, маячный свет в окне,
Небесный путь упавшего болида.

Прекрасный трепет жил в моей груди,
В твоих глазах тысячелетья жили.
Сок греческой земли, как древле, пробудил
Две медленных любви в их первозданной силе.

Был меден мой загар на каменных плечах,
Из яшмы розовой твое ваяли тело,
Гостеприимный Понт нас волнами венчал,
И южный зной учил касаньям смелым.

Но стройный полдень встал на тающем огне,
Спаленная трава точила темный запах,
И мчащуюся кровь смешал нам Херсонес,
Кружа Восток, перемещая Запад.

Так длился сон, так длился легкий сон,
Наполненный упругими ветрами,
И вновь судьба, крылатым колесом
Гремя, пришла и выросла над нами.

И вновь увидел я на вздыбленном мысу
Касающийся звезд высокий лоб, и руки,
И взор, обнявший ночь. Торжественной разлуки,
Познавши этот сон, я больше не снесу.

1924 г.

Публикация Ел. БЫКОВОЙ и М. НОГТЕВОЙ.

КОСТЯНОЙ ФАРФОР

Г. ДМИТРИЕВА

На столе директора завода стояло несколько фарфоровых чашек. Соколов брал то одну, то другую, придирчиво разглядывал, но не находил никаких изъянов. И когда в кабинет вошла секретарь парткома Зинаида Игнатьевна Метелица, он, весело улыбаясь, постучал по чашкам карандашом. Они ответили ему чистым, трепетным звоном.

— Как поют, красавицы! Вы только послушайте, Зинаида Игнатьевна!

Метелица подняла на ладони маленькую чашечку.

— «Белизной подобен нефриту, тонкостью — бумаге, блеском подобен зеркалу, звонкостью — цимбалам» — так, кажется, говорили поэты древнего Востока? Александр Сергеевич, нам же никто не поверит, что из груды никому не нужных костей можно создать такую прелесть!

— Могли не поверить. Но вот заключение технологов: «Двухлетние исследования производства костяного фарфора на Ленинградском фарфоровом заводе имени М. В. Ломоносова позволяют рекомендовать для широкого производственного опробования массу следующего состава...»

— Неужели прошло два года?..

Да, два года назад она, совсем молодой секретарь парткома, так же сидела в кабинете директора, и Соколов, вернувшийся из командировки в Англию, показывал специалистам чашку из английского костяного фарфора:

— Я уверен, что подобное можно создать у нас...

Увлекшись, он начал развивать свою идею. Человек смелой инженерной мысли, опытный керамист, он говорил о будущем фарфоре, который должен превзойти по всем качествам обыкновенный фарфор, выпускаемый заводом, и тут же на листке бумаги делал наброски нового цеха.

— Александр Сергеевич, вы видели очереди в магазинах за обыкновенными чашками и тарелками? — запальчиво спросил заместитель главного инженера Оксененко.— Надо думать, как бы увеличить выпуск этой посуды, а вы вон куда махнули, новый фарфор создать!

— Я сошлюсь на мнение академика Будникова, — поддержал Оксененко заместитель главного технолога Ахьян, — он писал в свое время о крайне ограниченном распространении костяного фарфора в силу его низких технических свойств и сложной технологии производства.

Метелица с недоумением смотрела на Соколова: почему он молчит?

— В стране строятся новые заводы,— не выдержала она.— Но запасы качественного минерального сырья, как вы знаете, ограниченны...

На заводе ее помнили румяной, круглолицей, бойкой девчонкой, которая приехала из псковской деревни. Окончила художественно-ремесленное училище и стала работать литейщицей в цехе. Комсомольцы избрали ее своим секретарем. Потом райком комсомола, горком... А в памяти у многих так и осталась Зиной, заводским комсомольским вожаком.

— Я разделяю точку зрения Соколова и как инженер-керамик и как секретарь парткома,— продолжала Зинаида Игнатьевна.

— Считаю вопрос решенным,— подвел итог директор, — завтра выйдет приказ о создании экспериментального участка и организации творческой группы.

Соколов был резок и по-своему прав. И секретарь парткома понимала, что по приказу директора будут работать все, но не у всех может быть искренняя заинтересованность, а следовательно, желаемая удача.

Группу технологов возглавила начальник лаборатории Тереза Исааковна Тараева. В нее вошли опытные специалисты.

Едва приступили к опытам, сразу возникла проблема с обжигом кости. На завод привозили самые лучшие, самые отборные, какие только могут быть кости, костную муку, но они не годились. Неожиданно в отходах от пуговичного производства нашлось то, что нужно, — дырчатые кости.

Так был найден основной источник сырья.

А потом были сотни опытов, сотни опробованных рецептур массы. Казалось, что ответ близок. Стоит сделать еще шаг, еще полшага — и... Но изделия выходили кособокими, пятнистыми, с большими натеками глазури.

В райком партии на директора завода и секретаря парткома стали поступать анонимные письма. Метелица, как и все убежденные люди, привыкшая отстаивать свою точку зрения в открытом споре, приходила в негодование.

— Ты, Зинаида Игнатьевна, не горячись, — успокаивал ее член парткома, рабочий Иван Константинович Абрамов, житейски мудрый человек, к советам которого она всегда прислушивалась. — Дело-то новое, сложное. А в новом деле всегда свой сучок найдется. Аноним, он и есть аноним, его по желчи узнать можно. А на людей ты косо не смотри: потеряешь к ним доверие, и тебе доверять перестанут.

...И вот они — первые изделия из костяного фарфора. Метелица не могла налюбоваться. На следующий день своей радостью поделилась с секретарем райкома партии Н. Г. Елисеевой.

— Прямо-таки королевский фарфор! — всплеснула руками Наталья Григорьевна, увидев тонкую, почти прозрачную, сахарной белизны чашку. — Когда думаете начинать выпуск? Нужна будет помощь — обращайтесь.

Возвращаясь из райкома партии, Зинаида Игнатьевна думала: двести с лишним лет назад русский ученый Дмитрий Иванович Виноградов раскрыл секрет изготовления фарфора. Открытие, ставшее триумфом для Виноградова-ученого, обернулось трагедией для Виноградова-человека. Его приковали цепью к стене комнаты. Тайна, которой он обладал, должна была оставаться тайной для других — так повелела императрица Елизавета Петровна. И никто, кроме нее, не имел права пользоваться плодами этого открытия. Почти через сто лет русский фарфор достиг своего совершенства в фарфоровом букете Петра Ульяновича Иванова. Сам мастер никому не захотел доверить технику исполнения фарфоровых цветов. Он умер, и вместе с ним умерло его мастерство. Только в музее можно увидеть его букет.

А сегодня красота, созданная инженерной и технологической мыслью, воплощенная в жизнь умелыми руками рабочих, доведенная до совершенства талантом художников, скоро придет в дома тысяч людей...

* * *

Минуло несколько лет...

«Директор крупнейшего фарфорового завода Советского Союза Зинаида Игнатьевна Метелица сейчас находится на заводе Вэджвуда в Сток-он-Тренте,— сообщало лондонское радио 30 мая 1978 года.— Ей бы хотелось осуществить свое давнее желание — познакомиться с работой нескольких всемирно известных фарфоровых и керамических заводов Англии...»

В Англии еще в двадцатых годах прошлого столетия на заводе Вэджвуда начали выпускать первые изделия из костяного фарфора. Но англичане держали технологию изготовления в строгом секрете. И когда еще Соколов, будучи директором, приезжал сюда, ему практически ничего не показали...

— Десять лет костяной фарфор делают в Ленинграде. Его с удовольствием покупают в США, Японии, Швеции, даже в самой Англии. С помощью советских специалистов цех по производству изделий из костяного фарфора строят болгарские коллеги. Как вы думаете, может быть, поэтому, — рассуждала Метелица, — мне предоставили возможность познакомиться с заводом?

— Отчасти, — засмеялся А. Е. Ерохин, председатель Всесоюзного торгового объединения «Новоэкспорт», с которым они встретились в Лондоне.— Англичане, Зинаида Игнатьевна, не так плохо воспитаны, чтобы отказать женщине в ее ма-аленькой просьбе.

Метелица приехала по приглашению торговой фирмы «Хародс», которая устраивала выставку-продажу фарфоровых изделий ведущих европейских заводов. Впервые здесь должен был представить свой фарфор и ленинградский завод. Большая яркая реклама приглашала непременно посетить магазин, услугами которого пользуется королевская семья, и приобрести лучший фарфор мира.

Ее водили от витрины к витрине: севрский фарфор сменялся копенгагенским, затем следовал майсенский, китайский, японский, вэджвудский...

— Не страшно выставляться рядом? — спрашивал Ерохин.

— Думаю, Алексей Евдокимович, наши уникальные изделия смогут конкурировать на этом блистательном параде. Ленинградская школа фарфора всегда славилась. Вспомните Париж, Нью-Йорк, Брюссель — золотые медали на всемирных выставках.

На прощальном ужине, где были руководители английских фарфоровых заводов, к Метелице обратился директор магазина русских товаров в Лондоне мистер Смит:

— Уважаемая миссис Метелица! Я имел честь познакомиться с вами еще в Ленинграде и уже тогда был приятно удивлен, встретив в лице директора процветающего завода такую очаровательную женщину. У нас нет женщин — руководителей крупных фирм. С вашего разрешения мы бы хотели задать несколько неделовых вопросов...

Миссис Метелица! По своему опыту мы знаем, как много времени отнимает работа и как мало остается для семьи. Вы, должно быть, незамужем?

— Разве я похожа на незамужнюю женщину? — Она кокетливо

поправила прядь волос.— У меня есть сын, который оканчивает институт.

— В таком случае у вас, вероятно, дома много прислуги?

— Что вы, только одна.— И, помолчав, добавила:—Его зовут миссис Метелица, Зинаида Игнатьевна.

— О! О! — разом воскликнули несколько голосов.

— А кто ваши родители, если они смогли вам дать такое образование?

— Крестьяне, а образование дала мне Советская власть.

— Кстати, — сказал Ерохин, — перед вами не только директор, но и представитель Советской власти — депутат городского Совета.

— Чем вы увлекаетесь, ваше хобби?

— С удовольствием копаюсь в своем саду, люблю выращивать цветы. Ничто не дает такого отдыха и наслаждения, как общение с природой. А еще люблю быструю езду в автомобиле, чтобы, как у нас говорят, дух захватывало...

И только в самолете, откинувшись в кресле и закрыв глаза, она позволила себе расслабиться и поняла, как безумно устала.

Да, нелегко приходится... Когда работала начальником фарфорового производства, главным инженером, рядом был Соколов, сейчас Александр Сергеевич на пенсии. Ведь и в министерстве, назначая на эту должность, выразили сомнение: «Не женское дело. Не было никогда женщин-директоров в отрасли...»

Какого напряжения стоили ей все последние годы! Правда, и добились немалого. Зинаида Игнатьевна улыбнулась.

— Многие годы знамя у себя держим. В два раза выпуск продукции увеличили. Каждый год треть ассортимента обновляем. Почти триста наименований изделий Знаком качества отмечены. В три раза возросли экспортные поставки. А какой новый корпус построили! Музей теперь два огромных зала занимает.

...Первое, что узнала по возвращении: остановлен цех костяного фарфора, вышла из строя печь обжига.

Собрала главных специалистов.

— Сроки ремонта очень жесткие. Организуйте работу в две смены. Пока идет разборка печи, механики должны начать монтаж площадки для установки дополнительных трансформаторов, строители — ремонт помещения. О ходе работы прошу докладывать мне ежедневно...

Потом было совещание в райкоме партии по итогам месяца. В конце рабочего дня в кабинет ворвался сияющий сын:

— Мама, я женюсь!

* * *

За создание и внедрение технологии и организацию первого в стране промышленного производства тонкостенных изделий из костяного фарфора группе работников Ленинградского фарфорового завода имени М. В. Ломоносова присуждена Государственная премия СССР. В числе лауреатов — директор завода З. И. Метелица.

Ленинградский фарфоровый завод имени М. В. Ломоносова удостоен Международной премии «Золотой Меркурий».

В. ВИКТОРОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Победа красноречивее поражения, и успех, как правило, заставляет ретироваться неудачу. Но вот поистине триумфальным успехом закончился в финском городе Тампере чемпионат Европы по боксу (см. репортаж в № 20 «Огонька»), однако эта победа почему-то не может заглушить чувства незавершенности.

Десять дней провели мы в Ледовом дворце Тампере, полторы сотни боев промелькнули перед нами, а теперь наступило время не только вспоминать недавнее прошлое, но и думать о будущем: ведь осенью в Канаде разыгрывается Кубок мира, в 1982 году проводится чемпионат мира, а затем не за горами и XXIII Олимпиада... Олимпиада! Вот что примешивает горечь к сладости победы. Ведь в Москве Олимпийский турнир боксеров закончился тем, что из семи наших спортсменов, вышедших в финал, золотую медаль завоевал лишь один. И хоть после этого на чемпионате Европы в Тампере из 9 советских боксеров-финалистов 8 добились своей цели, но мы не можем не учитывать того, что эти награды не оспаривали боксеры Кубы, так блестяще выступившие на Олимпийских играх в Москве и завоевавшие 5 золотых медалей.

Кубинцы незримо присутствовали на боевом настиле в Тампере, и мы не раз соизмеряли с их стилем, с их действиями манеру боя наших боксеров.

Ничто, пожалуй, так полно не раскрыло в Тампере лицо современного бокса, как одна техническая новинка, примененная в работе судейской коллегии. Судейство на чемпионате Европы на первый взгляд ничем не отличалось от установленного с незапамятных времен: рефери на ринге, пять судей по краям ринга и главная судейская коллегия за столом. И только не многие знали, что угловые судьи ведут теперь подсчет очков не на глазок, как обычно, а с помощью электронно-счетной машины, что компьютер подсчитывает число ударов и подводит окончательные итоги боя.

Почему же решено было ввести электронику в боксерское судейство? Да потому, что темп современного боя настолько возрос, число ударов, которые боксеры успевают нанести друг другу за 9 минут, настолько увеличилось, что человеческий глаз, даже самый тренированный, уже не может регистрировать их безошибочно. Не случайно в последнее время бокс все чаще сравнивают по темпу схватки с хоккейным поединком. Конечно, дело тут не в чисто внешних совпадениях. Хоккеисты утверждают, что их любимая игра похожа на бокс по жесткости действий спортсменов, а любители благородного искусства защиты и нападения считают, что бокс напоминает хоккей не только по насыщенности событий в каждую секунду матча, но и по количеству травм. Но если отбросить в сторону все эти скорее шутливые, чем серьезные аналогии, то сходство можно прежде всего увидеть в том, что в современном спорте для того, чтобы завоевать сердца болельщиков, необходимы неиссякаемая экспрессия, непоколебимая храбрость, способность вести борьбу в головокружительном темпе. И этими-то качествами как раз отличаются и хоккеисты и боксеры. И, конечно же, для того, чтобы вести поединок на таких скоростях, не теряя контроля над своими действиями и маневрами соперника, для того, чтобы сохранять силы на всем протяжении матча, а то и

Серик Конакбаев — чемпион Европы во втором полусреднем весе (слева). Фото А. Бочинина

К ПОБЕДЕ

ряда матчей, следующих один за другим, необходимы огромная предварительная тренировка, непрерывное повышение и технического и тактического мастерства.

Современный бокс так же отличается от бокса первых европейских чемпионатов (впервые чемпионат Европы был проведен в 1925 году), как современный хоккей отличается от хоккея тех же двадцатых годов. Да, тот бокс, который мы наблюдали и на Олимпийских играх в Москве и на чемпионате Европы в Тампере, очень мало похож на игру, ограниченную правилами английского маркиза Куинсберри, обнародованными в 1861 году. С тех пор неизменными в боксерском поединке остались лишь размер ринга, продолжительность раундов и определение нокаута. Англичане давно уже перестали быть законодателями боксерского искусства. И в Тампере мы не увидели полной английской команды, а те несколько спортсменов, которые решили испытать там свои силы, не дошли и до полуфиналов. Впрочем, отстали от требований современного бокса не только англичане, но и французы, испанцы, спортсмены ФРГ, итальянцы. Теперь в Европе тон задают боксеры социалистических стран, а на мировой арене после Олимпийских игр 1972 года выдвинулись на первый план боксеры Кубы, которые завоевали три золотые медали, и столько же золотых медалей они увезли и из Монреаля, где советским боксерам не удалось добыть ни одной. А на Олимпиаде в Москве боксеры Кубы заняли, как уже говорилось, пять первых мест. Таким образом, боксеры СССР уступили им на мировой арене лидерство. Уже не первый год специалисты ищут ответа, в чем же секрет успеха боксеров с острова Свободы. Ведь кубинцы были нашими старательными учениками, и не кто другой, как советский тренер Андрей Червоненко, работая на Кубе, подготовил одного из самых выдающихся тяжеловесов мира, Теофило Стивенсона. Думается, что успех кубинцев объясняется тем, что они своевременно поняли тенденцию развития современного бокса, основанного на скорости и мощности ударов.

Конечно же, наши тренеры и ученые, так же как и кубинцы, а может быть, и раньше, чем они, разобрались в этих тенденциях. Не случайно именно им принадлежит эпитет «тотальный». Тотальный бокс. В это понятие был заложен высокий темп на всем протяжении матча, преобладание атакующих действий перед защитой. Но одно дело понять, а другое — внести поправки в практику.

Англичане в свое время определили бокс как благородное искусство защиты и нападения, но кубинские тренеры внесли в эту формулу новое содержание, переставив местами ее слагаемые. Бокс стал искусством нападения и защиты. Словом, за последние годы возник тип боксера-универсала, умеющего действовать на высоких скоростях и в атаке и в обороне. Кубинцы на практике сумели доказать, что это возможно.

В 1974 году кубинцы стали организаторами первого чемпионата мира и отлично выступили, доказав, что их успехи в Мюнхене не случайны, а после Московской Олимпиады уже никто не сомневался в том, что они являются законодателями современного тотального бокса.

После Олимпийских игр в Москве сборную команду страны возглавил Артем Александрович Лавров, тренер из Краснодара, воспитатель единственного советского боксера, которому удалось завоевать на Олимпийских играх в Москве золотую медаль, — Шамиля Сабирова. Лавров и готовил советскую сборную к выступлению на чемпионате Европы в Тампере.

В беседе с нами Артем Александрович не скрывал того, что европейский чемпионат лишь открывает новый олимпийский цикл, что предстоит решить много серьезных вопросов, чтобы наверстать упущенное. Лавров видит свою задачу в том, чтобы подготовить команду к выступлениям на Кубке мира, на чемпионате мира 1982 года и, наконец, на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. Агрессивный, многоударный бокс — вот к чему ведет сборную команду страны Лавров. И для того, чтобы осуществить такую задачу, необходимо добиться многого, и прежде всего большой выносливости, умения держать форму, выступать против самых агрессивных противников, навязывая им свою тактику, умения после двух проведенных раундов взвинчивать темп в последние минуты третьего, решающего.

Сборная команда страны после успешного выступления на европейском чемпионате провела оздоровительный отдых, и теперь ее члены готовятся к выступлению на чемпионате СССР, который состоится в августе в Ташкенте.

— Мы обладаем большим числом способных, сильных боксеров, — сказал нам Артем Александрович Лавров, — и ни одному из них, ни ветерану, ни новичку, не будет заказано место в сборной команде страны, лишь бы было доказано, что боксер имеет право на это место.

Такова позиция нового тренера.

Мы внимательно следили за успехами и неудачами нашего бокса и на Олимпийских играх в Москве и на европейском первенстве в Тампере. «Огонек» и дальше будет рассказывать о творческих поисках боксеров и их воспитателей. А на чемпионате СССР в Ташкенте редакция учредит приз самому универсальному боксеру страны.

УЗНАВАНИЕ АКТЕРА

Хорошо, что самое первое знакомство зрителей столицы с талантливой — приехавшей в Москву на гастроли впервые — труппой Кемеровского государственного театра драмы имени Луначарского началось Шолоховым... Кипящий страстями «Тихий Дон» в спектакле кемеровчан закономерно прочерчен от начала до конца судьбой Григория Мелехова. Прочерчен тем яростным поиском правды, поиском истины, которую герой, сыгранный А. Дахненко, ищет гораздо более беспощадно к себе, чем ко всем другим, окружающим его людям... Думаю, не забудется самая первая наша встреча с Мелеховым — Дахненко, когда он, припав грудью к узкому дощатому выступу сцены, приблизившему к нам героя почти вплотную, позволяет разглядеть его блестящие страдальческие глаза, страдальческую складку бровей и рта; да все на этом лице страдальческое. Будто черным огнем оно изнутри опалено. Так непритворна душевная боль Григория...

«Тихий Дон»...

Фото В. Пчелкина

И, конечно, уже по меркам «Тихого Дона» — по этому серьезнейшему эталону актерских возможностей — мы теперь будем мерить дальше каждую роль.

Для А. Дахненко следующей, на мой взгляд, большой удачей оказалась заглавная роль в пьесе «Банк Бан» венгерского писателя И. Катона, поставленной на сцене кемеровчан их венгерскими друзьями, специально с этой целью встречавшимися с театром из Кузбасса.

Пьеса о далеком прошлом (несколько напоминающая чем-то шиллеровские произведения с их открытыми и бурными переживаниями, с такими конфликтами, которые не допускают, а значит, и не знают мирного исхода) отвечает, думается, и темпераменту коллектива и творческим устремлениям руководителей театра (главный режиссер Б. Соловьев). Во всяком случае, многие актеры очень выигрышно и броско, а главное — правдиво показали себя в этом спектакле. Великолепна здесь царственная, надменная королева Гертруда, сыгранная В. Литвиновой; и хороша ее соперница, юная Мелинда — Л. Цуканова. В облике короля Эндре мы сразу узнаем Б. Мостового, который выступил очень убедительно и сердечно в роли Подтелкова в «Тихом Доне».

Поразил меня в венгерском спектакле седовласый старец, преисполненный смирения и кротости, Микхал Бан — М. Варшавер. И он же сыграл в «Анне Карениной» умного, сложнейшего Каренина, в спектакле трудном не только для сравнительно молодого кемеровского театра (он открылся в 1934 году). И в этом спектакле были открытия настоящие. Впрочем, были и просто честно исполненные роли.

Зато почти из сплошных актерских находок состоял спектакль «Дарю небо и землю» И. Друцэ, где вроде бы и блеснуть-то особенно было нечем. Но все тут неожиданно засверкало, наполнилось юмором и живой сердечностью, искренностью совсем простых, кажется, человеческих переживаний. Все оказалось неподдельным, «всамделишным»: и поздняя, горькая и желанная сразу любовь Василуцы (В. Литвинова), и безудержная, хмельная, неистовая страсть Павэлаке (В. Мирошниченко), и сумасшедшая Софийкина ревность (Н. Верещагина), и нескрываемая зависть молодящихся — увы, бесполезно — соседок, которые, исходя ядом благочестивого осуждения Василуцы, сами-то явно не прочь были бы оказаться на ее месте.

Но разве Василуца получила от Павэлаке одну только радость в этой поздней своей любви? Разве не нашла тут актриса многих других, прекрасных и сильных душевных качеств для своей героини, показав ее самоотвержение и благородство, ее внутреннюю красоту...

А вот в толстовском спектакле светская сторона характеров Анны Карениной, Вронского, Левина, Китти, думается, не получила именно такого непринужденного, раскованного воплощения. Тут театру в целом было, конечно, труднее жить на сцене. Это неудивительно. ...Но ведь и инсценировка не всегда точно вбирает в себя разнообразные акценты великого оригинала, не говоря уж о вольном обращении с ситуациями... Тем не менее и здесь были удачи. О Каренине М. Варшавера, умеющем быть не только «злой машиной», я уже говорила. А кроме того, здесь есть Стива и Долли Облонские — О. Кухарев и В. Мишина; есть Бетси Л. Копыловой, которая, кстати сказать, показала еще и Аксинью в «Тихом Доне». Правда, она словно тушуется несколько, будучи рядом с неистовым и великолепным Григорием — Дахненко... Вронский же оказался для Дахненко не то что не под силу: просто этот герой — не его герой.

Театр кемеровчан, как уже сказано, молодой театр. Это означает для него широкую возможность и дальнейших поисков и дальнейших экспериментов, пусть самых смелых. Будучи обращены к целям большим и серьезным, эти поиски обещают и новые актерские свершения.

Н. ПАВЛОВА

Каренин — М. Варшавер.

Рис. А. Орехова.

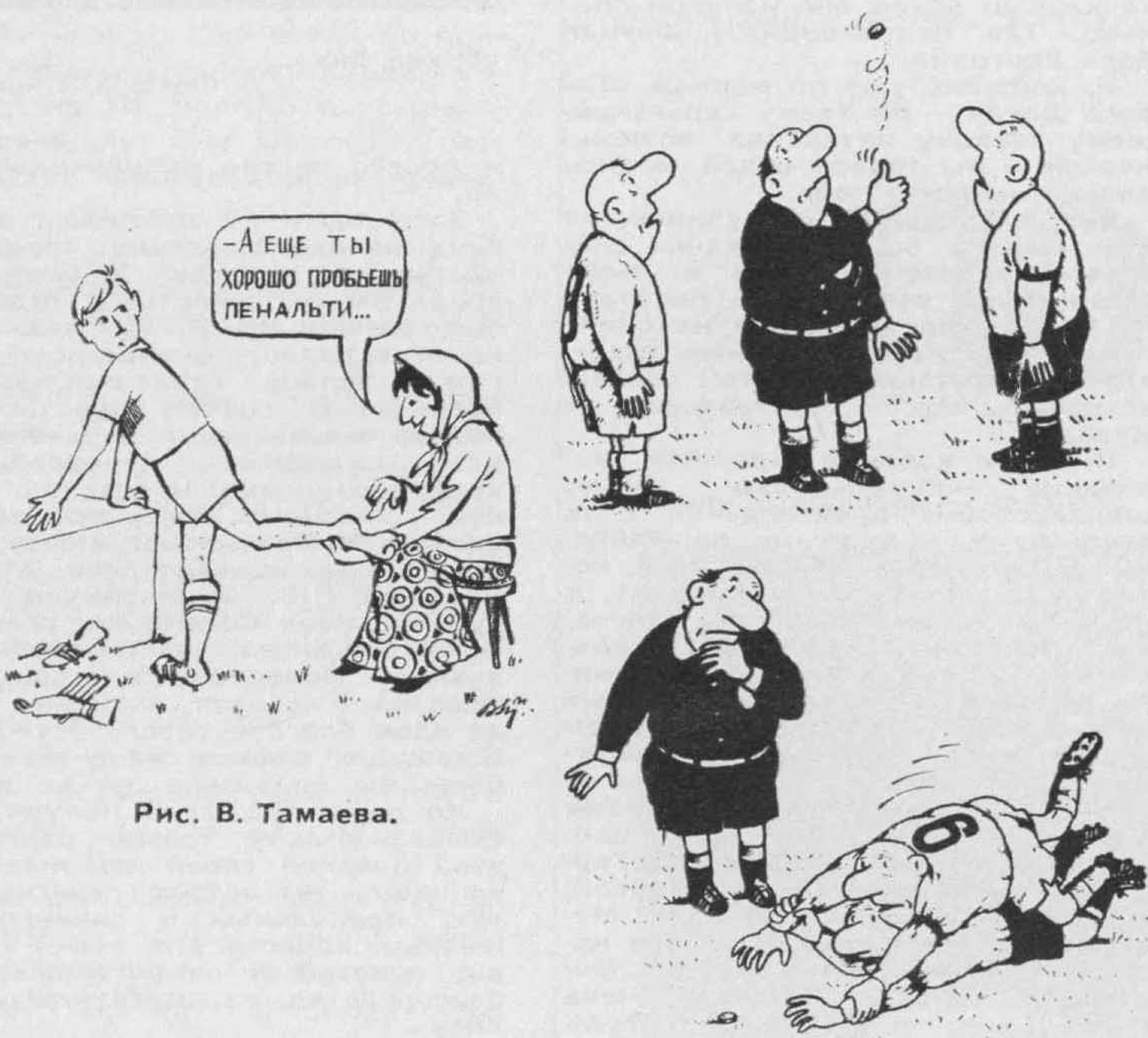

Рис. В. Тамаева.

Рис. Ю. Кособукина.

Рис. А. Помазкова.

САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД

Во время фестиваля улицы Габрова превращаются в арену веселых представлений.

С. ВЛАСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Удивительная судьба у Габрова! За какие-то десять лет этот ничем особенно не примечательный болгарский город прославился как самый веселый город на свете. Сюда раз в два года на очередной свой праздник приезжают юмористы и сатирики со всего мира.

В этом году международный фестиваль юмора в Габрове был по счету тринадцатым.

Габровцы уверяют: в их городе живет самый веселый народ в мире, который умеет смеяться в первую очередь над собой. Говорят, что габровцы на ночь останавливают часы, чтобы не изнашивался механизм; что они танцуют хоро в шерстяных носках, чтобы слышать музыку из соседнего города; что, решив жениться, они выбирают в жены худенькую, чтобы меньше места в доме занимала и меньше ткани на платье уходило.

Но кто все это говорит? Да сами же габровцы! Они сочинили о себе несметное количество анекдотов, где вся соль в доведенной до предела габровской расчетливости, ставшей уже легендой.

Например, вот такой анекдот.

— Пенчеву прописали строжайшую диету,— говорит жена мужу.

— Вот хорошо, я давно обещал пригласить его на ужин.

Или еще один.

Как-то два габровца пошли на бесплатную лекцию. К концу ее вдруг начался сбор средств на благотворительные цели. Тут один габровец вдруг потерял сознание, а другой вынес его из зала.

И все же, несмотря на свою «скупость», именно габровцы нашли средства на постройку Дома юмора и сатиры, подобного которому нет нигде в мире. Здесь во время международных фестивалей устраивают веселые выставки живописи, скульптуры, карикатуры и фотографии. Здесь юмористы со всех концов света собираются, чтобы обсудить свои нелегкие проблемы. Здесь проходит бал-маскарад, одно из самых ярких мероприятий фестиваля. Отсюда же начинается карнавальное шествие по городу, и тогда его улицы превращаются в сплошную сцену, на которой весь вечер и всю ночь веселится народ, разодетый в самые немыслимые костюмы. И шуткам, розыгрышам, веселым песням, эстрадным трюкам, аттракционам, баловству, играм, смеху, кажется, не будет конца.

В течение всего праздника во всем Габрове вряд ли вы найдете хоть одного человека, который бы не ответил на вашу шутку улыбкой или еще более озорной шуткой. Габровцы утверждают, что такой нрав сохраняется у них и после фестиваля, ибо смех — прекрасный воспитатель, он делает людей добрее и доброжелательнее, раскрепощает ум и сердце...

Но вот праздник окончен, разъехались гости, снято праздничное убранство, разобраны деревянные эстрады на площадях, подметены улицы... Фестиваль завершен, а работа в Доме юмора продолжается. Ведь он является не только центром по организации праздников смеха, но и настоящим институтом, где трудятся философы, искусствоведы, художники.

— Институт поставил перед собой благородную цель,— рассказывал мне директор Дома юмора, бывший юрист, Стефан Фортунов, вдохновитель всех веселых начинаний в Габрове,— искать, хранить, изучать, популяризировать лучшие образцы юмора и сатиры, созданные во всем мире во всех жанрах искусства — в литературе, в живописи, в фольклоре, в театре, кино, в фотографии, музыке.

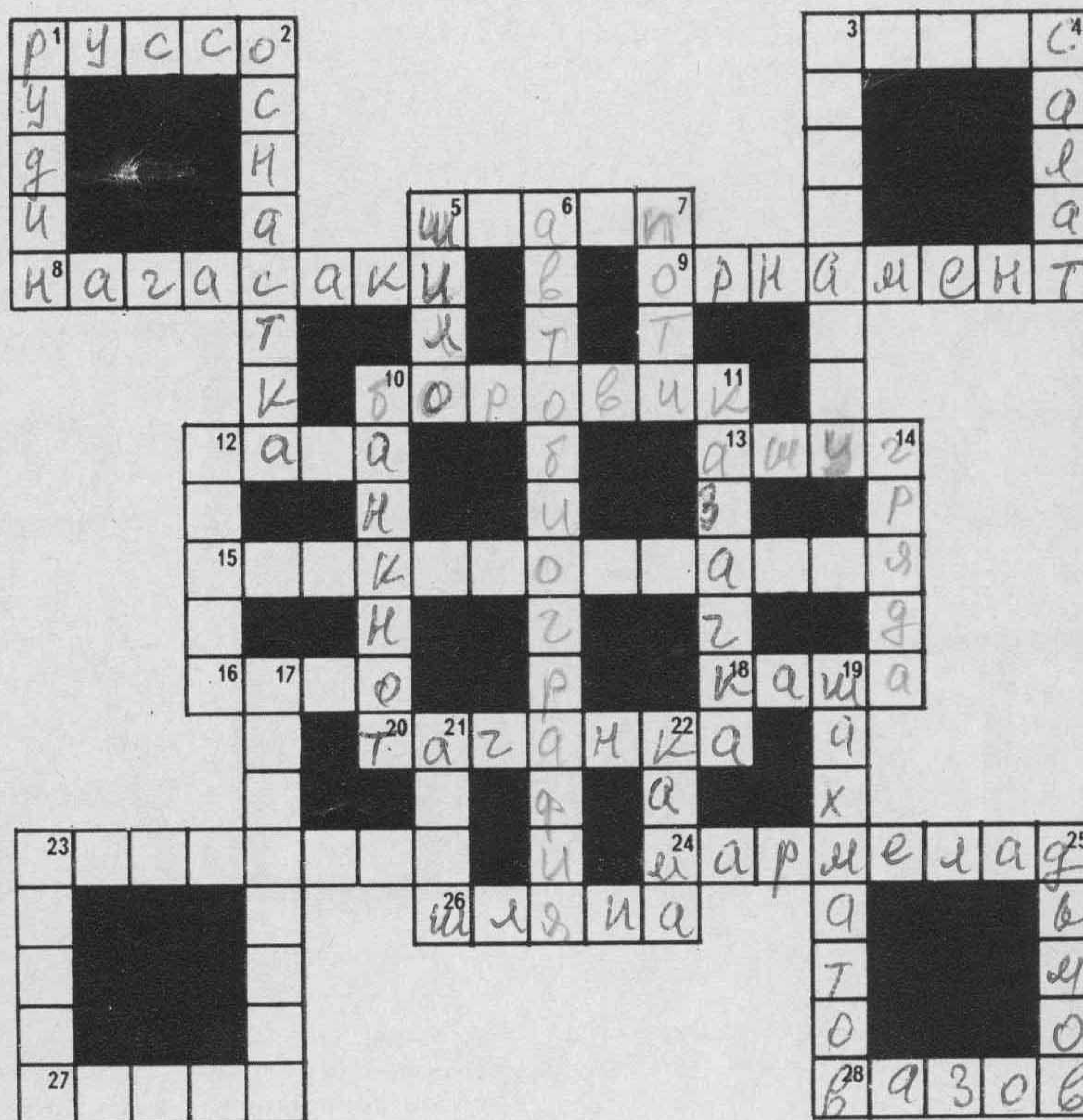
В Доме юмора собраны 32 тысячи экспонатов со всего света — уникальная коллекция подобного рода, а габровцы уверяют, что все это — только начало. Они уже видят рядом с домом парк юмора, сатирический театр, библиотеку... Строительство уже начато, и, возможно, дом скоро превратится в целый город.

Расширяется и программа фестиваля, в этом году, например, в Габрове впервые проводился международный конкурс комедийных фильмов. Первую премию получили советский фильм «Осенний марафон» и болгарская мультипликационная лента «Пастораль».

В сентябре прошлого года сессия Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО приняла резолюцию, согласно которой Дом юмора в Габрове получил официальное признание.

Вот так болгарский город завоевал себе славу самого веселого города на свете, а на карте появилась еще одна столица — столица смеха, а значит, мира, дружбы и взаимопонимания.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Французский философ, писатель XVIII века. 3. Кубинский остров в Карибском море. 5. Инструмент для изготовления изделий давлением. 8. Город в Японии. 9. Декоративный узор в архитектуре. 10. Белый гриб. 12. Подземная горная выработка для добычи полезного ископаемого. 13. Поэт-певец у народов Кавказа. 15. Раздел физики. 16. Река в Италии. 18. Кушанье из крупы. 20. Картина М. Б. Грекова. 23. Арифметическое действие. 24. Фруктово-ягодное кондитерское изделие. 26. Головной убор. 27. Советское спортивное общество. 28. Болгарский писатель.

По вертикали: 1. Роман И. С. Тургенева. 2. Оборудование судна, такелаж. 3. Картонная рамка для рисунка, гравюры. 4. Овощное растение. 5. Инструмент для прокалывания отверстий. 6. Описание своей жизни. 7. Порт в Грузии. 10. Денежный знак. 11. Песня И. О. Дунаевского. 12. Часть удочки. 14. Вытянутая в длину возвышенность. 17. Консультант по определенным вопросам. 19. Русский филолог, академик. 21. Чешский живописец и график. 22. Приток Волги. 23. Искусственный драгоценный камень. 25. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 1. Александрит. 5. Патефон. 6. Волошка. 8. Налим. 10. Лаура. 11. Блик. 13. План. 15. Азов. 17. Пост. 18. Водоизмещение. 19. Лифт. 21. Слет. 23. Крит. 25. Лука. 27. Бурка. 29. Номер. 31. Тромбон. 32. Терраса. 33. Серафимович.

По вертикали: 1. «Адели». 2. «Консуэло». 3. Довженко. 4. Тропа. 5. Пенал. 7. Абака. 9. «Мирандолина». 10. Лихтенштейн. 11. Бальзак. 12. Конверт. 13. Перепел. 14. Нереида. 16. Визит. 17. Пресс. 20. Форсунка. 22. Либретто. 24. Рабат. 26. Корма. 28. Кумыс. 30. Обруч.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ее зовут Жоан. (См. в номере материал «По дорогам Мозамбика».)
Фото Н. Ивановой

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Директор Ленинградского фарфорового завода имени М. В. Ломоносова, лауреат Государственной премии СССР Зинаида Игнатьевна Метелица * Подарочный комплект «Воспоминание». Авторы: росписи — Т. В. Афанасьева, формы — Н. П. Славина * Чашка с блюдцем «Зимний день». Авторы: росписи — А. В. Воробьевский, формы — Э. М. Криммер * Чайный сервиз «Светлый день». Авторы: росписи — Л. И. Григорьева, формы — Т. С. Линчевская * Скульптуры спортсменов «Лучница» и «Девушка с лентой». Автор — Э. И. Еропкина * Чашки. Автор росписи — А. В. Воробьевский. (См. в номере материал «Костяной фарфор».)
Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 08.06.81. Подписано к печати 23.06.81. А 05130. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1538. Заказ № 714.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Е. ЛУЦКАЯ

Фото И. ГАВРИЛОВА

В ЧЕСТЬ ТАНЦА

Если на колоннах трепещут государственные флаги десятков стран,

если Большой театр осажден толпой, а билетов нет,

если вместо первых рядов партера поставлены стол и кресла для прославленных мастеров, собранных в жюри,

если оркестровая яма отдана во владение фотокорреспондентам,

если зрители на диво единодушно выражают свой восторг,

если на сцене слагается песнь в честь прекрасной и трудной профессии —

значит, идет Международный конкурс артистов балета.

Конкурс—всегда праздник. Каждый участник стремился украсить общее торжество. Таким украшением конкурса стали москвичи Маргарита Бебезичи и Алла Ханиашвили, Владимир Кириллов и Ирек Мухамедов, ленинградец Константин Заклинский и солист львовского театра Анатолий Кучерук, пермская солистка Светлана Смирнова и киевлянка Анна Кушнерева, венесуэльский танцовщик Янис Пикиерис, посланцы Канады Ким Гласко и Кевин Пью, аргентинец Даниэль Эскобар...

У каждого из них — собственный сценический почерк. Есть среди них лирики и виртуозы, романтики и интеллектуалы. Однако все они беззаветно отдаются искусству — с тем самозабвением и той жертвенностью, без которых нет и не может быть настоящего балета. Их громадная, фанатическая работа замаскирована окрыленным, юным, блистательным артистизмом.

Конкурс — всегда труд. Напряжение мысли. Деятельность души. Работа над шедеврами наследия, одинаково приманчивыми для исполнителей далеких и близких стран — Вьетнама и Швеции, Австрии и Монголии, Японии и Панамы. Тяжкая и не всегда благодарная работа над постановками новыми.

Раздел современной хореографии на IV конкурсе, скажем честно, часто печалил и тревожил. Скудость балетного лексикона сопровождалась соответственной скудостью содержания. Образность порой подменялась формальной пластической схемой. Хореография порой не возвышала Человека, но низводила его до изображения грубо физиологичного и совершенно неэстетичного.

Тем рельефней обозначились преимущества миниатюр и фрагментов из балетов, отмеченных взаимопроникновением новаторского и традиционного, наделенных подлинно высокой человечностью и значительностью мысли. В таких номерах исполнители существовали естественно, свободно и счастливо. Трагический диалог Шарманщика с Музой экспрессивно воплощался саратовскими артистами Александром Степкиным и его партнершей Ларисой Новиковой. Исповедь Женщины станцевала со своим партнером Роландо Кандией кубинская балерина Мария Росарио Суарес. Задором, юмором, обаянием веяло от «Трехгрошовой сюиты», исполненной Джиги Хайят (ФРГ) с ее югославским партнером Динко Богданичем. Трогательной повестью о незащищенном юном существе звучал дуэт из «Крестового похода детей» в интерпретации Ангелы Рейнхардт (ГДР) и ее партнера Майкла Кноспе.

Последняя пара представляла младшую группу — еще одно новшество конкурса. Надо отдать «маленьким» должное: несмотря на разную степень подготовленности, разное качество обучения, они держались на подмостках с большим чувством собственного достоинства. Танцевали с неподражаемой наивностью, помноженной на великолепные данные и уже недетский профессионализм. Будь то воспитанники московского училища Нина Ананиашвили, Наталья Архипова и Андрис Лиепа, ученица пермской школы Наталья Ахмарова или Аманда Маккероу из Соединенных Штатов Америки — все они словно говорили своими выступлениями: судите нас безо всяких скидок на юность.

Баллы проставлены. Заседания жюри, что заходили подчас и за полночь, завершаются. Золото, серебро, бронза исполнителям, дипломы постановщикам и концертмейстерам будут вручены в торжественной обстановке. Отшумят аплодисменты, адресованные не только победителям, но и членам «судейской коллегии». И самым скромным, самым необходимым людям — педагогам и репетиторам...

1.

3.

2.

1. Перед началом концерта.

2. Международное жюри.

3. В ожидании решения жюри.

4. Па-де-де из балета «Щелкунчик» исполняет Джиги Хайят.

5. За кулисами.

6. Танец «Юность». На сцене Нина Ананиашвили и Андрис Лиепа.

7. Алла Ханиашвили дает автографы.

8. Выступление позади...

4

5.

6.

7.

8.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

